

Пополь-Вух Мифы индейцев Центральной Америки

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория
2006

Серия «Bibliotheca mythologica»
Составитель В. Харитонов

Перевод с языка киче,
комментарии и послесловие
Р. В. Кинжалова

М68 Мифы индейцев Центральной Америки: Пополь-Вух; Родословная владык Тотоникапана / Пер. с языка киче, коммент. и послесл. Р. В. Кинжалова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 240 с. (Серия «Bibliotheca mythologica»).

ISBN 5-9757-0054-X

«Пополь-Вух» (в переводе «Книга народа») — один из немногих уцелевших после испанского завоевания памятников литературы народов Древней Америки. В нем излагаются мифология и история народа киче, живущего в центральной части современной Гватемалы. Первая половина книги содержит космогонические мифы и сказания о сотворении людей, далее рассказывается о приключениях божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке, об их путешествии в преисподнюю — Шибальбу. Во второй половине излагается собственно история народа киче, доведенная до испанского завоевания.

«Родословная владык Тотоникапана» — важный исторический документ середины XVI века — также повествует о происхождении и истории киче, дополняя и уточняя содержание эпоса «Пополь-Вух».

ББК 82.3(0)

ISBN 5-9757-0054-X

© Кинжалов Р. В., перевод на русский язык, комментарии, послесловие, 2006
© Прокофьев К., Касьяненко А., обложка, макет, 2006
© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2006

Пополь-Вух

Вот начало старинных преданий о тех, кто в этой местности носит имя киче¹. Здесь мы [все] * напишем. Мы начнем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено в городе киче² племенами народа киче.

Здесь также мы откроем и сообщим то, что было раньше скрыто; изложим, как это было освещено Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, как они именуются. Здесь будет рассказано о Хун-Ахпу-Вуч, о Хун-Ахпу-Утиу, о Саки-Нима-Циис, о Тепеу, о Кукумаце, о Сердце озера, о Сердце моря, о Владыке зеленого блюда и Владыке зеленой чаши, как зовутся они³. Здесь будет также возведено и рассказано о Прародительнице и Прародителе, чьи имена — Шпийакок и Шмукане, защитниках и хранителях, дважды почтенной Прародительнице и дважды почтенном Прародителе, как именуются они в сказаниях киче. Там рассказывается все, что они совершили в свете существования, в свете истории.

Мы пишем теперь это уже при законе божием и при христианстве. Мы излагаем это потому, что у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света, пришедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга,

* Слова в тексте «Пополь-Вух» и «Родословной...», заключенные в квадратные скобки, введены переводчиком для пояснения текста. Цифры в квадратных скобках — ссылки на текстологический комментарий.

написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает. Величественными было ее появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли; как были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки; как она была расчленена и как было разделено небо; и была доставлена веревка для измерения и натянута в небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках, как это было названо Создательницей и Творцом, Матерью и Отцом жизни и всех сотворенных вещей, теми, кто создал дыхание и создал мысль, теми, кто дает рождение детям, теми, кто бодрствует над счастьем народа, детьми света, сыновьями света, теми заботливыми мыслителями, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море.

¹ Слова *quiché*, *queché* или *quechelá* значат «лес» на майяских языках Гватемалы. Центральные области страны, занятые киче в XV в., очевидно, назывались Киче, т. е. «(страна), покрытая лесами», — название, очень точно характеризующее природный облик этой части страны. Вероятно, киче, наиболее могущественный народ в этот период на территории Гватемалы, и получил свое имя от этого названия. Возможна и другая этимология — «лесные люди». Астекское слово *quauhtemallan* (откуда и происходит современное название страны — Гватемала) является калькой майяского слова *quichelá*. См.: *Manuel del Castillo J. Origen y significado del nombre Guatemala. 27° Congreso Internacional de Americanistas. Mexico, 1947. T. 2. P. 354—365.*

² В подлиннике *tinamit* — слово, заимствованное из языка пипиль и обозначающее укрепленное поселение, обнесенное оборонительными стенами; употребляется также для обозначения главного города, где проживает вождь племени.

³ Автор дает здесь перечисление главных божеств пантеона киче, перечисляя их по супружеским парам. Первая из них — *tzacol* и *bitol* «Создательница» и «Творец», вторая — *alom* и *gaholom* «Родительница», «Великая мать» и «Породитель сыновей», «Великий отец», третья — *tepeu* и *cucumatz* «Завоевательница», «Могущественная» и «Змея, покрытая зелеными перьями». Не исключено, однако, что две первые пары имен являются лишь эпитетами третьей пары — *Tepeu* и *Кукумаца*; точные указания по этому вопросу из текста «Пополь-Вух» извлечь невозможно. Название верховного божества «Змея, покрытая

зелеными перьями» ведет к божеству толмеков Кецалькоатлю, имя которого имеет то же значение. Возможно, что здесь мы имеем дело с тольтекским влиянием (см. послесловие, раздел 4).

Хун-Ахпу-Вуч и Хун-Ахпу-Утиу (*hunahpu vuch, hunahpu vtiau*) — другая божественная пара. Слово «хун-ахпу» имеет в языке киче много значений: охотник из выдувной трубки, вождь, владыка. В мифе о двух братьях излагается, как герой Хун-Ахпу становится солнцем. Следовательно, Хун-Ахпу был у киче солнечным божеством. В «Пополь-Вух» это божество уже расщеплено на два — мужское и женское — и имеет эпитеты, позволяющие их дифференцировать: Хун-Ахпу-Вуч «Хун-Ахпу — сумчатая крыса» — божество женское, а Хун-Ахпу-Утиу «Хун-Ахпу-койот» — божество мужское. Весьма вероятно, что Саки-Нима-Циис и упоминаемое ниже божество Нима-Ак (опущенное в данном месте «Пополь-Вух», очевидно, по описке) являются эпитетами к одной из упомянутых выше божественных пар. Саки-Нима-Циис (*zaqui-nima-tziis*) значит «великий белый коати» (*Nasua nasica* по современной зоологической терминологии), Нима-Ак (*nima ac*) — «великий кабан». Первое божество женское, второе мужское. Несколько ниже они упоминаются под именами «дважды почтенная Прародительница» и «дважды почтенный Прародитель» (*camul alom, camul gaholom*).

Шпийакок и Шмукане (*Xpiyasoc, Xmucane*) — буквально «старец» и «старлица» — являются, по всей вероятности, перенесенными в пантеон киче тольтекскими божествами Сипактонатль и Ошомоко; по мифам народов Центральной Мексики, они были изобретателями астрологии и календаря.

«Сердце озера» (*u gux cho*), «Сердце моря» (*u gux palo*), «владыка зеленого блюда» или «владыка земли» (*ah gaха lac*) и «владыка зеленой чаши (тыква)» или «владыка неба» — эпитеты верховного божества киче Хуракана. Подробнее о пантеоне «Пополь-Вух» см.: *Schultze Jena L. Popol Vuh. S. 185—190.*

[Глава 1]

Это — рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности¹, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто.

Это — первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться или дрожать или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах². Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями³, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес — таково имя бога и так он назывался.

Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот

они говорили, обсуждая и совещааясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек [1]. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй — Чипи-Какулха. Третий — Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес⁴.

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря [2]; кто должен быть тот, кто заботился бы об [их] пище и пропитании.

— Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, — так говорили они. — Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! — так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. «Земля!» — воскликнули они, и немедленно она была сотворена.

Подобно туману, подобно облаку и подобно облаку пыли была [земля] при своем сотворении, в начале своей телесности. Затем горы появились из воды [3]; большие горы выросли мгновенно.

Только чудом, только магическим искусством [4] были образованы горы и долины; и немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли.

И тогда Кукумац исполнился радости и воскликнул:

— Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, Раша-Какулха!

— Наша работа, наше творение должно быть закончено! — ответили они.

Сперва была создана земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодородной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать, благодаря им, действительностью.

¹ Следует отметить наличие определенной философской концепции в этом месте «Пополь-Вух». Вкратце ее можно сформулировать следующим образом: мир, вселенная — явление историческое, возникающее в определенный момент и начинающее развиваться по определенным закономерностям (конечно, еще наивно понимаемым здесь как воля главных божеств). Если мы вспомним, что в Европе подобные взгляды были сформулированы лишь в работе «Новая наука» Джамбаттисты Вико, опубликованной в 1726 г., то не сможем не оценить по достоинству высоту философского мышления анонимного автора «Пополь-Вух». Утверждения некоторых исследователей (см., например: *Schultz W. Einleitung in das Popol Vuh. Leipzig, 1913. S. 26*), что данное место «Пополь-Вух» представляет собой простой пересказ библейской легенды о сотворении мира, совершенно не соответствует действительности. Судя по другим памятникам киче (см., например, «Родословную владык Тотоникапана»), во всех случаях, когда использовались фразы из Библии, это тщательно отмечалось прямым указанием в тексте. Следовательно, искать какие-то параллели в библейской мифологии, ссылаясь лишь на утверждение автора во вступлении, что он пишет уже во время христианства, абсолютно неправомерно.

² Киче сочетали Кукумаца с водным элементом. Нуньес де ла Вега сообщает, что Кукумац — змея с перьями, движущаяся в воде (цит. по: *Recinos A. Popol Vuh. P. 81*). В «Летописи какчикелей» упоминается, что одно из переселившихся в Гватемалу племен было названо Кукумац из-за связи с водой (*Recinos A. The Annals of the Cakchiquels. Norman: University of Oklahoma Press, 1953. P. 59, 76*).

³ В подлиннике E-go-vi, e mucutal pa guc pa гахон. Guc или q'uc называлась у киче птица кецаль (*Pharomacgus mocinno*). Длинные зеленые перья из хвоста этой птицы высоко ценились у всех народов древней Мексики и Гватемалы и употреблялись для головных уборов

знатных лиц. Рахон или гахом — «птица с голубыми перьями», согласно словарю Доминго де Бассета; «птица с голубыми крыльями и каштанового цвета грудью» — по определению «Словаря францисканцев» (цит. по: *Recinos A. Popol Vuh. P. 82*). На современном языке киче слово *rañ-chon* обозначает ярко-голубую птицу с пурпурной грудью и горлом (*Cotinga amabilis*, мексиканское название «шиухтототль»).

⁴ Как видно из этого отрывка, киче представляли Хуракана как триединое божество. Общая для всех ипостасей часть имени — Какулха — значит «блеск молнии»; следовательно, перед нами бог-громовник. Это значение подчеркивается и его эпитетом «Сердце небес». Этимологии других имен менее ясны. Слово *huracan* означает буквально «одноногий», что напоминает астекское божество Тескат-липоку, изображавшегося таким же образом (*Seler Ed. 1) Codex Borgia, eine altmexikanische Bilderschrift. Berlin, 1904—1909. S. 147; 2) Das Tonalamatl der Aubin'schen Sammlung. Eine altmexikanische Bilderhandschrift der Bibliothèque Nationale in Paris. Berlin, 1900. S. 51*). Л. Шульце-Иена указывает, что мифы об одноногих божествах, связанных со звездным культом, встречаются и у индейцев Южной Америки (*Popol Vuh. S. 187*). Слово *гаха* означает «зеленый», «свежий», «сине-зеленый». Хименес так и переводит имя этого божества: «зелено-синяя молния». Чипи-Какулха переводится Хименесом как «*el mar requieño de los rayos*»; принцип такого истолкования понять невозможно. Перевод, предлагаемый Брассером де Бурбуром, также абсолютно не обоснован. Л. Шульце-Иена, используя упоминаемые в последующем тексте «Пополь-Вух» (часть III, глава 3) эпитеты Хуракана *chipi papavac* и *гаха papavac* и сравнивая их с мифами индейцев пипиль, приходит к выводу, что Раша-Какулха надо переводить как «молния-крошка» (*Däumlingsblitz, Knirpsblitz*). Этнографические параллели, приводимые им, вполне убедительны (*Popol Vuh. S. 187*).

Интересно отметить, что во время испанского завоевания бог бури на Антильских островах (очевидно, под каким-то влиянием религиозных представлений киче) назывался Хураканом. Отсюда это слово вошло в испанский, а затем и в другие европейские языки для обозначения бури, урагана. Таким образом, русское слово «ураган» восходит в конечном счете к языку киче.

[Глава 2]

Затем они создали малых диких животных, лесных человечков¹, духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ.

И спросили Великая мать и Великий отец: «Неужели только молчание и только тишина будут под деревьями, под лианами? Хорошо, чтобы в будущем кто-нибудь был там, чтобы охранять их».

Так говорили они, когда они размышляли и беседовали друг с другом. И быстро были созданы олени и птицы. Немедленно они указали оленю и птицам их жилища: «Ты, олень, будешь спать в полях, на берегах рек и в ущельях. Ты будешь бродить среди кустов, среди трав; в лесах ты будешь умножаться; ты будешь ходить на четырех ногах, и они будут тебя поддерживать. Так да будет сделано!» Так говорили они.

Затем они назначили также жилища птицам, большим и малым: «Вы, птицы, будете жить среди деревьев, среди лиан. Там вы сделаете себе свои гнезда, там вы будете умножаться; там вы будете увеличиваться в числе, в ветвях деревьев, посреди лиан».

Так было сказано оленю и птицам; они сразу же выполнили то, что им надлежало делать, и все они получили свои жилища и свои гнезда. Вот таким образом Великая мать и Великий отец дали земным животным их обиталища, так для оленя и птиц все обошлось хорошо.

И когда это было закончено, Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец сказали им: «Говорите, кричите, щебечите, зовите, говорите друг с другом, каждый согласно своему виду, согласно своему роду, каждый согласно своему способу!»

Так было сказано оленям, птицам, пуме, ягуарам и змеям.

«Называйте же наши имена, восхваляйте нас, вашу мать, вашего отца. Призывайте же Хуракана, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Сердце небес, Сердце земли, Создательницу и Творца, Великую мать и Великого отца, говорите же громко, призывайте нас, почитайте нас» — так было сказано им.

Но они не могли заставить их говорить подобно людям; они лишь свистели, и пищали, и кудахтали; они не были способны произносить слова, и каждый пищал на свой лад.

Когда Создательница и Творец услышали, что для них невозможно говорить друг с другом, то они сказали: «Для них совершенно невоз-

можно произносить наши имена, имена нас, их творцов и создателей. Это нехорошо», — сказали Великая мать и Великий отец друг другу.

Затем они сказали им: «Раз для вас невозможно говорить, вы должны быть изменены. Мы изменили свои намерения: ваша пища, ваши пастбища, ваши жилища и ваши гнезда останутся при вас; это будут ущелья и леса, потому что для вас невозможно почитать нас или призывать нас. Будут еще те, кто будет почитать нас, мы создадим другие существа, какие будут послушными. Примите ваше предназначение: ваша плоть будет разорвана на части. Да будет так! Вот что будет вашей участью». Так сказали они, когда они возвестили свою волю большим и малым животным, сколько их есть на поверхности земли.

Они желали дать себе новое испытание, они желали сделать новую попытку; они желали создать [существа, способные] почитать их.

Но [животные] не могли понять говора один другого; они не могли преуспеть в чем-либо и не могли сделать что-либо. Вот по этой причине их плоть была принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели. Вот по этой причине Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, была сделана новая попытка создать и сотворить людей.

«Давайте без промедления попытаемся снова. Уже приближается время для зари и света [5]. Давайте создадим того, кто будет питать и поддерживать нас! Что мы должны сделать, чтобы нас призывали бы, чтобы нас помнили на земле? Мы уже пытались в нашем первом творении с нашими первыми созданиями, но не могли мы заставить их восхвалять и почитать нас. Так давайте же попытаемся создать послушных, исполненных почтительности существ, которые бы кормили и поддерживали нас» — так говорили они.

Затем [существо] было сотворено и создано. Из земли, из глины они сделали [человеческую] плоть. Но они увидели, что это получилось неудачно. Она расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела силы; она падала вниз, она была слабой; голова ее совершенно не могла двигаться, лицо ее было скошено на одну сторону; зрение ее было полностью затуманено, и она не могла видеть сзади. В первый момент она зато могла говорить, но разума у нее не было. Она быстро намочла в воде и не могла стоять.

И тогда Создательница и Творец сказали: «Давайте попытаемся снова, потому что эти [создания] не способны ни ходить, ни размножаться.

«Давайте обдумаем это!» — сказали они. И вслед за этим они разломали и разрушили свою работу и свое создание.

И они говорили: «Что же мы должны делать, чтобы [наша] мысль осуществилась и [появились] существа, которые взывали бы к нам, молились бы нам?»

Так говорили они, совещаясь снова друг с другом: «Давайте же скажем Шпийакоку и Шмукане, Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу: бросьте ваш жребий снова, возвестите судьбу и создание такого существа». Таким образом Создательница и Творец беседовали друг с другом, и так говорили они Шпийакоку и Шмукане.

Тогда они сказали этим предсказателям, Старцам дня, Старцам зари [6], как они именовались Создательницей и Творцом, тем, чьи имена были Шпийакок и Шмукане.

И сказали Хуракан, Тепеу и Кукумац, когда они говорили с предсказательницей и с создателем, кто суть предвещатели: «Прежде всего надо ясно узнать и найти средства, чтобы этот человек, которого мы создадим, человек, которого мы намереваемся создать, мог бы кормить и поддерживать нас, мог бы призывать и помнить нас!

Примите же горячо наши слова, о Прародительница и Прародитель, о наша Праматерь и наш Праотец, Шпийакок, Шмукане, создайте свет, создайте зарю, сделайте нас призываемыми, сделайте нас почитаемыми, сделайте нас помнимыми сотворенным человеком, созданным человеком, настоящим человеком, совершенным человеком [7]. Скажите же: пусть будет сделано так!

Пусть будут известны [ему] ваши имена: Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу, дважды почтенная мать, дважды почтенный отец, Ним-Ак, Ним-Циис, хозяин изумрудов, работающий над драгоценностями, скульптор, строитель, создатель прекрасных блюд, создатель прекрасных сосудов, творец благовонных смол², мастер из Тольтеката, Праматерь солнца, Праматерь зари. Так вы будете именоваться теми, кто будет нашим делом и нашими созданиями.

Бросьте же жребий вашими зернами кукурузы и семенами дерева ците³. Сделайте это так, и это будет сделано! Мы тогда узнаем, сможем ли мы создать или вырезать его рот и глаза из дерева». Так было сказано предвещателям.

Они спустились сразу же, чтобы сотворить свое волшебство, чтобы бросить свои жребии зернами кукурузы и семенами дерева ците. «Судьба [8], создание!» — сказали Праматерь и Праотец в угоду им. И этот

Праотец был тот, кто предсказывает судьбу по семенам дерева ците, тот, кто называется Шпийакок. А Праматерь была прорицательница, создательница, та, которую называют Чиракан Шмукане [9].

Начиная прорицание, они говорили: «Сойдитесь вместе, схватите друг друга! Говорите, чтобы мы могли слышать, — говорили они, — скажите, будет ли хорошо, если дерево будет обработано и будет вырезано Творцом и Создательницей? Будет ли этот [деревянный человек] тем, кто должен питать и поддерживать нас, когда будет свет, когда будет день?»

Ты, кукурузное зерно, вы, семена дерева ците, ты, день судьбы, ты, творение, ты, охваченная зудом желания [10], и ты с напряженным фаллом, — говорили они кукурузе, ците, дню судьбы, созданию. — Приди, принеси здесь жертву кровью, Сердце небес, не наказывай Тепеу и Кукумаца».

Так говорили они тогда и сказали истину: «Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разговаривать на земле».

«Да будет это так!» — ответили [Создательница и Творец].

И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли.

Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех [ногах].

Они уже более не помнили о Сердце небес, и поэтому они погибли. Это было не больше чем проба, чем попытка [создать] человека. Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была тухлявой.

Поэтому они не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них.

Вот каковы были первые люди, существовавшие в большом числе на поверхности земли.

¹ U vinaquil huuyb. Вера в духов, обитателей лесных чащ, была широко распространена у народов Южной Мексики и Гватемалы. Чаше всего их представляли в виде маленьких уродливых человечков. Они могли причинить неприятности, сыграть с заблудившимся в лесу

человеком злую шутку, но иногда оказывали людям и помощь или услуги. В «Летописи какчикелей» они носят название *gu vinakil chee*, у юкатанских майя — *alux*. Названия этих духов у народностей Теуантепекского перешейка и поверья, связанные с ними, см.: *Covarrubias M. Mexico South, the Isthmus of Tehuantepec. New York, 1947. P. 99.*

² В данном месте «Пополь-Вух» в качестве эпитетов богов перечисляется целый ряд профессий. *Ahcuval* «хозяин изумрудов» — очевидно, резчик по изумрудам или зеленого цвета нефриту, высоко ценившемуся у всех народов Центральной Америки и Мексики. *Ahuamanic* «работающий над драгоценностями, ювелир», *ahchut* «скульптор, резчик», *ahfazalam* «мастер доски, плотник, резчик по дереву, строитель», *ah gaха lac* «создатель прекрасных (или зеленых — слово *гаха* имеет и то и другое значение, причем первое — производное от второго) блюд», *ah gaха zel* «создатель прекрасных (или опять-таки зеленых) сосудов», *ahgol* «творец копала или благовонных смол». *Ahtoltecat* «мастер из Тольтеката» — значение слова спорно. Оно может обозначать, кроме данного нами перевода, также: 1) «человек из Тольтеката», т. е. области, населенной народностью тольтеков; 2) «владыка тольтеков». Так как тольтеки в позднейшей легендарной традиции (например, у астеков) считались непревзойденными мастерами во всех видах изобразительного искусства, то мы и дали такой перевод. А. Ресинос считает, что здесь *ahtoltecat* обозначает просто «ювелир» (*Popol Vuh. P. 88*).

³ *Tzite* — *Erythrina corallodendron* — называется в современной Гватемале «дудочным деревом», так как из него изготавливаются дудки. Содержащиеся в его стручкообразных плодах похожие на бобы красные семена используются вместе с зернами кукурузы и по настоящее время индейским населением Мексики и Гватемалы при гаданиях (*Resinos A. Popol Vuh. P. 88*).

[Глава 3]

Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.

Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий.

Плоть мужчины была сделана из дерева ците, но когда Создательница и Творец создавали женщину, ее плоть была сделана из сердцевины тростника. Вот таковы были материалы, которые Создательница и Творец желали использовать, создавая их.

Но те, которых они создали, те, которых они сотворили, не думали и не говорили пред лицом своей Создательницы, пред лицом своего Творца. И из-за этого они были уничтожены, они были потоплены. Густая смола пролилась с неба. Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал их глаза; Камалоц¹ пришел и оторвал их головы; Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумбалам тоже пришел, он сломал и растерзал их кости и их жилы, он перетер и сокрушил их кости.

Это [было сделано], чтобы наказать их, потому что их мысли не достигали до лица их матери, до лица их отца, Сердца небес, что зовется Хураканом. И по этой причине лик земли потемнел, и начал падать черный дождь; ливень днем и ливень ночью.

Тогда сошлись малые животные и большие животные, а деревья и скалы начали бить [деревянных людей] по лицам. И все начало говорить: его глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их собаки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна, — все, сколько было, поднялось и начало бить их по лицам.

— Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы уьем вас, — сказали их собаки и домашние птицы.

А зернотерки сказали:

— Вы мучили нас каждый день; каждый день, ночью и на заре, все время наши лица терлись [друг о друга и говорили] холи-холи, хуки-хуки из-за вас. Вот какую дань платили мы вам. Но теперь вы, люди, наконец-то почувствуете нашу силу. Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки, — сказали им их зернотерки.

А затем заговорили их собаки и сказали:

— Почему вы не хотели давать нам ничего есть? Вы едва замечали нас, но вы нас преследовали и выбрасывали нас. У вас всегда была палка, готовая ударить нас, когда вы сидели и ели. Вот как вы обращались с нами, потому что мы не могли говорить. Разве мы не подошли бы, если бы все шло по-вашему? Почему же вы не глядели вперед, почему вы не подумали о самих себе? Теперь мы уничтожим вас, теперь вы почувствуете, сколько зубов в нашей пасти, мы пожрем вас, — говорили собаки, и затем они разодрали их лица.

А в это же самое время их сковородки и горшки также говорили им: — Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто бы мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сожжем вас, — сказали горшки, и они били их по лицам.

Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать.

Пришедшие в отчаяние [деревянные люди] побежали так быстро, как только могли; они хотели вскарабкаться на крыши домов, но дома падали и бросали их на землю; они хотели вскарабкаться на вершины деревьев, но деревья стряхивали их прочь от себя; они хотели скрыться в пещерах, но пещеры закрыли свои лица.

Так совершилась вторая гибель людей сотворенных², людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены.

Говорят, что их потомками являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, потому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева.

Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; [она] — пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами.

¹ Samalotz — название этого чудовища почти совпадает с названием другого (Камасоц), срезавшего в Шибальбе голову Хун-Ахпу (часть II, глава 10). Э. Зелер полагал поэтому, что и в том и в другом месте «Пополь-Вух» фигурирует одно и то же чудовище, и пытался подтвердить это положение параллелями из мексиканской мифологии (*Seler Ed. 1 Codex Borgia, eine altmexikanische Bilderschrift der Bibliothek der Congregatio de Propaganda Fide. Berlin, 1904—1909. S. 69; 2) Der Fledermausgott der Mayastämme. Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach-und Altertumskunde. Berlin, 1908. Bd. III. S. 652*). Однако в рукописи киче, так же как и в переводе Хименеса, стоит совершенно ясное *l*. Этимология слова samalotz не вполне ясна: сама обозначает «хищник», lotz «колоть копьем» — «хищный зверь, колющий копьем»(?).

² Миф о восстании домашних вещей против человека имелся также у народов Перу (см.: *Avila. A narrative of the errors, false gods etc. / Ed. Markhara. London, 1873. P. 131*). В. Крикеберг опубликовал

интересные данные о керамическом сосуде времени раннего чиму, на котором изображена сцена из этого мифа (*Krickeberg W. Mexikanisch-peruanische Parallelen. Ein Überblick und eine Ergänzung / Festschrift P. W. Schmidt. Wien, 1928. S. 385—388*). Однако делать из этого какие-либо выводы об общности происхождения центральноамериканской и перуанской культур, как поступают некоторые исследователи, конечно, не следует.

[Глава 4]

Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало.

Но тем не менее было [на земле] существо, звавшееся Вукуб-Какиш¹, и был он очень надменным.

Небо и земля, правда, существовали, но лики солнца и луны были еще совершенно невидимы [11].

И [Вукуб-Какиш] сказал: «Поистине, они — ясный образец тех людей, которые потонули, и их природа есть природа сверхъестественных существ².

Я буду теперь великим над всеми существами, созданными и сотворенными. Я емь их солнце, их свет и их луна, — воскликнул он. — Да будет так! Велика моя блистательность! Из-за меня будут люди ходить и стоять. Потому что мои глаза из серебра, широкие, сверкающие, как драгоценные камни, как изумруды; мои зубы блистают подобно замечательным камням, подобно лику небес. Мой нос сияет издалека подобно луне, мой трон — из серебра, и лик земли освещается, когда я прохожу перед своим тронном!

Итак, я солнце, я луна для всего человечества. Да будет это так, потому что я могу видеть очень далеко».

Так говорил Вукуб-Какиш. Но Вукуб-Какиш не был в действительности солнцем; он лишь возгордился из-за своих перьев и своих богатств. И видеть он мог только до той линии, где небо соединяется с землей; не мог он видеть всего мира.

Лик солнца еще не появился, и лик луны также; не было еще звезд, и заря еще не занималась. Поэтому Вукуб-Какиш и гордился, как будто бы он был солнцем и луной; потому что солнце и луна не показали еще своего света, еще не появились. Его единственным честолюбивым

желанием было возвысить себя и властвовать. И все это случилось, когда произошел из-за деревянных людей потоп.

Теперь мы расскажем, как умер Вукуб-Какиш, как он был ниспровергнут и как затем был создан Создательницей и Творцом человек.

¹ Сақиш — большой попугай арапа (*Sittace masao* L.) с пышным красно-зелено-голубым оперением. Имя Вукуб-Какиша, следовательно, надо переводить как «Семь арапа».

² Значение этих слов Вукуб-Какиша не совсем ясно. В них содержится какой-то намек о деревянных людях («те люди, которые потонули»). Возможно, что вся фраза говорит об обезьянах, схожих с деревянными людьми (см. конец предшествующей главы), которых Вукуб-Какиш принимает за сверхъестественных существ. См. комментарии Л. Шульце-Иена к этому месту (*Popol Vuh*, S. 183).

[Глава 5]

Вот начало [повествования] о поражении и разрушении величия Вукуб-Какиша, погубленного двумя юношами¹, первый из которых именовался Хун-Ахпу, а второй — Шбаланке. В действительности они были богами. Когда они увидели вред, который сделал высокомерный и собирается сделать, то юноши сказали перед лицом Сердца небес:

— Нехорошо, чтобы это было так. Ведь человек еще не может жить здесь, на земле. Поэтому мы попытаемся застрелить его из нашей выдувной трубки, когда он будет есть. Да, мы выстрелим в него из выдувной трубки и заставим его заболеть. И это будет концом его величия и богатств, его зеленых камней, его серебра, его изумрудов², его драгоценностей, которыми он так гордится. Это же может сделать каждый! Но не должен уподоблять себя огненному божеству тот, кто есть всего-навсего серебро.

— Так да будет! — сказали юноши, и каждый положил свою выдувную трубку на свое плечо.

И вот Вукуб-Какиш имел двоих сыновей: первый назывался Сипакна, второй же — Кабраканом. А мать этих двух носила имя Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

Этот Сипакна играл с огромными горами, как с мячом: с горой Чикак, с горой Хун-Ахпу, Пекуль, Нашка-Нуль, Макамоб³ и Хулиснаб.

Вот имена гор, которые существовали, когда появилась заря; в одну-единственную ночь они были созданы Сипакной.

И Кабракан также заставлял дрожать горы; благодаря ему большие и малые горы плавилась.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша провозглашали о своей гордости. «Слушайте, я есмь солнце!» — говорил Вукуб-Какиш. «Я, я тот, кто создал землю!» — говорил Сипакна. «Я тот, кто создал небо и заставил землю дрожать!» — говорил Кабракан.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша следовали примеру своего отца и его предполагаемому величию. И это казалось юношам большим злом. Ни наша первая мать, ни наш первый отец не были тогда еще созданы.

Вот почему была решена юношами смерть Вукуб-Какиша и его сыновей и их разрушение.

¹ Мифологические образы двух братьев — создателей культуры имеют параллели в мифологических циклах почти всех народов земного шара. Достаточно вспомнить Диоскуров греческой мифологии, Ашвинов — индийской, близнецов в фольклоре индейцев Северной Америки и аборигенов Океании. Огромный сравнительный материал по этому вопросу собран в книге: *Harris J. B. The Cult of the Heavenly Twins. Cambridge, 1906.* Советскому этнографу А. М. Золотареву удалось доказать связь этого мифа с повсеместно распространенной на определенном историческом этапе дуально-родовой организацией. «Близнецы идеальным образом отражают двуединство разделенного на две экзогамные половины племени...» (*Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. С. 143—148.*)

² Драгоценные и полудрагоценные камни зеленого цвета особенно высоко ценились у всех народов майя.

³ Макамоб — название на языке киче вулкана Суниль (*Villacorta J. A. y Rodas N. F. Manuscrito de Chichicastenango (Popol Buj). Guatemala, 1927. P. 406.*)

[Глава 6]

Здесь рассказывается о том, как двое юношей выстрелили из своих выдувных трубок в Вукуб-Какиша. Мы сообщим, как каждый из тех,

кто стал таким надменным, пришел к своей гибели. У Вукуб-Какиша имелось большое дерево тапаль¹, и он ел плоды его. Каждый день он направлялся к дереву и взбирался на его вершину.

Хун-Ахпу и Шбаланке увидели, что этот плод является его пищей. И они улеглись в засаде у подножия дерева; оба юноши глубоко запрятались в листву кустарника. А Вукуб-Какиш пошел прямо к своей еде из плодов дерева тапаль.

Мгновенно он был поражен выстрелом из выдувной трубки Хун-Хун-Ахпу. [Шарик] ударил его прямо в челюсть, и он, вопя, сразу же упал с верхушки дерева на землю.

Хун-Хун-Ахпу быстро подбежал, он действительно побежал, чтобы осилить его, но Вукуб-Какиш схватил руку Хун-Хун-Ахпу, вывернул ее и вырвал ее из плеча. После этого Хун-Хун-Ахпу выпустил Вукуб-Какиша. Конечно, [юноши] поступили хорошо, не допустив, чтобы они были первыми побеждены Вукуб-Какишем.

Неся руку Хун-Хун-Ахпу, Вукуб-Какиш отправился домой и, прибив туда, начал нянчить свою челюсть.

— Что это случилось с тобой, владыка мой? — спросила Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

— Что же может быть иного? Эти два чудовища выстрелили в меня из выдувных трубок и сдвинули мою челюсть. Поэтому она шатается, и мои зубы страшно болят. Но сперва поместим над огнем то, что я добыл, пускай она повисит! Пусть она повисит там, над огнем; конечно, эти чудовища скоро придут, чтобы снова завладеть ею, — сказал Вукуб-Какиш и подвесил руку Хун-Хун-Ахпу.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Шбаланке хорошо продумали все это, они отправились поговорить со старцем, имевшим снежно-белые волосы, и со старицей, а она была поистине очень стара и смиренна, и оба они были уже согнуты, как очень старые люди. Старца звали Саки-Ним-Ак, а старицу — Саки-Нима-Циис. И юноши сказали старцу и старице:

— Пойдемте вместе с нами к дому Вукуб-Какиша, чтобы получить нашу руку. Мы же пойдем сзади вас, и вы скажете им: «Эти вот, с нами, наши внуки; их мать и отец мертвы; поэтому они следуют за нами повсюду, где нам подают милостыню. Ибо единственное занятие, которое мы знаем, — это как выгаскивать червей из резцов и коренных зубов»². Поэтому Вукуб-Какиш подумает, что мы маленькие дети, и мы будем там, чтобы давать вам советы, — сказали двое юношей.

— Хорошо! — ответили [старец и старица].

Тогда они отправились в путь к своей цели и увидели Вукуб-Какиша, сидевшего на своем троне. Старица и старец пошли по дороге, а за ними следовали два мальчика, державшиеся позади них. Таким образом, они прибыли к дому владыки, а Вукуб-Какиш корчился и вопил из-за боли, которую причиняли ему его зубы. Когда Вукуб-Какиш увидел старца и старицу и тех, кто сопровождал их, он спросил:

— Куда же вы идете, прародители? — так сказал владыка.

— Мы идем поискать чего-нибудь поесть, почтенный владыка, — ответили они.

— А что вы едите? И не дети ли ваши те, кто сопровождает вас?

— О нет, почтенный владыка! Они наши внуки, но мы жалеем их, и от каждого куска, что подают нам, мы уделяем им половину, о почтенный владыка, — ответили старица и старец.

Между тем владыка испытывал страшную боль из-за своего зуба; он метался из стороны в сторону и мог говорить только с величайшим трудом.

— Я умоляю вас о помощи, имейте же ко мне сострадание. Что можете вы сделать? Что вы знаете, как лечить? — спросил их владыка.

И ответили [старец и старица]:

— О почтенный владыка! Мы можем только вытаскивать червей из зубов, только лечить глаза и только вправлять кости.

— Хорошо! Исцелите тогда мои зубы, которые поистине заставляют меня страдать день и ночь. Из-за них и из-за моих глаз я не могу быть спокоен и не могу спать. Все это из-за того, что два чудовища выстрелили в меня шариком из выдувной трубки, и вот с той поры я не могу больше есть. Имейте же ко мне сострадание! Моя челюсть совсем расшатана, мои зубы качаются!

— Хорошо, почтенный владыка! Это червь заставляет тебя страдать. Все это кончится, когда эти зубы будут вытащены и на их место поставлены другие.

— Хорошо ли будет, если вы вытащите мои зубы? Потому что только благодаря им я являюсь владыкой; мои зубы и мои глаза — вот и все знаки моего достоинства.

— Мы вставим другие, из блестящей кости, на их место.

Но блестящая кость в действительности была только зернами белой кукурузы.

— Хорошо, вытащите их тогда и помогите мне по-настоящему, — сказал он.

Тогда они вытащили зубы Вукуб-Какиша, но на их место они вставили только зерна белой кукурузы, и эти кукурузные зерна замечательно блестели у него во рту. Мгновенно черты лица его изменились, и он уже более не выглядел подобно владыке. Они вытащили все, до последнего, его зубы, которые сверкали, подобно драгоценным камням, у него во рту. И наконец они исцелили глаза Вукуб-Какиша; они содрали кожу с его глаз; они сняли с них все его серебро.

Но он не чувствовал никакой боли и мог видеть по-прежнему. У него только были отобраны все те вещи, которыми он так сильно гордился. Так именно это и было замыслено Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда Вукуб-Какиш умер. Хун-Ахпу же возвратил себе руку. Чимальмат, жена Вукуб-Какиша, также погибла.

Вот каким образом Вукуб-Какиш потерял свою величественность. Целители взяли все изумруды и драгоценные камни, которые были его гордостью здесь, на земле.

Старица и старец, сделавшие это, были чудесными существами; взяв руку [Хун-Ахпу], они приложили ее к ее месту, и когда они точно приладили ее, все было снова хорошо.

Только для того, чтобы осуществить смерть Вукуб-Какиша, совершили они все это; потому что им казалось дурным, что он стал таким надменным.

И тогда двое юношей отправились дальше, выполнив таким образом то, что им было приказано Сердцем небес.

¹ Дерево тапаль — *nima che ri tapal*, исп. *pance*. По Л. Шульце-Иене (*Popol Vuh*. S. 275) — *Malpighiaceae* *Bursonima crassifolia* (L); по А. Ресиносу (*Popol Vuh*. P. 96) — *Bursonima Cotinifolia*, *B. Crassifolia*. Плоды этого дерева напоминают по форме вишни; они имеют белый цвет и обладают своеобразным ароматом.

² До сих пор среди индейских народов Гватемалы распространено представление, что зубная боль вызывается червяком, поселившимся в зубе.

[Глава 7]

Дальше здесь следуют дела Сипакны, старшего сына Вукуб-Какиша.

— Я творец гор, — говорил Сипакна.

И вот этот Сипакна купался у берега реки, когда мимо проходили четыре сотни юношей, тащивших бревно, чтобы подпереть свой дом¹. Четыре

сотни [юношей] возвращались после того, как они срубили большое дерево, чтобы изготовить из него главную балку для крыши своего дома [12].

Тогда Сипакна вышел [из воды] и, подойдя к четырем сотням юношей, [сказал] им:

— Что это вы делаете там, юноши?

— Вот [тащим] это бревно, — [ответили они], — мы не можем поднять его и нести на своих плечах.

— Я отнесу его. Куда с ним идти? Для чего вы его хотите?

— Для главной балки в крыше нашего дома.

— Хорошо, — ответил он, поднял его, положил его на свои плечи и отнес к входу дома, [где жили] четыре сотни юношей.

— Теперь оставайся с нами, юноша, — сказали они, — есть ли у тебя мать или отец?

— У меня нет никого, — отвечал он.

— Мы собираемся завтра приготовить еще одно бревно для подпорки нашего дома.

— Хорошо, — ответил он.

Четыре сотни юношей начали совещаться друг с другом и сказали:

— Этот молодой человек там... как это нам устроить, чтобы мы смогли его убить? Как мы убьем этого мальчика? Потому что не предвещает ничего хорошего то, что он сделал, когда высоко поднял бревно один. Давайте сделаем большую яму и толкнем его, чтобы он упал в нее. Мы скажем ему: ступай вниз, выгребь землю и вытащи ее из ямы, а когда он спустится вниз, углубится в яму, мы сделаем так, что на него свалится большое бревно, и он умрет там, в яме.

Так говорили четыре сотни юношей. Затем они вырыли большую, очень глубокую яму. Тогда они позвали Сипакну.

— Ты нам очень нравишься. Иди же, спустись и рой землю, потому что мы не можем добраться [до дна], — сказали они ему.

— Хорошо, — ответил он. И после этого он сразу же полез в яму.

— Ты громко позови нас, когда накопишь много земли. Основательнее спускайся в глубину! — было приказано ему.

— Да будет так, — ответил он. И затем он начал углублять яму. Но яма, которую он делал, должна была спасти его самого от опасности. Он знал, что они желают убить его; поэтому он рыл вторую яму, он делал сбоку другое углубление, чтобы освободить себя.

— Как далеко [ты углубился]? — крикнули ему вниз четыре сотни юношей.

— Я еще копаю, я крикну вам, когда я кончу копать, — сказал Сипакна со дна ямы.

Но он не копал себе могилу; вместо этого он отрывал другое углубление, чтобы спастись.

Наконец Сипакна громко позвал их. Но когда он крикнул, он уже был в безопасности, во второй яме.

— Идите, соберите и вытащите выкопанную землю, мусор, находящийся на дне ямы, — сказал он, — потому что поистине я сделал ее очень глубокой. Разве вы не слышите моего зова? Но вот ваши крики, ваши слова повторяются здесь однажды и дважды, так что я хорошо слышу, где вы находитесь, — так взывал Сипакна из ямы, в которой он спрятался, так он громко кричал из глубины.

Тогда юноши быстро подтащили то самое огромное бревно и с силой швырнули его в яму.

— Пусть никто ничего не говорит! Давайте подождем, пока не услышим его предсмертного крика, — говорили они друг другу шепотом. И ни один из них не мог посмотреть в лицо другому, когда бревно шумно полетело вниз.

[Сипакна] заговорил затем, крикнул, но он вскрикнул только один лишь раз, когда бревно упало на дно.

— Как мы преуспели в этом! Мы действительно его поразили! Теперь он мертв, [— восклицали юноши, —] если бы, к несчастью, он продолжал то, что начал делать, конец был бы нам; он прежде всего набросился бы на нас, а тогда с нами, четырьмя сотнями юношей, было бы все кончено!²

И, исполненные радости, они говорили:

— Теперь в течение следующих трех дней мы должны делать себе опьяняющий напиток. Когда эти три дня пройдут, мы будем пить за постройку нашего нового дома, мы, четыре сотни юношей.

Затем они сказали:

— Завтра мы посмотрим, и на следующий день, послезавтра, мы также посмотрим; может быть, мы увидим, как выйдут муравьи из земли, когда он начнет пахнуть, когда он начнет разлагаться. Вот тогда наши сердца станут совершенно спокойны, и мы выпьем наш опьяняющий напиток, — говорили они.

Но Сипакна из своей ямы слышал все, что говорили юноши.

И действительно, на второй день появились полчища муравьев; они приходили, и шли, и собирались под бревном. И некоторые из них тащили в своих ртах волосы Сипакны, а другие тащили его ногти.

Когда юноши увидели это, они воскликнули:

— Этот злодей теперь погиб. Посмотрите, как собрались муравьи, как они идут полчищами и одни из них несут его волосы, а другие — его ногти. Посмотрите же! Вот что мы сделали! — так говорили они друг другу.

Но Сипакна был в действительности жив. Он обрезал себе волосы и обгрыз зубами свои ногти, чтобы отдать их муравьям.

И вот четыре сотни юношей поверили, что он мертв, и на третий день они начали праздновать, и все юноши напились пьяными. А когда четыре сотни становились пьяными, они не разумели ничего другого. И тогда Сипакна заставил дом упасть на их головы, и все они были убиты. Даже один или двое не спаслись среди этих четырех сотен; все они были убиты Сипакной, сыном Вукуб-Какиша.

Вот каким образом умерли четыре сотни юношей. Говорят, что они стали группой звезд, которую из-за них называют Моц³, но это может быть и неправда.

Теперь мы расскажем о том, как Сипакна был окончательно побежден двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке.

¹ В сказании о четырехстах юношах (отмуч gaholab) следует отметить два момента. Первый: юноши живут вдали от своих родителей (о них даже не упоминается в рассказе) в одном доме и составляют единый коллектив. Не случайно и число четырехста; оно обозначает здесь, по всей вероятности, просто «множество». Можно думать, что в этом сказании сохранились какие-то отзвуки представлений о мужских домах или домах для юношеских инициаций.

² Причина, которой пытаются оправдать свою попытку убийства Сипакны четырехста юношей, звучит неубедительно. В предшествующем тексте нигде не говорится о том, чтобы «он сталкивался с ними», наоборот, он послушно выполняет все их указания. Очевидно, перед нами уже поздняя трансформация мифа, при создании которой сказитель «Пополь-Вух» не понимал смысла покушения на Сипакну и дополнил от себя причину. В действительности же, по всей видимости, первоначально здесь был миф о «строительной жертве»; вся обстановка рассказа соответствует этому: 400 юношей строят дом, они роют яму, в которую спускается жертва, и т. д. Существование таких жертвоприношений в древности засвидетельствовано археологическими находками на территории Мексики и Гватемалы.

³ Motz — семь звезд, Плеяды. В древнем Перу они считались семью глазами Хуиракочи, наблюдавшими за урожаем (*Lehmann-Nitsche R. Astronomia indígena sudamericana. Buenos Aires, 1925. P. 16, 18*).

[Глава 8]

Теперь следует [повествование] о поражении и смерти Сипакны, побежденного двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Сердца этих юношей были полны злобы, потому что Сипакна убил четыре сотни юношей.

А он лишь ловил рыбу и раков на берегах всех рек, и это составляло его ежедневную пищу. В течение всего дня он ходил, выискивая себе пищу, а по ночам он таскал на своей спине горы.

При помощи листа растения эк, которое растет во всех лесах, Хун-Ахпу и Шбаланке быстро сделали фигуру, выглядевшую подобно очень большому раку. Из этого [листа] они сделали туловище рака, тонкие клешни его они сделали из пахака, а для панциря, который покрывает спину и зад рака [13], они использовали круглый плоский камень.

Затем они поместили рака в глубине пещеры [14], у подножия большой горы; Меауан¹ — вот имя горы, где [Сипакна] был [впоследствии] побежден.

Затем юноши отправились дальше и как будто случайно встретились с Сипакной на берегу реки.

— Куда ты идешь, юноша? — спросили они его.

— Никуда я не иду, — ответил Сипакна, — я лишь ищу себе пищу, о юноши.

— А что является твоей пищей?

— Только рыба и раки, но здесь ничего нет, и я ничего не нашел.

А я не ел вот уже два дня и не могу уже больше переносить голод, — сказал Сипакна Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Там, в глубине ущелья, есть рак, поистине огромный рак, и, конечно, хорошо было бы, если бы ты съел его. Только он нас укусил, когда мы пытались его поймать, и мы испугались. Ни за что не будем теперь пытаться его поймать, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Пожалейте меня! Пойдемте, покажите мне путь, о юноши, — попросил Сипакна.

— Ни за что на свете! Иди ты один, там невозможно заблудиться. Иди по берегу реки, вверх по течению, и ты выйдешь к подножию большой горы; там он и шумит, в глубине ущелья. Тебе надо туда только быстрее дойти, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Ох, горе мне! Он, наверное, вообще вам не встречался, о юноши! Пойдемте со мной, я покажу вам место, где имеется воистину множество птиц. Идемте, вы сможете застрелить их вашими выдувными трубками, а я знаю, где найти их, — сказал Сипакна.

Его смирение убедило юношей. И [они спросили его]:

— Но ты в действительности сумеешь поймать его? Потому что только из-за тебя мы возвращаемся. Мы не собирались снова пытаться поймать его, потому что он укусил нас, когда мы влезали на животе в пещеру. После этого мы испугались и не влезли, но мы почти ухватили его. Так что лучше будет, если ты влезешь внутрь, — сказали они.

— Хорошо, — сказал Сипакна, и тогда они отправились вместе с ним. Они пришли на дно ущелья, и там, простертый на своем животе, находился рак, выставляя свой прекрасный тонкий панцирь [15]. И там же, на дне ущелья, находилось и колдовство [юношей].

— Хорошо, хорошо, — сказал Сипакна, очень довольный, — хотелось бы мне, чтобы он уже был у меня во рту. — А он действительно умирал от голода.

Он хотел попытаться влезть [в пещеру] на животе, он хотел войти туда, но рак начал подниматься.

[Сипакна] сразу же вышел, и [юноши] спросили его:

— Ну что же, ты не поймал его?

— Нет, — ответил он, — потому что он начал подниматься, но еще немного, и я схватил бы его. Но, может быть, будет лучше, если я влезу [в пещеру] сверху, — добавил он.

И тогда он снова попытался войти, уже сверху, но когда он был почти внутри и были видны только его пятки, как вдруг огромная гора соскользнула и медленно упала на его грудь. И Сипакна никогда уже не возвратился; он был превращен в камень.

Вот каким образом Сипакна был полностью повержен двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Он был старшим сыном Вукуб-Какиша, и по старинному преданию он был тем, кто создал горы.

У подножия горы, называемой Меауан, был побежден он. Только из-за магического искусства [юношей] был он побежден, второй из надменных. Остался еще один, и теперь мы расскажем о нем.

¹ Высокая гора, носящая это имя, находится в нижнем Верапасе, около 10 км к востоку от Рабиналя (*Brasseur de Bourbourg Ch. E. Popol Vuh. P. 58*).

[Глава 9]

Третьим из надменных был второй сын Вукуб-Какиша, и имя его было Кабракан.

— Я тот, кто ниспровергает горы, — говорил он.

Но Кабракан был также побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха говорили и сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— Пусть будет также побежден и второй сын Вукуб-Какиша. Таково наше неизменное пожелание, потому что нехорошо, что они существуют на земле, возвеличивая свою славу, свое величие и свое могущество больше, чем солнце. Так не должно быть! Завлеките его туда, где поднимается солнце, — сказал Хуракан двум юношам¹.

— Хорошо, почтенный владыка, — ответили они, — потому что мы видим, что это дурно. Разве не существуешь ты; ты, кто есть жизнь, ты, Сердце небес? — сказали юноши, когда они слушали повеление Хуракана.

А между тем Кабракан занимался тем, что тряс горы. При самом легком ударе его ноги о землю большие и малые горы раскрывались. Так юноши нашли его и спросили Кабракана:

— Куда же ты идешь, юноша?

— Никуда, — ответил он, — я здесь двигаю горы и сравниваю их навсегда с землей, — добавил он.

Затем Кабракан спросил Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А что вы пришли сюда делать? Я не знаю ваших лиц! Как ваши имена? — спросил Кабракан.

— У нас нет имени, — ответили они, — мы не что иное, как стрелки из выдувных трубок² и охотники с клеевыми ловушками для птиц на горах. Мы бедны, и у нас нет ничего, юноша. Мы лишь бродим по горам, большим и малым, как и ты, о юноша. Только что мы видели огромную гору, вот там, где ты видишь розовеющее небо. Она действительно поднимается очень высоко и превышает вершины всех [других] гор. Она так [высока], что мы не смогли поймать даже одну или двух

птиц на ней, о юноша. Но это правда, что ты можешь сравнять все горы? — спросили Кабракана Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Вы действительно видели гору, о которой вы говорите? Где она? Вы тогда увидите сами, что я ниспровергну ее. Где вы ее видели?

— Она вон там, где поднимается солнце, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, идите впереди, покажите мне дорогу, — сказал он двум юношам.

— Ох, нет, — ответили они, — ты должен идти между нами; один пойдет слева от тебя, а другой — справа от тебя, потому что у нас выдувные трубки и, если будут птицы, мы сможем стрелять в них.

И, довольные, они отправились, пробуя свои выдувные трубки. Но когда они стреляли из них, они не клали глиняных шариков в дуло выдувной трубки. Вместо этого они сбивали птиц только дуновением воздуха, когда стреляли в них, и это очень удивляло Кабракана.

Затем юноши разожгли огонь и начали жарить на нем своих птиц. Но спинку одной из них они натерли мелом; белой землей покрыли они ее.

— Мы дадим ему это [кушание], — сказали они, — чтобы пробудить его аппетит тем запахом, который оно издает. Эта наша птица будет его гибелью. Как мы покрываем эту птицу землей, так же мы сведем его в землю и погребем его в земле. Велика будет мудрость сотворенных существ, существ созданных, когда наступит заря, когда будет свет, — сказали юноши.

— Так как для человека естественно хотеть откусывать и проглатывать, то сердце Кабракана пожелает пищи, — говорили Хун-Ахпу и Шбаланке друг другу.

Между тем птицы жарились, они начинали становиться золотистыми, а жир и сок, капавший с них, распространял приятный запах. Кабракану очень захотелось съесть их; они наполнили его рот водой: он зевал, а слюна и пена текли [из его рта] из-за запаха, который издавали птицы.

Тогда он спросил их:

— Что это вы там едите? Запах, который доходит до меня, действительно замечателен. Дайте-ка мне маленький кусочек! — сказал он им.

Тогда они дали Кабракану птицу, ту самую, которая должна была быть его гибелью³. И когда он кончил есть ее, они отправились по направлению к востоку, где была большая гора. Но руки и ноги Кабракана

уже полностью ослабели, и он не имел силы, потому что спинка птицы, которую он съел, была натерта землей. Он не мог ничего сделать с горами и был бессилён сокрушить их.

Тогда юноши связали его; они связали ему руки, они укрепили его руки за спиной; они связали его ноги. Затем они бросили его на землю и похоронили его в ней.

Вот каким образом Кабракан был побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Но невозможно было бы поведать о всех делах, которые они совершили здесь на земле.

Теперь мы расскажем о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке, предварительно сообщив о поражении Вукуб-Какиша, Сипакны и Кабракана здесь на земле.

¹ В этом месте яснее всего выражена причина уничтожения Вукуб-Какиша и его сыновей. Речь идет о борьбе между богами и титанами, но по греческому мифу боги сражаются сами, а в мифе киче — при помощи своих орудий, полубогов Хун-Ахпу и Шбаланке.

² О выдувных трубках у древних народов Центральной Америки см.: Burland C. A. The Blow-Gun in pre-Spanish Mexico // Ethnos. 1949. № 2—4. P. 101—104.

³ Следует отметить, что все дети Вукуб-Какиша, как и он сам, гибнут при принятии пищи.

[1] Брассер де Бурбур неправильно переводит: «и в момент зари человек появился», не разобравшись в смысле фразы *ta xcalah ruxh vinas*.

[2] В подлиннике: *huracha ta chanax-oc, ta zaquiro ruxh* — фраза, неоднократно встречающаяся и в дальнейшем тексте. Хименес, а вслед за ним и Брассер де Бурбур путают глагол *аиах* «заря восходит, занимается» со словом *аиix* «поле», «посев». Отсюда его перевод: «чтобы был посев». Шульце-Иена (*Popol Vuh*, S. 5) переводит: «каким образом должна быть посеяна (жизнь)», также не делая различия между этими двумя глаголами.

[3] Хименес понял выражение *x-ta re* как производное от слова *тар* «рак» и соответственно перевел: «как раки появились из воды горы». Брассер де Бурбур следует переводу Хименеса. А. Ресинос и Шульце-Иена дают правильный перевод.

[4] Хаqui naual, хаqui ruz xbanatah vi. Выражение ruz naual употребляется для обозначения магической силы, превращающей одну вещь в другую. «Ruz naual haleb — колдовство, используемое индейцами, чтобы превращаться в огненные шары, орлов и животных» (словарь Франсиско Барель; цит. по: *Recinos A. Popol Vuh. P. 84*).

[5] Мi хуорih гаиахiс и заquiric. Брассер де Бурбур переводит: «приближается уже время посева», неправильно толкуя выражение гаиахiс (см. [2]).

[6] В подлиннике слова ratit quih ratit zas — буквально «Старице дня, Старице зари» (Л. Шульце-Иена так и переводит это выражение; *Popol Vuh. S. 11*). Но общий контекст всей фразы указывает, что автор подразумевал здесь не только Шмукане, но и Шпийакока, отсюда и наш перевод (ср. также находящееся перед этим e nicvachinel «этим предсказателям»).

[7] А. Ресинос, основываясь на данных языка какчикель, предлагает другой перевод vinas aном — «смертным человеком» (*Popol Vuh. P. 87*).

[8] В подлиннике слово quih «солнце». Брассер де Бурбур так и переводит его. Но, кроме того, слово quih может означать также «судьба», что значительно более подходит здесь по общему смыслу фразы.

[9] Эпитет chiracan (chiri acan) «с ногами», «имеющая ноги» непонятен; очевидно, здесь намек на какой-то неизвестный нам миф. Перевод А. Ресиноса — «великая» (*Popol Vuh. P. 88*) — совершенно не обоснован. Шульце-Иена (*Popol Vuh. S. 13*) оставляет это слово без перевода.

[10] В оригинале слова catchoconic cattaquen tah. Смысл этого восклицания в том, что зерна кукурузы и семена дерева ците олицетворяют здесь мужское и женское начало мира, которые, соединяясь, создадут человечество. Подробнее см.: *Schultze Jena L. Popol Vuh. S. 189*.

[11] Ха самомот v vach quih, ic — буквально «совершенно слепы», т. е. невидимы. У пипилей Сальвадора употребляется аналогичное выражение, когда они говорят о лунном свете, сравнивая его с солнечным, потому что, по их представлениям, божество луны имеет лишь один видящий глаз. См.: *Schultze Jena L. Indiana II, Mythen in der Muttersprache der Pipil von Izalco in El Salvador. Jena, 1933. S. 95*.

[12] В подлиннике употреблено слово cabal «дом», «хижина», «жилище», заимствованное из языка ишил (Stoll O. *Zur Ethnographie der Republik Guatemala. Zürich, 1884. S. 51*).

[13] Буквально *v va r-achac tar* «лицо кала (т. е. задней части) рака».

[14] В подлиннике слово *sos* «черепаха», употребляемое также для обозначения всякого животного, носящего панцирь.

[15] В подлиннике слово *sasvasavoh*. Хименес, а вслед за ним и Брассер де Бурбур (*Royal Vuh*. P. 59) видят в этом слово, производное от *vas*, и переводят «красный», что грамматически совершенно невозможно. Учитывая постоянное смешение в это время букв (и звуков) *v* и *b*, следует предполагать исходное слово *bas*. Отсюда и данный нами перевод. Л. Шульце-Иена (*Royal Vuh*. S. 219) приходит к тому же выводу.

[Глава 1]

Теперь мы назовем имя отца Хун-Ахпу и Шбаланке. Полумрак скрывает его голову, и в полумраке находится все то, что сообщается и повествуется о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Мы расскажем только лишь половину ее, только часть того, что рассказывается об их предках.

Вот повествование [о них]; вот имена: Хун-Хун-Ахпу [и Вукуб-Хун-Ахпу]¹, как назывались они. Родителями их были Шпийакок и Шмукане. В ночи были рождены² ими, Шпийакоком и Шмукане, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И вот Хун-Хун-Ахпу породил двух детей, и это были сыновья: первый носил имя Хун-Бац, а второй — Хун-Чоуэн³.

Мать этих двух сыновей именовалась Шбакийало⁴; так называлась жена Хун-Хун-Ахпу. Что же касается другого сына, Вукуб-Хун-Ахпу, то он не имел жены; он был одинок.

По природе своей эти два сына были очень мудрыми, и великим было их знание; они были предсказателями здесь на земле, и дела и привычки их были прекрасны.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн, сыновья Хун-Хун-Ахпу, имели навыки и способности ко всему. Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами — всем этим были Хун-Бац и Хун-Чоуэн⁵.

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не занимались ничем, кроме игры в кости⁶ и мяч, в течение целого дня, а когда они сходились все четверо вместе для игры в мяч, то одна пара играла против другой.

И Вок⁷, посланник Хуракана, посланник Чипи-Какулха и Раша-Какулха, приходил туда, чтобы наблюдать их [игру]. Не далека для этого Вока ни поверхность земли, ни преисподняя Шибальбы⁸. В одно мгновение он может унести на небо и быть около Хуракана.

[Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу] пребывали еще здесь, на земле, когда умерла мать Хун-Баца и Хун-Чоуэна.

И вот, когда они играли в мяч, на дороге, которая вела в Шибальбу, они были услышаны владыками Шибальбы Хун-Каме и Вукуб-Каме⁹.

«Что это такое? Что происходит там, на земле? Кто эти, что заставляют дрожать землю и вызывают столько смятения? Подите и позовите их! Пусть они придут играть в мяч сюда! Здесь мы победим их! Эти [создания] уже более не почитают нас! У них нет более ни почтения, ни уважения к нашему положению, и они даже занимаются своими причудами над нашими головами», — восклицали все владыки Шибальбы.

Тогда они, все вместе, собрались на совет. Те, которые назывались Хун-Каме и Вукуб-Каме, были высшими судьями. Всем владыкам были назначены свои обязанности, и каждому из них Хун-Каме и Вукуб-Каме дали свою, соответствующую ему власть.

Там были Шикирипат и Кучумакик, владыки с такими именами¹⁰. Они были те двое, которые причиняют кровотечение у людей.

Там были другие, назывались они Ах-Альпух и Ах-Алькана, тоже владыки¹¹. И их делом было заставлять людей пухнуть, чтобы из их ног изливался гной, и окрашивать их лица в желтый цвет, что называется чу-канал¹². Вот над чем владычествовали Ах-Альпух и Ах-Алькана.

Там были также владыка Чамиабак и владыка Чамиахолом, жезлоносцы Шибальбы, чьи посохи были из чистой кости¹³. Их делом было заставлять людей чахнуть, пока от них не оставалось ничего, кроме черепа и костей, и тогда они умирали, потому что живот у них приклеивался к позвоночнику. Вот что было делом Чамиабака и Чамиахолома, как именовались эти владыки.

Там были также владыка Ах-Альмес и владыка Ах-Альтокоб¹⁴; их делом было приносить людям несчастья, когда те находились перед своим домом или позади него, — так, чтобы их нашли израненными, распростертыми, с лицом, уткнувшимся в землю, мертвыми. Вот над чем владычествовали Ах-Альмес и Ах-Альтокоб, как именовались эти [владыки].

Там были, наконец, владыки по имени Шик и Патан¹⁵. Их делом было заставлять людей умирать на дороге — то, что называется внезапной смертью, — заставляя кровь устремиться к их горлу, пока они не умирали, изрыгая кровь. Делом каждого из этих владык было наброситься на них, сжать их горло и сердце, чтобы хлынула у них горлом кровь во время пути. Вот над чем владычествовали Шик и Патан.

И вот собрались они на совет и решили совместно, что должно преследовать и мучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, чтобы сделать их уступчивыми. Но в действительности то, чего домогались владыки Шибальбы, было другим. Снаряжения для игры в мяч Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — их наколенников из кожи, нашейников, перчаток, головных уборов и масок, — всего того, что было игральными принадлежностями Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, — [вот чего добились они].

Теперь мы расскажем об их путешествии в Шибальбу, и как они оставили после себя двух сыновей Хун-Хун-Ахпу: Хун-Баца и [Хун-]Чоуэна, мать которых была уже мертва. А в конце мы расскажем и о том, как Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке.

¹ Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — буквально «один хун-ахпу» и «семь хун-ахпу». (О значении слова «ахпу» см. примеч. 3, с. 8—9.) Имена этих героев представляют собой названия двух дней в календаре киче. Месяц древних киче состоял из двадцати дней (названия их — имош, ик, акбаль, кат, кан, камей, кех, канель, тох; ци, бац, э, ах, балам, цикин, ахмак, нох, тихаш, каок, хун-ахпу). Племена майя до испанского завоевания обозначали день года путем соединения цифрового коэффициента (от 1 до 13) и названия дня. Благодаря этому получался непрерывный ряд из 260 дней; сочетание числа и дня могло повториться лишь через данный промежуток времени. Этот период в 260 дней составлял у киче ритуальный год, носивший название cholquih. Существовал обычай, по которому рожденный в тот или иной день ребенок получал название этого дня как свое имя. Этим и объясняются встречающиеся далее имена действующих лиц, совпадающие с названиями дней.

² Chi agabal — т. е. до того, как были созданы солнце и луна.

³ Хун-Бац (hun batz — «одна обезьяна») — одиннадцатый день календаря киче; Хун-Чоуэн (hun chouen — значение то же) — одиннадцатый день в календаре юкатанских майя.

⁴ Шбакийало — «из связанных костей», согласно толкованию Хименеса.

⁵ Ah chuen на языке майя обозначает «ремесленник» (Diccionario de Motul).

⁶ Ланда, говоря о майя Юкатана, отмечает, что «они играли в мяч, а также, используя бобы, в игру вроде костей».

⁷ Вок — сокол, посланник богов.

⁸ Chi-Xibalba — буквально «Место ужаса». «В древности, — говорит Кото, — это слово Xibalba означало дьявола, или мертвого, или видения, появившиеся перед индейцами». В словаре юкатанских майя это слово имеет то же значение: «Шибальба» означало дьявола, а глагол xibil — «исчезать, подобно видению или призраку». У майя исполнялся танец, называвшийся Xibalba osot «танец демона». Киче верили, что Шибальба — подземная область, населенная врагами человека, царство богов смерти.

⁹ Хун-Каме «один мертвый» и Вукуб-Каме «семь мертвых» — дни календаря киче.

¹⁰ Согласно Хименесу, имя первого обозначает «летающая корзина», имя второго — «собранная кровь».

¹¹ Ahalpuh — «тот, кто причиняет нарывы». У современных какичелей это слово обозначает венерическую болезнь. Ahalgana — «тот, кто причиняет водянку», согласно толкованию Хименеса.

¹² Chuganal — род желтухи.

¹³ Chamiabas — «тот, кто носит костяной жезл». Chamiaholom — «тот, кто носит жезл с черепом». И тот и другой жезл — символы смерти. Ahchami — «человек с жезлом» (жезл или палка — символ власти) — люди, поддерживающие общественное спокойствие в городе-государстве.

¹⁴ По Хименесу, Ahalmez — «тот, кто делает нечистоты». Ahal-tosob — «тот, кто причиняет несчастье». Возможно другое толкование: «тот, кто причиняет раны», «убийца», — так как глагол tos означает «бить», «ранить», «обезглавить». Тесорé имеет то же самое значение.

¹⁵ Xic — «сокол». Patan — кожаная лента, носимая индейцами на голове; к ней прикрепляется носимая на спине ноша. У современных киче она известна под мексиканским названием тесарал. Многие из перечисляемых в этом месте имен божеств встречаются в «Vocabulario de las lenguas Quiché y Kakchiquel», где они определяются как

«имена демонов»: Ahalpuh, Cael Ahau, Ahal Tocol, Ahal Xic, Ahal Sapuá. Последний, очевидно, и является Ahalganá «Пополь-Вух». Хронист Панталеон де Гусман говорит, что среди других божеств, почитаемых какчикелями, Ahal Puh, Ahal Tecob, Ahal Xic и Ahal Sapuá в действительности являются названиями болезней; кроме того, они почитали Tatan bak — «отец костей» и Tatan holom — «отец черепов» — богов смерти. В последних нетрудно узнать Чамиабака и Чамиахолома нашего текста. Ahal Puh, кажется, был тот же самый бог смерти, которого мы знаем у майя Юкатана под именем Ah Puch или Hunahau. Его область владычества называлась Mitnal (*Recipos A. Popol Vuh. P. 111*).

[Глава 2]

Тотчас по повелению Хун-Каме и Вукуб-Каме [перед ними] предстали посланные.

— Отправляйтесь, мужи совета, — сказали они. — Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Скажите им: «Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны прийти. Они должны прийти сюда поиграть с нами в мяч, чтобы сделать нас счастливыми, так как мы истинно изумлены ими». Поэтому они должны прийти к нам, — сказали владыки. — И пусть они принесут с собой свое снаряжение для игры¹, их нашейники, их перчатки, и пусть также они принесут и свой каучуковый мяч, — говорили владыки. — Скажите им, чтобы они пришли как возможно скорей! — так повелели они своим посланцам.

А эти посланные были совы: Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холом-Тукур². Таковы были имена посланников Шибальбы.

Чаби-Тукур был быстр как стрела, Хуракан-Тукур имел только одну ногу, но у него были крылья; Какиш-Тукур имел красную спину и крылья, а у Холом-Тукура имелась только голова, ног не было, но имелись крылья.

Эти четыре посланных имели достоинство ах-поп-ачиха³. Оставя Шибальбу, они быстро прибыли, принеся свое послание в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч, в здание для игры в мяч, которое называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники направились прямо в здание для игры в мяч и передали свое поручение точно, так как оно было дано им Хун-Каме, Вукуб-Каме, Ах-Альпухом,

Ах-Альканой, Чамиабаком, Чамиахоломом, Шикирипатом, Кучумакиком, Ах-Альмесом, Ах-Альтокобом, Шиком и Патаном, как назывались те владыки, которые послали поручение с совами.

— Действительно ли владыки Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали, что мы должны идти с вами?

— Они определенно сказали так, и мы будем сопровождать вас. «Пусть принесут они с собой все их снаряжение для игры», — сказали владыки.

— Хорошо! — сказали [юноши]. — Подождите нас, мы только сходим проститься с нашей матерью.

И вот они направились прямо домой и сказали своей матери, потому что отец их был уже мертв:

— Мы уходим, мать наша, но уходим только на время [1]. Посланники владык пришли, чтобы взять нас. «Они должны прийти как возможно скорей», — сказали [владыки]; так передали нам их посланцы. Мы оставим здесь наш каучуковый мяч в качестве заложника [2], — добавили [братья].

И они немедленно пошли и повесили его в углублении крыши дома, там, где находилась ниша.

— Мы возвратимся и будем потом играть, — сказали они.

И, подойдя к Хун-Бацу и Хун-Чоуэну, они сказали им:

— Играйте на прекрасной флейте и пойте прекрасно, занимайтесь живописью и резьбой по камню, согревайте наш дом и согревайте сердце вашей бабушки!

Когда они прощались со своей матерью, Шмукане очень огорчилась и горько заплакала. «Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли», — сказали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, когда они покидали ее.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились немедленно, и посланные шествовали впереди них по дороге. И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням. Они спускались вниз до тех пор, пока не подошли к берегу постоянно изменявшейся реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, называвшимися Нусиван-куль и Кусиван, и переправились через нее. Затем они пересекли местность с очень изменчивой рекой, которая текла среди колючих тыквенных деревьев. Там было очень много тыквенных деревьев, но они прошли между ними, не причинив себе вреда.

Затем они подошли к берегу другой реки, реки из крови, и пересекли ее, но не пили из нее воды, они только перебрались на другой берег,

и поэтому они не были побеждены. А затем они подошли к другой реке, реке целиком из гноя; но она не принесла им вреда; они прошли снова беспрепятственно.

[Братья] двинулись дальше, пока они не пришли на место, где соединялись четыре дороги, и здесь, на этом перекрестке четырех дорог, они были настигнуты судьбой.

Одна из этих четырех дорог была красная, другая — черная, третья — белая и последняя — желтая. И черная дорога сказала им: «Меня, меня должны вы избрать, потому что я — дорога владыки». Так сказала дорога.

И в этом месте они были уже побеждены. Они приняли эту дорогу, дорогу к Шибальбе, и, когда [братья] прибыли на место совета владык Шибальбы, они уже потеряли в игре.

И вот, первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы. [Братья] приветствовали их первыми: «Привет, Хун-Каме!» — сказали они деревянной кукле. «Привет, Вукуб-Каме!» — сказали они другому деревянному изображению. Но те не отвечали. Немедленно владыки Шибальбы разразились хохотом, и все другие владыки начали громко смеяться, потому что они смотрели на Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу как на уже обессиленных, как на уже побежденных. Вот почему они продолжали смеяться.

Тогда Хун-Каме и Вукуб-Каме заговорили. «Хорошо, — сказали они. — Вот вы прибыли. На завтра приготовьте маску, ваши нашивки и перчатки», — прибавили они.

«Подойдите и сядьте на нашу скамью», — сказали они. Но скамья, которую они предложили [братьям], была из раскаленного камня, и когда они сели на нее, то они обожглись. Они начали извиваться на скамье, но не находили себе никакого облегчения. Конечно, они вскочили со скамьи, но седалища их были обожжены.

Владыки Шибальбы снова разразились хохотом; они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы.

«Теперь идите к этому дому, — сказали они, — там вы получите ваши смолистые лучины и ваши сигары, и там вы будете спать».

Немедленно прибыли они в «Дом мрака». Внутри него была только тьма. А пока они были там, владыки Шибальбы обсуждали, что они должны предпринять.

«Давайте принесем их в жертву завтра, пусть они умрут быстро-быстро, так, чтобы мы могли пользоваться их игральным снаряжением при игре в мяч», — говорили владыки Шибальбы друг другу.

А лучинами у них были липкие от крови каменные ножи; они назывались «сакиток» — так называлась сосна Шибальбы. Обоюдоострой была и их игра в мяч; каждое мгновение их кости могли быть расчленены; роковой могла быть для них игра в мяч с владыками Шибальбы [3].

Итак, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вошли в «Дом мрака». Там им были даны их смолистые лучины, единственная зажженная лучина, которую Хун-Каме и Вукуб-Каме послали им, вместе с зажженной сигарой для каждого, которые послали им владыки. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу сидели в темноте, совершенно скорчившись, когда вошел [посланец] с лучинами и сигарами. Лучины ярко осветили помещение, когда он передавал [слова владык]:

— Каждый из вас имеет горящую лучину и сигару; приходите на заре и принесите их обратно. Вы не должны сжигать их, но вы должны возратить их целыми, в том же виде, что и сейчас, — вот что поручили сказать мне владыки.

Так было сказано им. И этим [братья] были побеждены. Они сожгли лучины, и они также искурили сигары, которые были даны им.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое — это «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма.

Второе было Шушулим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной, невыносимый ветер дул внутри.

Третье было «Дом ягуаров», Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха — «Дом летучих мышей» называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.

Пятое называлось Чайим-Ха, «Дом ножей», в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению [всего находящегося] здесь, в этом доме.

В Шибальбе было много мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не входили туда. Мы должны были только упомянуть здесь названия этих домов для испытаний.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу появились перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, эти им сказали:

— Где же мои сигары? Где моя смолистая лучина, которая была дана вам на прошлую ночь?

— Они все кончились, владыка!

— Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Они немедленно принесли [братьев] в жертву и погребли их; они были погребены в месте, называемом Пукбаль-Чак [4]. Перед их погребением [владыки Шибальбы] отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили лишь тело старшего брата вместе с младшим братом.

— Возьмите его голову и поместите ее на дереве, находящемся около дороги, — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

И когда туда пришли и поместили голову Хун-Хун-Ахпу посреди ветвей дерева, оно, никогда раньше не приносившее плодов, внезапно покрылось плодами. И это тыквенное дерево — так оно зовется — и есть то самое, которое мы теперь называем головой Хун-Хун-Ахпу.

С изумлением смотрели Хун-Каме и Вукуб-Каме на плоды этого дерева. Круглые плоды виднелись повсюду, но Хун-Каме и Вукуб-Каме не могли распознать, где голова Хун-Хун-Ахпу; она была совершенно подобна другим плодам тыквенного дерева. Так это казалось всем обитателям Шибальбы, когда они пришли посмотреть на него вблизи.

Они единодушно решили из-за того, что произошло, когда они поместили среди его ветвей голову Хун-Хун-Ахпу, что дерево это — волшебное. И владыки Шибальбы сказали:

— Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко и садиться под этим деревом! — сказали они. Так владыки Шибальбы решили держать в стороне [от дерева] всякого.

Голову Хун-Хун-Ахпу более уже нельзя было узнать, потому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева. Тем не менее об этом говорилось очень много, и одна девушка услышала этот чудесный рассказ. Теперь мы расскажем о ее прибытии [к этому дереву].

¹ Так как при игре в мяч игрок мог получить в пылу игры увечья (мяч из каучука был очень тяжелым), то перед ее началом он надевал специальное предохранительное одеяние, состоявшее из наколенников (tzuun) из плотной кожи, защищавших ноги и часть бедер; нашейника (baté) — нескольких специальных колец для защиты шеи; перчаток (pachgab); специального головного убора, нечто вроде шлема (yachvach), и маски (vachzot, буквально «край лица» — Хименес). Подробнее об игре в мяч у индейцев Древней Америки см.: *Stern Th. Ball Games of the Americas // Monographs of American Ethnological Society. New York, 1948. № 17; Blom F. The Maya Ballgame of Pokta-pok (called tlachtli by the Aztecs) // Middle American Papers, Department of Middle American Research, Tulane University. New Orleans, 1932. № 4. P. 485—530.*

² Тусур — «сова», следовательно, послы Шибальбы носили имена: «Сова-стрела», «Одноногая сова», «Сова-тарара» и «Сова-голова».

³ Ах-поп-ачих (буквально «благородный муж ах-попа») — почетное звание в раннерабовладельческом обществе киче.

[Глава 3]

Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучумакик.

До этой девушки, дочери владыки, также дошел рассказ об этом. Имя отца было Кучумакик, а имя девушки — Шкик¹. Когда она услышала рассказ о плодах на дереве, который постоянно рассказывал ее отец, она, слушая это, была очень изумлена.

— Почему я не могу пойти посмотреть на это дерево, о котором они столько говорят! — воскликнула девушка. — Я уверена, что плоды, разговоры о которых я [постоянно] слышу, должны быть очень вкусными.

И вот [девушка] пошла совершенно одна и приблизилась к подножию дерева, росшего в Пукбаль-Чах.

— Ах, — воскликнула она, — что это за плоды, растущие на этом дереве? Разве не удивительно видеть, как оно покрыто плодами? Разве не вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву один-единственный из этих плодов? — сказала девушка.

Тогда череп, находившийся среди ветвей дерева, заговорил и сказал:

— Что ты хочешь от [дерева]? Эти круглые предметы, покрывающие ветви дерева, всего лишь черепа. — Так говорила голова Хун-Хун-Ахпу, обращаясь к девушке. — Ты, может быть, хочешь их? — добавила она.

— Да, я хочу их! — ответила девушка.

— Хорошо, — сказал череп. — Протяни ладонь своей правой руки сюда! Посмотрим!

— Пусть будет! — сказала девушка, выдвигая свою руку и протягивая ее прямо к черепу.

В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь. Она быстро и внимательно посмотрела на свою руку, но слюны, упавшей из черепа, на ее ладони уже не было.

— В моей слюне и влаге я дал тебе потомство, — сказал голос из дерева. — Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп без плоти. Таковы и головы великих владык, ибо только плоть есть то, что дает им приятный вид. И когда они умирают, люди пугаются при виде их костей. Такова же природа их сыновей, которая подобна влаге и слюне; их жизненная сущность, будь то сын владыки, сын мудреца или оратора. Они не теряют своей сущности, когда отходят, но завещают ее. Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть искоренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой. Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим. Да будет это так! — сказала голова Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И все то, что они сделали вместе, было воистину совершено по повелению Хуракана, Чипи-Какулха и Раша-Какулха.

После этого девушка возвратилась прямо домой, и много забот легло на нее. Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Итак, девушка возвратилась домой, и после того, как прошло шесть месяцев, ее отец, именовавшийся Кучумакик, заметил ее положение. И тогда девушка вспомнила [слова, сказанные ей головой Хун-Хун-Ахпу], потому что даже ее отец увидел, что она ожидает потомства.

И тогда все владыки и Хун-Каме и Вукуб-Каме собрались на совет с Кучумакиком.

— Моя дочь действительно ждет ребенка, владыки, она беременна из-за чистого распутства, — воскликнул Кучумакик, когда он появился перед владыками.

— Хорошо, — сказали они, — вырви признание из ее рта и, если она откажется говорить, накажи ее. Пусть она будет уведена далеко отсюда и принесена в жертву.

— Хорошо, почтенные владыки, — ответил он.

И тогда спросил Кучумакик у своей дочери:

— От кого эти дети, которых ты носишь в чреве, дочь моя?

А она ответила:

— У меня нет ребенка, почтенный отец мой, потому что я не знала еще лица мужчины.

— Хорошо, — сказал он, — так ты, значит, действительно блудница. Возьмите ее и принесите ее в жертву, почтенные мужи, принесите мне ее сердце в тыквенной чаше; в этот же день оно должно трепетать в руках владык, — приказал он совам.

Четыре посланца взяли тыкву и отправились в путь, неся юную девушку на своих плечах. Они взяли с собой также и сверкающий каменный нож, предназначенный для ее заклания.

И она сказала им:

— Нет, не может быть, чтобы вы убили меня, о вестники, ведь то, что я ношу в чреве своем, — это не от бесчестия, а оно зародилось, когда я пошла подивиться на голову Хун-Хун-Ахпу, ту, что в Пукбаль-Чах. Вот поэтому вы не должны приносить меня в жертву, о вестники! — сказала девушка, обращаясь к ним.

— А что мы положим вместо твоего сердца? Так приказал нам твой отец: «Принесите ее сердце; владыки будут вертеть его так и сяк; им будет любопытно [смотреть] на него; они будут смотреть все вместе, как оно будет гореть. Итак, принесите ее сердце в чаше возможно быстрее, ее сердце, лежащее на дне чаши». Может быть, он не говорил так нам? Но что положим мы тогда в тыквенную чашу? Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла, — сказали посланцы.

— Хорошо, но мое сердце не принадлежит им. Ни дом ваш не должен находиться здесь, ни вы не должны быть принуждаемы ими силой, чтобы убивать людей. Наступит время, воистину, когда действительные распутники будут в ваших руках, а в моих руках Хун-Каме и Вукуб-Каме. Им должна принадлежать только кровь и только череп²; вот что будет отдано им. Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними. Да будет так! Соберите то, что даст вам это дерево, — сказала девушка.

Красный сок, хлынувший из дерева, полился в чашу; и тотчас же он загустел и из него образовался комок; он блестел и имел форму сердца.

Дерево дало сок, подобный крови, имевший вид настоящей крови. Тогда кровь, или лучше сказать кровь красного дерева, сгустилась и образовала очень широкий блестящий слой внутри чаши, подобный свернувшейся крови. Так это дерево стало прославленным из-за девушки; оно называлось раньше «красное дерево кошенили»³, но [с той поры] оно получило имя «дерево крови», потому что сок его называется кровью.

— Вы будете теперь очень любимы, и все, что есть на земле, будет принадлежать вам, — сказала девушка совам.

— Хорошо, девушка. Итак, мы сейчас исполним приказанное [нам, а затем] укажем тебе дорогу туда, наверх, а ты продолжай свой путь как можно быстрее. Мы же пойдем и предъявим это изображение, эту замену вместо твоего сердца, владыкам, — сказали вестники.

Когда они появились перед владыками, все ожидали их с нетерпением.

— Кончили ли вы? — спросил Хун-Каме.

— Все кончено, владыки мои. Вот здесь на дне чаши находится ее сердце.

— Хорошо! Давайте посмотрим! — воскликнул Хун-Каме. И, схватив его кончиками своих пальцев, он поднял сердце; оболочка разорвалась, и заструилась блестящая кровь, ярко-красного цвета.

— Разожгите огонь и положите его на уголья, — приказал Хун-Каме.

Как только они бросили его на огонь, обитатели Шибальбы начали принюхиваться и пододвинулись ближе к нему. Им очень нравилось благоухание, исходившее от сердца.

А в то время, пока они сидели и пристально смотрели на [огонь], совы скрылись и показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли. Совы же, указав ей путь, возвратились назад.

Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они все были поражены слепотой.

¹ Слово «Шкик» (xquic) может значить «кровь женщины» или «малая кровь», «кровинка».

² Ха quic, ха holomax rech — ta chicut chu vach! В подлиннике — непереводаемая игра слов: quic обозначает не только кровь, но и мяч из каучука или в данном случае сгусток сока упомянутого ниже «дерева крови»; holomax означает не только «череп», но и листья этого

же дерева. Иными словами, девушка намекает, что владыкам подземного царства, символом которых являются кровь и черепа, вместо ее сердца достанутся сок и листья «дерева крови».

³ Chuh sac che — вероятно, *Pterocarpus Draco* L., американское драконовое дерево.

[Глава 4]

И вот, Хун-Бац и Хун-Чоуэн находились со своей матерью дома, когда [туда] пришла женщина, именовавшаяся Шкик.

Когда женщина Шкик появилась перед матерью Хун-Баца и Хун-Чоуэна, она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шбаланке, как они звались, должны были быть рождены. Когда женщина прибыла к старице, она сказала ей:

— Я пришла, мать моя, я — твоя невестка и твоя дочь, о почтенная моя мать. — Она сказала это, когда вошла в дом старицы.

— Откуда ты пришла? Где мои сыновья? Может быть, они не умерли в Шибальбе? Разве ты не видишь этих двух, оставшихся, их порождение и их кровь, зовущихся Хун-Бацем и Хун-Чоуэном? И тем не менее ты приходишь? Иди отсюда! Прочь! — закричала старица на девушку.

— И все же то, что я говорю, — истина. Я — твоя невестка, и была таковой уже долгое время. Я принадлежу Хун-Хун-Ахпу. Они живы в том, что я ношу. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вовсе не мертвы; то, что они сейчас невидимы, — это великий их подвиг. А ты — моя свекровь. И ты скоро с любовью увидишь их образ в том, что я приношу тебе, — сказала она старице.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн рассердились. Они ничего не делали, а только играли на флейте и пели, рисовали и занимались резьбой по камню в течение всего дня и были утешением для сердца старицы.

Тогда старица сказала:

— Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, — это плод твоего бесчестья. А потом, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы.

Неожиданно старица добавила:

— То, что говорю я тебе, — истина, но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала. Иди тогда, принеси пищу для этих,

они должны быть накормлены кукурузными лепешками. Иди и собери большую сеть [полную зерна] и возвратись сразу же, потому что ты — моя невестка, согласно тому, что я слышу, — сказала она девушке.

— Хорошо, — ответила девушка, и она сразу отправилась на кукурузное поле, которое было засеяно Хун-Бацем и Хун-Чоуэном. Дорога также была устроена и расчищена ими: девушка пошла по ней и так пришла на поле. Но она нашла там только один стебель кукурузы, не два или три. И когда она увидела только один стебель с одним лишь початком на нем, у девушки сжалось сердце.

— Ох, так я в самом деле грешница? Ох, несчастливая я! Откуда же я соберу полную сеть зерна, как мне было приказано ею? — воскликнула она.

Немедленно начала она молить Чахалья о пище, которую она должна была собрать и принести назад.

— Штох, Шканиль, Шкакау¹, вы, что готовите зерно, и ты, Чахаль, хранитель пищи Хун-Баца и Хун-Чоуэна! — воскликнула девушка. И затем она схватила нити, пучок нитей от початков, и оторвала их, не повреждая початка. Затем она расположила эти нити в сети, и они превратились в початки кукурузы, и большая сеть была совершенно наполнена.

Девушка возвратилась немедленно; полевые животные шли рядом, неся сеть. Когда они прибыли, то поставили ношу в углу дома, как будто девушка смогла нести ее. Старица подошла и заглянула туда. Увидев большую сеть, наполненную едой, она воскликнула:

— Откуда ты взяла всю эту еду? Может быть, ты растащила все на нашем поле и принесла сюда всю нашу кукурузу? Пойду посмотрю сейчас же, — сказала старица и вышла на дорогу к кукурузному полю. Но единственный стебель кукурузы по-прежнему стоял там; отчетливо было видно и место, где находилась сеть у подножия стебля.

Старица быстро возвратилась назад, вошла в свой дом и сказала девушке:

— Это достаточное доказательство, что ты действительно моя невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами, — сказала она девушке.

¹ Штох — богиня дождя, Шканиль — богиня желтой кукурузы, Шкакау — богиня деревьев какао.

[Глава 5]

Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь мы расскажем об их рождении.

Когда наступил день их рождения, девушка по имени Шкик родила их, но старица не видела их в лицо, когда они были рождены. Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет.

Потом внесли их в дом, но они не хотели спать.

— Ступай выбрось их! — сказала старица. — Ибо поистине они кричат слишком много.

Тогда [Хун-Бац и Хун-Чоуэн] вышли и положили их в муравейник. Там они мирно спали. Тогда они вынули [новорожденных] из муравейника и положили на чертополох.

То, чего желали Хун-Бац и Хун-Чоуэн, — это чтобы [Хун-Ахпу и Шбаланке] умерли в муравейнике или умерли на чертополохе. Они желали этого из-за той ревности и зависти, которую Хун-Бац и Хун-Чоуэн чувствовали к ним.

Сначала они даже отказались принять своих младших братьев в дом; они не хотели признавать их, и поэтому они были воспитаны в лесной чаще.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн были великими музыкантами и певцами; они выросли среди испытаний и нужды, и у них было много горя, но они стали очень мудрыми. Они были флейтистами, певцами, художниками и резчиками по камню, все это они знали, как делать.

Они сознавали свое назначение, и они знали также, что они — преемники своих родителей, тех, кто отправился в Шибальбу. Они знали, что их отцы умерли там. Хун-Бац и Хун-Чоуэн были исполнены большого знания, и в своих сердцах они знали все относительно рождения двух их младших братьев. Тем не менее, будучи завистливыми, они не показывали своей мудрости, и их сердца были наполнены злыми желаниями против них, хотя Хун-Ахпу и Шбаланке не обидели их никаким образом.

Эти два [последних] ничего не делали в продолжение всего дня, кроме того что стреляли из выдувной трубки; их не любили ни их бабушка, ни Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Им не давали ничего есть; только тогда, когда еда была закончена и кончали есть Хун-Бац и Хун-Чоуэн, тогда приходили поесть младшие [братья]. Но они не оскорблялись за это и не приходили в гнев, а переносили все терпеливо, потому что они сознавали

свое положение и понимали все совершенно ясно. Они приносили с собой птиц день за днем, когда приходили, а Хун-Бац и Хун-Чоуэн ели их, не уделяя никакой доли ни одному из них, ни Хун-Ахпу, ни Шбаланке.

Единственно, чем занимались Хун-Бац и Хун-Чоуэн, — это игрой на флейте и пением.

И вот однажды, когда Хун-Ахпу и Шбаланке пришли, не принеся на этот раз с собой ни одной птицы, то их бабушка разозлилась, когда вошли они в дом.

— Почему на этот раз не принесли вы птиц? — спросила она Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили:

— Вот что случилось, бабушка. Птицы наши запутались на вершине дерева, а мы не смогли взобраться и достать их, дорогая бабушка. Если наши старшие братья так желают, то пусть пойдут вместе с нами и спустят птиц вниз, — сказали они.

— Хорошо, — отвечали старшие братья, — на заре мы пойдем с вами.

[И когда они это говорили], они шли к своей гибели. Слепотой были поражены они оба на свою погибель, Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

— Мы хотим лишь изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание, за все страдания и мучения, которые они причинили нам. Они желали, чтобы мы умерли, чтобы мы были уничтожены, мы, их младшие братья. В своих сердцах они действительно считают, что мы созданы быть их служителями. Из-за этих причин мы должны одолеть их и дать им урок, — так говорили друг другу [Хун-Ахпу и Шбаланке].

Тогда они направились к подножию дерева, называвшегося канте¹. Их сопровождали два их старших брата, когда они отправились в путь. Тут они начали охотиться своими выдувными трубками. Невозможно было сосчитать птиц, щебетавших на дереве, и их старшие братья удивлялись, видя так много птиц. [Застреленных] птиц было много, но ни одна не упала к подножию дерева.

— Наши птицы не падают на землю. Идите и доставьте их вниз, — сказали [Хун-Ахпу и Шбаланке] своим старшим братьям.

— Хорошо, — ответили [последние].

И тогда они тотчас вскарабкались на дерево, но дерево начало становиться все выше и выше, и ствол его увеличился. Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн захотели спуститься вниз, но не могли они уже больше спуститься с вершины дерева.

И тогда сказали они с вершины дерева:

— Что случилось с нами, о наши братья? О мы несчастные! Это дерево устрашает нас только при взгляде на него. О наши братья! — воскликнули они с вершины дерева.

А Хун-Ахпу и Шбаланке тогда ответили:

— Распустите ваши набедренные пояски, крепко привяжите их под вашим животом, оставив висящими длинные концы, и потяните их снизу. Таким образом вы легко сможете сойти вниз. — Так сказали им младшие братья.

— Да будет так! — ответили они, оттягивая концы своих поясов назад.

Но в то же мгновение эти концы превратились в хвосты, а они сами стали обезьянами. Тогда они начали скакать по ветвям деревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и качаясь на ветвях деревьев.

Таким способом Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке; и только из-за своего чародейства могли они совершить это.

После этого они возвратились в свой дом, и, когда они пришли, они сказали своей бабушке и своей матери:

— Что это могло быть, о наша бабушка, что случилось с нашими старшими братьями, потому что их лица стали грубыми, а они сами неожиданно превратились в зверей? — Так говорили они.

— Если вы чем-нибудь повредили вашим старшим братьям, вы огорчили меня, вы наполнили меня печалью. Не делайте подобных вещей вашим братьям, о [дети] мои, — сказала старица Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили своей бабушке:

— Не огорчайся, о наша бабушка. Ты увидишь снова лица наших братьев. Они возвратятся, но это будет трудное испытание для тебя, бабушка. Будь осторожна и не смейся при [взгляде] на них. А теперь давайте испытаем их судьбу, — сказали они.

Немедленно [братья] начали играть на своих флейтах, наигрывая [песню] «Хун-Ахпу-Кой»². Затем они пели, играя на флейте и барабане, схватив свои флейты и барабан. После они уселись рядом со своей бабкой и продолжали играть на флейте; они звали [назад] своих братьев музыкой и песней, произнося нараспев песню, называвшуюся «Хун-Ахпу-Кой».

Наконец появились Хун-Бац и Хун-Чоуэн и, подходя, начали танцевать; но когда старица взглянула и увидела их безобразные лица, то она

стала смеяться. Старица не смогла удержать своего смеха, и они сразу удалились, так что не было больше видно их лиц.

— Ну вот и все, бабушка! Они ушли в лес. Что ты сделала, наша прародительница? Мы можем сделать эту попытку только четыре раза, и осталось лишь три. Мы попытаемся снова позвать их [сюда] с помощью игры на флейте и песни, но ты постарайся удержать свой смех. Пусть еще раз начнется испытание! — сказали снова Хун-Ахпу и Шбаланке.

И тотчас начали они снова дуть во флейты, и снова [Хун-Бац и Хун-Чоуэн] возвратились; танцуя, они дошли до середины двора дома. Они гримасничали, возбуждая в их бабке такую веселость, что наконец она разразилась громким смехом. Они действительно были очень забавны с их обезьяньими лицами, их широкими животами [5], их узкими хвостами, судорожно двигавшимися, чтобы выразить их чувства. Все это заставляло старицу смеяться.

Тогда снова [старшие братья] ушли назад в горы. И сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А теперь что мы будем делать, о бабушка? Попытаемся еще раз. Это [уже] третий!

Они снова заиграли на флейте, и те [обезьяны] возвратились, танцуя. Теперь старица смогла удержать свой смех. Тогда они вскарабкались на [главную балку] — самое теплое место в доме; их глаза светились красным светом, они отворачивали прочь свои лица с широкими кривыми ртами и втянутыми губами. Они были очень взволнованы и пугали друг друга гримасами, которые они делали.

И когда старица увидела все это, она разразилась бурным хохотом. И они опять не увидели лиц [старших братьев] из-за смеха старой женщины.

— Только еще раз мы позовем их, бабушка, и они придут в четвертый раз, — [сказали юноши].

Они начали снова играть на флейте, но [их братья] не возвратились в четвертый раз; наоборот, они убежали в лес так быстро, как только могли.

И они [юноши] сказали своей бабушке:

— Мы сделали все, что было возможно, о бабушка, они пришли один раз, затем мы пытались еще позвать их снова. Но не печалься! Вот мы здесь, мы твои внуки; ты должна смотреть на нас, о наша мать! О наша бабушка, [мы здесь], чтобы напоминать тебе о наших старших братьях,

тех, кого называли и кто имел имена Хун-Бац и Хун-Чоуэн, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

[Хун-Баца и Хун-Чоуэна] призывали игроки на флейте и певцы в древние времена. Художники и мастера резьбы по камню также призывали их в прошедшие дни. Но они были превращены в животных и стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев.

Таким путем были опозорены их души; такова была их потеря; таким путем Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены и превращены в животных. Они постоянно находились в своем доме, они были музыкантами и певцами и сотворили многое поистине великое, когда жили со своей бабушкой и своей матерью.

¹ Канте — *cante v bi*. По Брассеру де Бурбуру (*Popol Vuh*. P. 110, 111), заимствовано из языка юкатанских майя и должно переводиться как «желтое дерево» или «змеиное дерево». Второе толкование сомнительно. А. Ресинос (*Popol Vuh*. P. 128) присоединяется к первому переводу Брассера де Бурбура и считает канте деревом *Gliricidia seripum*. Словарь из Мотуля сообщает, что из корней этого дерева древние майя добывали вещество, дававшее при обработке желтую краску. Современное название его на Юкатане — *zac-yab*.

² Хун-Ахпу-Кой — *hunañri soy* — «Обезьяны Хун-Ахпу». Танец под этим названием исполнялся в Гватемале еще в середине XIX в.: участники его, одетые в обезьяньи маски, сопровождали танец пением (*Brasseur de Bourbourg Ch. Popol Vuh*. P. 112; *Stoll O. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie*. Leipzig, 1894. S. 162). О более поздней трансформации этого танца см.: *Schultze Jena L. Indiana*. Jena, 1933. Bd. I. S. 63, 212—219.

[Глава 6]

Тогда [Хун-Ахпу и Шбаланке] начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

— Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, — сказали они. — Не печалься, мы здесь, мы, твои внуки; мы займем место наших старших братьев, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь, неся каждый на плече свою выдувную трубку. Когда они выходили из дома, они попросили свою бабушку принести им еды.

— Приди точно в полдень и принеси нашу пищу, бабушка, — сказали они.

— Хорошо, внуки мои, — ответила им их бабушка.

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле. И когда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом [братья] вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было сосчитать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно было и перечислить, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев.

Затем [Хун-Ахпу и Шбаланке] приказали птице, называемой Шмуркур, горлинке, подняться и усесться на вершине высокого дерева, и Хун-Ахпу и Шбаланке сказали ей:

— Сторожи, когда наша бабушка придет с едой для нас, и как только она пойдет, начинай сразу ворковать, а мы схватим мотыгу и топор.

— Хорошо! — ответила горлинка.

А они хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось.

Немного позже горлинка, как ей было приказано, заворковала, и [братья] быстро побежали и схватили один — мотыгу, а другой — топор. Они накрыли свои головы; один из них намеренно загрязнил свои руки землей и тем же самым образом вымазал свое лицо, чтобы выглядеть как настоящий земледелец, а другой нарочно набросал деревянных щепок на голову, как будто бы он в действительности срубал деревья.

Так их и увидела их бабка. Они сразу же поели, хотя в действительности они не работали в поле и получили пищу, не заслужив ее. Через некоторое время они вернулись домой.

— Мы поистине очень устали, бабушка, — сказали они, возвратившись, и протянули свои руки и ноги перед ее глазами, но без всяких оснований.

[Братья] возвратились на следующий день и, придя на поле, увидели, что все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались. [Вот что увидели Хун-Ахпу и Шбаланке], когда пришли.

— Кто это сыграл с нами такую шутку? — сказали они.

А совершили это все животные, большие и малые; они сделали это: пума, ягуар, олень, кролик, лисица, койот, дикий кабан¹, коати, малые птицы и большие птицы — они, вот кто совершил все это, и за одну только ночь.

И вот [Хун-Ахпу и Шбаланке] начали снова готовить поле для кукурузы и почву и срубать деревья. Они советовались друг с другом, в то время как рубка деревьев и расчистка кустарника шла сама собой.

— Теперь мы прежде всего будем сторожить наше поле, — сказали они друг другу, когда советовались, — может быть, мы сможем захватить тех, кто придет сюда творить все эти разрушения.

Потом они возвратились домой.

— Кто же видел что-нибудь подобное, бабушка? Они зло подшутили над нами. Наше поле, обработанное нами, они превратили в кусок земли, покрытый густыми зарослями и толстыми деревьями. Вот что мы нашли, когда пришли туда немного раньше, бабушка, — сказали они ей и своей матери. — Но мы возвратимся туда и будем сторожить всю ночь, потому что несправедливо, что они совершают против нас такие вещи, — добавили [братья].

Затем они вооружились и снова возвратились на свое поле, к срубленным деревьям, и втихомолку спрятались там, прикрытые темнотой.

Тогда все животные собрались снова, пришли представители каждого рода, все большие и малые животные собрались вместе. Сердце ночи было спокойно, когда они пришли, все говоря между собой, и вот каковы были их слова: «Поднимитесь, деревья! Поднимитесь, лианы». Так говорили они, подходя и собираясь под деревьями и лианами. Наконец они приблизились и появились перед глазами [Хун-Ахпу и Шбаланке].

Пума и ягуар были первыми, и [Хун-Ахпу и Шбаланке] жаждали схватить их, но [животные] не дались. Затем приблизились олень и кролик, но единственные части их, которые [братья] могли схватить, были их хвосты, их-то они и вырвали. Хвост оленя [и хвост кролика] остались в их руках, и поэтому с тех пор у оленя и кролика такие короткие хвосты.

Ни лисица, ни койот, ни дикий кабан, ни коати не попали в их руки. Все животные прошли перед Хун-Ахпу и Шбаланке, и сердца [братьев] были полны гнева из-за того, что не смогли поймать их.

Но наконец появился еще один зверь, отставший от других, и прибежал он, шмыгая то в одну, то в другую сторону. Они мгновенно преградили ему путь и, накинув на него ткань, схватили; это оказалась мышь. Поймав ее, они повернули ей голову назад и попытались задушить ее. Они опалили ей хвост на огне, и с тех пор хвост у мыши, ее хвост всегда безволосый. И глаза у нее всегда [выпучены], потому что юноши, Хун-Ахпу и Шбаланке, пытались ее задушить.

Мышь сказала:

— Я не должна умереть от ваших рук. И не ваше это дело — возделывать кукурузные посевы.

— Что ты там такое рассказываешь теперь нам? — спросили юноши мышь.

— Освободите меня немножко, потому что у меня внутри есть кое-что, что желаю сказать вам, и я скажу вам это немедленно, но сперва дайте мне что-нибудь поесть, — промолвила мышь.

— Мы дадим тебе пищу потом, — ответили [братья], — сперва скажи!

— Хорошо! [Узнайте же] тогда, что собственность ваших родителей — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, как назывались они, те, кто умер в Шибальбе, — принадлежащие им вещи для игры в мяч сохранились и висят под крышей дома: их кольца, перчатки и каучуковый мяч. Тем не менее ваша бабушка не хотела показывать их вам, потому что [эти вещи] были причиной, из-за которой умерли ваши родители.

— Ты уверена в этом? — спросили юноши мышь. А сердца их были очень счастливы, услышав о каучуковом мяче. И так как мышь им все теперь рассказала, то они показали ей, что будет ее пищей.

— Вот что будет твоей пищей: кукурузные зерна, белый перец, бобы, паташте² и какао, — все это принадлежит тебе, и если что-либо будет запасено и позабыто, это также будет твоим. Ешь это! — так было сказано мыши Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, о юноши, — ответила она, — но что будет сказано вашей бабушке, если она увидит меня?

— Не беспокойся, потому что мы здесь и мы подумаем, мы найдем, что сказать нашей бабушке. Идем же! Мы быстро посадим тебя в этом углу

дома, а ты сразу же поднимайся туда, где висят эти вещи. Мы же посмотрим на жерди крыши и уделим внимание нашей пище, — сказали они мышши.

И, условившись таким образом, после разговора друг с другом в течение ночи, Хун-Ахпу и Шбаланке прибыли [домой] точно к полуденному часу. Когда они пришли, то принесли с собой мышшь, но никому не показали ее. Один из них прямо прошел в дом, а другой подошел к кровле, и там мышшь быстро вскарабкалась наверх.

Тотчас же они попросили у своей бабушки свой обед:

— Прежде всего приготовь нам в чаше еду, мы хотим перцовой подливки, бабушка, — сказали они.

И тотчас же в чаше была приготовлена для них пища, и горшок с хлебкой был поставлен перед ними.

Но все это было только для того, чтобы обмануть их бабушку и их мать. Осушив кувшин с водой, они сказали:

— Мы поистине умираем от жажды; пойди и принеси нам пить, — сказали они своей бабушке.

— Хорошо! — сказала она и вышла.

Тогда [братья] начали есть, но в действительности они вовсе не были голодны; то, что они делали, была лишь хитрость. Они видели при помощи их перцовой подливки, как мышшь быстро побежала к каучуковому мячу, подвешенному к стропилам крыши дома. Видя это в их перцовой подливке, они послали к реке комара с жалом, насекомое, называемое шан, которое подобно москиту, и оно пришло туда и пробуравило бок у кувшина для воды, [который унесла] их бабушка. И хотя она пыталась остановить вытекающую воду, она никак не могла заделать дыру в кувшине.

— Что там случилось с нашей бабушкой? Иди поскорее к реке, наши рты сухи от жажды, мы умираем от жажды, — сказали они своей матери и послали ее [принести воду].

Немедленно мышшь перегрызла [веревку, державшую] мяч, и он упал со стропил дома вместе с кольцами, перчатками и кожаными щитками. [Юноши] схватили их и, выйдя из дома, спрятали на дороге, ведущей к площадке для игры в мяч.

После этого они пошли на берег реки и присоединились к своей бабушке и своей матери, которые усердно старались заделать дыру в кувшине для воды. Тут прибыли они со своими выдувными трубками и, подойдя к реке, сказали:

— Что же вы делаете? Мы устали [от ожидания] и пришли сюда, — промолвили они.

— Посмотрите на дыру в моем кувшине, которую я не могу заткнуть, — сказала бабушка.

Но они тотчас же заделали ее и вместе возвратились домой, идя перед своей бабушкой.

Таким образом был обнаружен каучуковый мяч.

¹ Дикий кабан на языке киче — ас (*Dicotyles labiatus* Cuv).

² Паташте — современное название (заимствованное из языка науатль) одного из видов какао, *Theobroma bicolor* Humb. et Bonpl. На языке киче — рес.

[Глава 7]

Обрадованные юноши возвратились на площадку для игры в мяч; они принялись за игру и играли там долгое время одни. Они расчистили площадку, где играли их родители.

А владыки Шибальбы услышали их и сказали:

— Кто это те, что снова начинают играть над нашими головами и тревожат нас производимым ими шумом? Может быть, не умерли Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвыситься себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда!

Так сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им:

— Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: пусть они придут, — сказали владыки, — мы желаем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сегодняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы придете [туда].

Так сказали владыки. Таково было [приказание], которое они отдали вестникам.

И они пошли туда по широкой дороге, [проложенной] юношами; она вела прямо к их дому.

Идя по ней, посланцы появились прямо перед бабушкой [и матерью юношей]. Они были заняты едою, когда прибыли посланцы из Шибальбы.

— Скажи им, чтобы они пришли без обмана, так приказали владыки, — сказали вестники Шибальбы. И посланцы Шибальбы указали точный день [прибытия]: — В течение семи дней [владыки] будут ожидать их, — сказали они Шмукане.

— Хорошо, посланцы, они придут, как было приказано, — ответила старица. И посланцы отправились в обратный путь.

И тогда сердце старицы исполнилось беспокойства: «Кого же я пошлю позвать моих внуков? Разве не тем же самым образом явились в прошлый раз посланцы Шибальбы, когда они увели родителей [юношей]», — говорила старица и горько плакала, печальная и одинокая в своем доме.

И вдруг с ее одежды упала вошь. Она схватила ее и положила на ладонь своей руки. Вошь начала двигаться и быстро поползла.

— Доченька моя, не хочешь ли ты, чтобы я послала тебя позвать моих внучат с площадки для игры в мяч, — сказала она вши. — «Исполнители приказаний, посланцы [Шибальбы] пришли к вашей бабушке и сказали ей: „Ты должна позаботиться, чтобы они пришли бы в течение семи дней, пусть придут они“ — вот что сказали посланцы Шибальбы. Это велела мне передать ваша бабушка», — так приказала она вши.

Вошь, послушная приказанию, отправилась тотчас же в путь. На дороге ей повстречался сидевший юноша по имени Тамасул¹, жаба.

— Куда это ты идешь? — спросила жаба вошь.

— Я несу в своем [животе] послание, я отправилась искать юношей, — отвечала вошь Тамасулу.

— Хорошо, но я вижу, что ты двигаешься недостаточно быстро, — возразила жаба вши, — ты не хочешь, чтобы я проглотила бы тебя? Ты увидишь, как я побегу, и таким образом мы быстро прибудем.

— Прекрасно! — ответила вошь жабе.

Тотчас же жаба проглотила ее. И жаба путешествовала долгое время, но шла она без всякой спешки. Затем она встретила большую змею по имени Сакикас.

— Куда это ты идешь, юный Тамасул? — спросила Сакикас жабу.

— Я иду как посланец, у меня в животе послание, — отвечала жаба змее.

— Я вижу, что ты не можешь двигаться быстро. Может быть, я, я прибуду быстрее, — сказала змея жабе.

— Иди-ка сюда! — прибавила она.

И тотчас же Сакикас в свою очередь проглотила жабу. И с тех пор только это является пищей змей, которые и теперь глотают жаб.

Змея быстро отправилась вперед, но встретила [сокола] Вака, большую птицу. Сокол в свою очередь мгновенно проглотил змею. Вскоре после этого он появился на стене площадки для игры в мяч. С этого времени вот что стало пищей соколов, пожирающих в горах змей.

Прилетев, сокол уселся на карниз стены здания, в котором забавлялись, играя в мяч, Хун-Ахту и Шбаланке. Усевшись, сокол начал кричать: «Вак-ко! Вак-ко!» — что обозначало «Вак здесь! Вак здесь!»

— Кто это там кричит? Давайте-ка сюда наши выдувные трубки! — воскликнули [юноши].

Они выстрелили в сокола и попали шариком из выдувной трубки в зрачок глаза. [Сокол] кругами спустился на землю. Они подбежали, быстро схватили его и спросили:

— Что ты пришел сюда делать? — Так спросили они сокола.

— Я принес в своем животе послание, — отвечал сокол, — сперва излечите мой глаз, а потом я вам расскажу.

— Прекрасно! — сказали [юноши] и, взяв кусочек от каучукового мяча, с помощью которого они играли, они приложили его к лицу сокола. «Лощик»² назвали они [это средство], и мгновенно он выздоровел, сразу же глаз сокола был исцелен полностью.

— Говори теперь! — сказали они соколу. И он немедленно изрыгнул большую змею.

— Говори, ты! — сказали они змее.

— Хорошо! — сказала змея и в свою очередь изрыгнула жабу.

— Где же послание, что ты принесла? Говори! — приказали [юноши] жабе.

— Здесь, в моем животе, находится послание, — отвечала жаба.

И немедленно она попыталась, но не могла ничего изрыгнуть; рот ее был наполнен слюной, но ничего из [ее рта] не вышло. Тогда юноши захотели ее побить.

— Ты обманщица! — сказали они.

Они ударили ее ногою в крестец, и кости ее бедер поднялись вверх. Она попыталась снова, но из ее рта снова потекла только лишь слюна. Тогда юноши открыли руками рот жабы и, когда он открылся, заглянули внутрь его. Вошь застряла в зубах жабы; она осталась в ее рту и не была проглочена, а только казалась проглоченной. Так была искалечена жаба, и пища, предназначенная ей, неизвестна. Она не может бегать и стала [с тех пор] пищей змей.

— Говори, — приказали они вши, и тогда она передала свое послание.

— Ваша бабка сказала мне, о юноши: «Иди, позови их сюда; прибыли исполнители приказаний, посланцы Хун-Каме и Вукуб-Каме пришли сказать им, чтобы они отправились бы в Шибальбу. [Посланцы] говорили: „Они должны явиться туда в течение семи дней, чтобы играть

в мяч с нами; они также должны принести свои принадлежности для игры: мяч, кольца, перчатки и кожаные наколенники, чтобы могли забавляться здесь!” — сказали владыки. Они [посланцы] действительно приходили», — сказала ваша бабушка. Вот почему я нахожусь здесь. Поистине, ваша бабушка сказала это, и она плачет и скорбит, по этой причине я и пришла [сюда].

— Неужели это правда? — спросили юноши друг у друга, когда они услышали это. Быстро они побежали домой и добрались к своей бабушке, но они пришли, только чтобы попрощаться с ней.

— Мы должны отправиться в путь, бабушка, мы пришли только попрощаться с тобой. Но мы оставляем здесь знак о нашей судьбе: каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком нашей смерти. «Они мертвы!» — скажешь ты, если он начнет засыхать. Но если он начнет пускать свежие ростки снова, — «они живы!» — скажешь ты, о наша бабушка. И ты, мама, не плачь, потому что мы оставляем знак о нашей судьбе, — так говорили они [бабушке и матери].

И перед отправлением Хун-Ахпу посадил один [тростник], а Шбаланке посадил другой; они посадили их в доме, а не в поле; они посадили их не во влажную почву, а в сухую землю; они посадили [тростники] в середине их дома и затем оставили их.

¹ Tamazul — слово, заимствованное из языка нахуа, означает определенный вид жаб.

² Lotzquic: Lotz — растение, называвшееся астеками хосоуолли, вероятно, *Oxalis neaei* D. C., см.: Standley P. у Calderón S. Lista preliminar de los Plantas de El Salvador. San Salvador, s. a. P. 120; quic «каучук», «мяч из каучука». Из текста «Пополь-Вух» не ясно, примешали ли братья к каучуку растение лотц, но в названии лекарства оно, во всяком случае, фигурирует.

[Глава 8]

После этого [братья] отправились в путь, неся каждый свою выдувную трубку, и стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий. Они прошли среди неких птиц, и эти птицы назывались Молай [6].

Затем они перешли через реку гноя и через реку крови, где они должны были быть уничтожены — так думали люди Шибальбы, — но они не коснулись ее своими ногами; вместо этого они пересекли ее на своих выдувных трубках.

Они вышли оттуда и пришли к перекрестку четырех дорог. Они прекрасно знали, какие дороги [ведут] к Шибальбе: черная дорога, белая дорога, красная дорога и зеленая дорога. Там же они призвали к себе насекомое, москита по имени Шан. Он должен был идти и собрать те сведения, которых они хотели.

— Ужаль их, одного за другим; сперва ужаль сидящего на первом месте, затем ужаль всех их, так как это будет твоим уделом: сосать кровь людей на дорогах, — так было приказано москиту.

— Прекрасно! — ответил москит.

И немедленно он полетел по черной дороге и наткнулся прямо на вырезанных из дерева людей, сидевших первыми и покрытых украшениями. Он ужалил первого, но он не сказал ничего, он ужалил второго сидевшего, но он также ничего не сказал.

После этого он ужалил третьего, а сидевший третьим был Хун-Каме.

— Ой! — воскликнул он, когда его ужалили. — Ох! — сказал Хун-Каме.

— Что это, Хун-Каме? Кто это тебя ужалил? Не знаешь ли ты, кто тебя ужалил? Ох! — воскликнул четвертый из сидевших [владык].

— В чем дело, Вукуб-Каме? Что тебя ужалило? — спросил в свою очередь пятый из сидевших.

— Ох! Ой! — воскликнул затем Шикирипат.

И Вукуб-Каме спросил его:

— Что ужалило тебя?

И когда был укушен сидевший на шестом месте, он закричал: «Ой!»

— Что это, Кучумакик? — спросил Шикирипат. — Что тебя [ужалило]?

А когда был ужален седьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Ах-Альпух? — спросил Кучумакик. — Что тебя ужалило?

И когда был ужален восьмой из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Ах-Алькана? — спросил Ах-Альпух. — Что ужалило тебя?

И когда был ужален девятый из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

— Что это, Чамиабак? — спросил Ах-Алькана. — Что тебя ужалило?

И когда десятый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Чамиахолом? — спросил Чамиабак. — Что тебя ужалило?

И когда одиннадцатый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

— Что случилось? — спросил Чамиахолом. — Что укусило тебя?

И когда двенадцатый из сидевших был ужален, он воскликнул: «Увы!»

— Что это, Патан? — спросили они. — Что тебя укусило?

И тринадцатый из сидевших воскликнул: «Увы!» — почувствовав, что он ужален.

— В чем дело, Кикшик? — спросил Патан. — Что тебя укусило?

И в этот момент четырнадцатый из сидевших воскликнул, [почувствовав], что он ужален: «Увы!»

— Что укусило тебя, Кикришкак? — спросил Кикре¹.

Таким образом, они назвали свои имена, когда они все говорили их один другому. Так они выявили себя, говоря свои имена, называя каждого из владык, одного за другим. И этим способом каждый из сидевших на своем месте сказал имя своего соседа.

Ни одно из этих имен не было упущено. Все сказали свои имена, когда Хун-Ахпу вырвал волосок со своей ноги, ужаливший их всех. Потому что в действительности не москит жалил их; он отправился, чтобы подслушать для Хун-Ахпу и Шбаланке имена всех их.

[Юноши] же, продолжая свой путь, прибыли наконец туда, где находились обитатели Шибальбы.

— Приветствуйте владыку, того, кто сидит там! — было сказано им, чтобы обмануть их.

— Это не владыка. Это не более чем вырезанное из дерева чучело, — сказали они и подошли ближе. И немедленно [юноши] начали почтительно приветствовать их: — Привет тебе, Хун-Каме! Привет тебе, Вукуб-Каме! Привет тебе, Шикирипат! Привет тебе, Кучумакик! Привет тебе, Ах-Альпук! Привет тебе, Ах-Алькана! Привет тебе, Чамиабак! Привет тебе, Чамиахолом! Привет тебе, Кикшик [7]! Привет тебе, Патан! Привет тебе, Кикре! Привет тебе, Кикришкак! — говорили они, проходя перед ними. И, смотря в их лица, они говорили имена всех, не упустив ни одного-единственного имени из них.

А как желали бы владыки [Шибальбы], чтобы их имена не были раскрыты.

— Садитесь здесь! — сказали они, надеясь, что [братья] сядут на [указанное им] сиденье. Но те не захотели.

— Это не сиденье для нас; это всего лишь раскаленный камень, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке, и [владыки Шибальбы] не могли обмануть их.

— Прекрасно, тогда идите в этот дом, — сказали [владыки].

И они отправились и вошли в «Дом мрака», но и там они не были побеждены.

¹ Перечисленные здесь имена владык Шибальбы несколько отличаются от упомянутых в первой главе этой же части. Новыми лицами являются Кикшик «Кровавое крыло», Кикришкак «Кровавый коготь» и Кикре «Зубы, покрытые кровью». Причина появления новых владык Шибальбы в тексте «Пополь-Вух» не упоминается. Возможно, что в этом месте мы имеем следы какой-то иной версии мифа.

[Глава 9]

Это было первым местом испытаний в Шибальбе. Владыки Шибальбы думали, что когда [юноши] вошли туда, это должно было стать началом их поражения. После того как [юноши] вошли в «Дом мрака», им были немедленно принесены зажженные лучины из смолистой сосны, и посланцы Хун-Каме взяли [с собой] по сигаре для каждого из них.

— Вот сосновые лучины для вас, говорит владыка, вы должны прийти с ними на заре завтрашнего дня, вместе с сигарами; вы должны прийти и вернуть их назад целыми, говорит владыка! — так сказали посланные, когда они пришли.

— Хорошо! — ответили [юноши].

Но в действительности они не жгли сосновую лучину; вместо этого они поместили на конец их что-то красное: несколько перьев из хвоста красного попугая, а ночная стража приняла их за зажженные сосновые лучины. К концам же сигар они прикрепили огненных червей.

Всю ночь [каждый из обитателей Шибальбы] думал, что [братья] побеждены. «Ха, мы победили их!» — говорила ночная стража. Но сосновые лучины совершенно не были обугленными и выглядели по-прежнему, а сигары не были искурены, и вид их был такой же, как прежде.

Они отправились сообщить [происшедшее] владыкам.

— Что это за люди? Откуда они пришли? Кто зачал их? Кто родил их? Поистине, это заставляет загореться наши сердца, потому что нехорошо

для нас то, что они делают. Странны их лица и странно их поведение, — говорили они друг другу.

И вскоре все владыки призвали [юношей] к себе.

— Ну, давайте же поиграем в мяч, юноши! — сказали они.

И в это же самое время они были спрошены Хун-Каме и Вукуб-Каме:

— Откуда же вы оба пришли? Расскажите-ка нам, о юноши! — сказали им владыки Шибальбы.

— Кто знает, откуда мы пришли! Мы не знаем, — ответили они и не сказали больше ничего.

— Прекрасно. Давайте же играть в мяч, юноши, — сказали им обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — ответили они.

— Давайте-ка используем вот этот наш мяч, — сказали обитатели Шибальбы.

— Никоим образом. Вы будете пользоваться не этим, а нашим, — отвечали юноши.

— Нет, мы не хотим использовать никакого, кроме нашего, — настаивали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно, — сказали юноши.

— Давайте тогда бросим жребий на червяка чиль [8], — сказали обитатели Шибальбы.

— Нет, вместо этого пусть заговорит голова пумы¹, — сказали юноши.

— Нет, так не пойдет! — закричали обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — сказал Хун-Ахпу.

Тогда владыки Шибальбы схватили мяч, они бросили его прямо на кольцо Хун-Ахпу. Немедленно, в то время как обитатели Шибальбы схватили ручку кремневого ножа, мяч отскочил и запрыгал по полу площадки для игры в мяч.

— Что это такое? — воскликнули Хун-Ахпу и Шбаланке. — Вы желаете убить нас? Может быть, это не вы послали за нами? И [к нам] приходили не ваши собственные посланцы? Поистине, мы достойны сожаления! Мы сейчас же оставим вас, — сказали им юноши.

А это было именно то, чего желали обитатели Шибальбы: чтобы с ними случилось что-нибудь, чтобы они немедленно умерли бы прямо здесь, на дворе для игры в мяч, и чтобы таким образом они были побеждены. Но этого не случилось, а побеждены были юношами обитатели Шибальбы.

— Не уходите, о юноши, давайте поиграем в мяч, мы будем упребрлять теперь только ваш мяч, — сказали они юношам.

— Прекрасно! — ответили [юноши], и затем они прогнали свой мяч через [кольцо обитателей Шибальбы], и этим игра была кончена.

И, оскорбленные своим поражением, обитатели Шибальбы немедленно сказали:

— Что же мы будем делать, чтобы победить их? Надо покончить с ними! — И, обратясь к юношам, они сказали им: — Подите, соберите и принесите нам завтра рано утром четыре сосуда, наполненных цветами, — так сказали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! А какой род цветов? — спросили юноши обитателей Шибальбы.

— Букет красного мучита, букет белого мучита, букет желтого мучита и букет каринимака², — сказали обитатели Шибальбы.

— Хорошо! — ответили юноши.

[Этим кончился разговор]; сильными и уверенными были слова юношей. Но когда они отдавались нависшей над ними опасности, сердца юношей были спокойны.

Владыки Шибальбы были счастливы, думая, что они уже нанесли им поражение.

— Это хорошо мы сделали! Прежде всего они должны собрать [цветы], — говорили обитатели Шибальбы, — но куда же они пойдут, чтобы получить эти цветы? — спрашивали они в своем сердце.

— Вы, конечно, дадите нам наши цветы завтра, ранним утром, идите тогда срезать их, — сказали обитатели Шибальбы юношам Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо! — ответили они. — На заре мы снова померимся с вами силами, — сказали они, расставаясь.

И вот после этого юноши вошли в «Дом ножей», второе место испытаний в Шибальбе. [Владыки] желали, чтобы они были изрезаны в куски ножами и были быстро убиты — так задумали они. Вот чего желали они в своих сердцах.

Но [юноши] не умерли. Они сразу же заговорили с ножами и сказали им: «Вам будет принадлежать мясо всех животных», — сказали они ножам. И они больше не двигались; все ножи были спокойны.

Так [юноши] провели ночь в «Доме ножей», и, призвав всех муравьев, они сказали им:

— Идите, муравьи-резчики, идите, муравьи с высокими ногами, все вы приходите сюда. Идите же сразу, идите и принесите все виды цветов, которые мы должны собрать для владык.

— Хорошо! — сказали они, и все муравьи направились в путь, чтобы принести цветы из садов Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Но [владыки] заранее предусмотрительно предостерегли стражу цветов в Шибальбе:

— О почтенные [стражи], будьте внимательны к нашим цветам, не допускайте, чтобы они были украдены. Правда, юноши уже в нашей власти, а кто же другой может прийти, чтобы посмотреть и срезать цветы? Это, конечно, невозможно! Но все же сторожите [их] всю ночь!

— Хорошо! — ответили они.

Но стражи садов не заметили ничего. Понапрасну они кричали посреди ветвей деревьев в саду, повинувшись приказанию. Они были там всю ночь, повторяя одни и те же свои крики и песни.

— Шпурпувек! Шпурпувек! — кричал один, начиная свою песню.

— Пугуйю! Пугуйю! — отвечал другой, когда он хотел петь.

[Пугуйю] — ночными ласточками назывались оба стража садов, садов Хун-Каме и Вукуб-Каме. Но они даже не заметили муравьев, похищавших то, что они охраняли. [Муравьи] полчищами сновали друг за другом, двигаясь туда и сюда и срезая цветы. Они поднимались по деревьям, чтобы срезать цветы, а цветы падали на землю у подножия деревьев и благоухали.

А стражи между тем продолжали прилежно кричать, и они не чувствовали, как зубы [муравьев] отгрызают у них хвосты, отгрызают их крылья.

И муравьи тащили, таким образом, цветы, которые они срезали, и, собирая их с земли, они уносили их в своих зубах.

Быстро наполнили они четыре тыквенных сосуда цветами, влажными [от росы]; уже занималась заря. И вот пришли вестники, чтобы вести [братьев].

— Скажи им, чтобы они пришли, — сказал владыка, — и принесли сюда сразу же то, что они срезали. — Так было сказано юношам.

— Прекрасно, — ответили они.

И юноши отправились, неся цветы в четырех тыквенных сосудах.

А когда они прибыли пред лицо владыки [Шибальбы] и других владык и он взял цветы, приятно было посмотреть на цветы, принесенные ими с собой. И в этом [состязании] обитатели Шибальбы оказались побежденными.

Юноши послали только муравьев [срезать цветы], и в течение одной ночи муравьи срезали их и поместили их в тыквенные сосуды.

Мгновенно разъярились все обитатели Шибальбы, а их лица побледнели из-за этих цветов. Сразу же они послали за стражами цветов:

— Почему допустили вы красть наши цветы? Это ведь наши цветы из нашего сада, те, что мы видим здесь! — сказали они стражам.

— Мы ничего не заметили, владыка. Наши хвосты тоже пострадали, — ответили те.

И тогда [владыки] разорвали их рты в наказание за то, что было украдено то, что им было поручено сторожить. Так Хун-Каме и Вукуб-Каме были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. И это было началом их деяний. А ночные ласточки получили [такие] клювы; с этого времени рот у них разделен на две части клювом, как и теперь.

Немедленно [все] они отправились играть в мяч и сыграли опять несколько игр с равными результатами. Тогда они закончили игру и условились играть снова утром следующего дня. Так назначили обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! — ответили юноши по окончании [игры].

¹ В этом разговоре юношей с владыками Шибальбы многое остается непонятным. Можно лишь предположить, что речь идет о каких-то правилах игры в мяч или ее разновидностях. Не исключена возможность, что автор текста к тому же сознательно использовал игру слов.

² Мучит, или мучиль, — название на языке киче одного из видов Fabaceae *Crotalaria* (*Standley P.* у *Calderón S.* Lista preliminar de las Plantas de El Salvador. San Salvador, s. a. P. 109). А. Ресинос (*Popol Vuh. P.* 145) считает, что мучит — это *Crotalaria longirostrata*. Каринимак — это растение, к сожалению, не поддается пока отождествлению.

[Глава 10]

После этого [юноши] вошли в «Дом холода». Там было невозможно холодно. Дом был заполнен множеством льда; это было настоящее владение холода. Но скоро холод прекратился, потому что юноши зажгли огонь из сосновых сучьев, совсем старых, и заставили холод исчезнуть.

Вот почему они не умерли; они были еще живы, когда началась заря. А обитатели Шибальбы желали, чтобы [юноши] умерли там. Но так не

случилось, и когда занялась заря, они были еще полны здоровья. И снова появились исполнители приказаний; снова пришли посланные, чтобы вести их.

— Как же так? Они еще не умерли? — воскликнул повелитель Шибальбы. И вновь они смотрели с изумлением на деяния юношей Хун-Ахпу и Шбаланке.

После этого [юноши] вошли в «Дом ягуаров». Этот дом был полон ягуарами.

— Не кусайте нас! Вот что будет принадлежать вам! — сказали [братья] ягуарам. И они быстро разбросали перед животными несколько костей, а те с жадностью набросились на кости.

— Ну теперь-то с ними покончено! Теперь их сердца уже пожраны ягуарами. Наконец-то они побеждены! Теперь их кости переломаны, — так говорили стоявшие на ночной страже, и сердца всех их были счастливы из-за этого.

Но [братья] не умерли. Как обычно, бодрые и здоровые, они вышли из «Дома ягуаров».

— Какого же рода эти люди? Откуда они появились? — спрашивали все обитатели Шибальбы.

После этого юноши вошли в средоточие огня, в «Дом пламени». Внутри этого дома был только бушующий огонь, но они там не сгорели, хотя там все превращалось в уголь и пепел. И, как обычно, они были бодрыми и здоровыми, когда занялась заря. А очень хотелось [владыкам Шибальбы], чтобы [братья] быстро погибли там, где они находились. Но не случилось, однако, по желанию обитателей Шибальбы, и в сердцах их погасло мужество.

Тогда они направили [братьев] в «Дом летучих мышей». Ничего, кроме летучих мышей, не было внутри этого дома, дома Камасоца¹, большого животного. Орудия убийства были у него, как у Чакицама²; они были похожи на закаленные острия. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его.

[Юноши] находились там, но они спали внутри своих выдувных трубок. И те, кто находился в этом доме, не укусили их. И все-таки [братья] должны были сдаться, потому что один из них [был побежден] Камасоцем, спустившимся с неба. Да, он появился, когда они делали следующее.

Летучие мыши совещались друг с другом в течение всей ночи и летали вокруг и шумели: «Килиц, килиц», — говорили они. И так говорили

они всю ночь. Но затем они постепенно остановились; летучие мыши совершенно перестали двигаться и затем спокойно повисли на одном из концов выдувной трубки.

Тогда Шбаланке сказал Хун-Ахпу:

— Долго ли еще осталось до наступления зари? Посмотри!

— Долго ли еще? Кто знает? Сейчас я взгляну, — ответил [Хун-Ахпу].

И когда он, горя нетерпением, выглянул из дула выдувной трубки, желая поскорее увидеть восход зари, Камасоц мгновенно срезал его голову, и лишено было головы тело Хун-Ахпу.

Шбаланке спросил снова:

— Ну как? Не занялась ли заря?

Но Хун-Ахпу был недвижим.

— Как? Куда ты ушел, Хун-Ахпу? Что же ты сделал?

Но он не двигался и продолжал молчать. Тогда опечалился Шбаланке и воскликнул:

— Несчастные мы! Мы совершенно уничтожены!

[Исполнители приказаний] пошли и немедленно повесили голову [Хун-Ахпу] на стене площадки для игры в мяч по специальному приказанию Хун-Каме и Вукуб-Каме. И все обитатели Шибальбы радовались из-за того, что случилось с головой Хун-Ахпу.

¹ Camazotz — буквально «хищная летучая мышь».

² Chaquitzam (от chac «рана» и tzam «острие») — «наносящее раны острие» — чудовищное животное в виде летучей мыши, на носу которого находится нож. Изображение этого чудовища см.: Codex Vaticanus B. II manoscritto messicano vaticano 3773. Roma, 1896. Tab. 24.

[Глава 11]

Немедленно [Шбаланке] созвал всех животных, коати и кабана, всех зверей, больших и малых, созвал их в течение ночи и в эту же самую ночь спросил их, какова была их пища.

— Что ест каждый из вас? Что [из пищи] соответствует каждому роду? Ведь я собрал вас для того, чтобы вы могли избрать себе подходящую пищу, — сказал им Шбаланке.

— Очень хорошо, — ответили они. И немедленно каждый отправился выбирать свою [собственную пищу], и все они добрались до цели. Одни отправились взять себе как владение сгнившие деревья, другие отправились взять растение цалик¹, третьи — камни. Были и такие, что выбрали только землю. Различной была пища [малых] животных и больших животных.

Сзади них ползла покрытая панцирем черепаха, она двигалась, переваливаясь, чтобы также найти свою [пищу]. И когда она достигла конца [тела Хун-Ахпу], она превратилась в обманное подобие головы Хун-Ахпу, и в то же самое мгновение были созданы [на ее теле] его глаза.

Много мудрецов спустилось тогда с неба. Вот даже Сердце небес, Хуракан, появился и пребывал там, над «Домом летучих мышей».

Не легко было закончить изготовление лица [Хун-Ахпу], но вышло оно прекрасным: поистине привлекательно выглядел его рот, и он мог даже по-настоящему говорить [9].

Но уже наступала заря, и начал багроветь край неба.

— Сделай его снова темным, о старец! — было сказано коршуну.

— Да будет так! — сказал старец, и мгновенно он затемнил [небо].

«Теперь коршун затемнил его», — говорит народ и теперь [при наступлении зари].

Итак, во время утренней свежести [Хун-Ахпу снова] начал свое существование.

— Хорошо ли это будет, — говорили они, — выглядит ли она подобной [голове] Хун-Ахпу?

— Она очень хороша! — отвечали они. И правда, казалось, что кость [черепахи] превратилась в настоящую голову.

После этого [братья] начали совещаться друг с другом и согласились.

— Не играй в мяч, делай только вид, что ты играешь. Я буду делать все один! — говорил Шбаланке [Хун-Ахпу].

После этого он отдал свои распоряжения кролику:

— [Иди] и поместись над двором для игры в мяч, оставайся там среди выступов карниза, — сказал Шбаланке кролику, — а когда мяч подлетит к тебе, выбегай немедленно, а я сам сделаю все остальное. — Так было сказано кролику, когда они давали ему ночью эти приказания.

И вот настал день, а оба [юноши] были веселы и здоровы. Тогда они отправились играть в мяч. Голова Хун-Ахпу же была помещена на стене площадки для игры в мяч.

— Мы победили! — [торжествовали владыки Шибальбы]. — Вы опозорили себя! Вы погибли! — говорили им [обитатели Шибальбы]. Так они издевались над Хун-Ахпу.

— Сшиби его голову мячом, — говорили они [Шбаланке]. Но они не оскорбили его этим, он не обращал ни малейшего внимания на [их насмешки].

Тогда владыки Шибальбы бросили мяч. Он понесся на Шбаланке и упал прямо перед кольцом его на землю. Затем мяч отскочил, быстро пронесся над площадкой для игры в мяч и прыжком достиг выступов карниза.

Тотчас же кролик выскочил [оттуда] и побежал быстрыми прыжками. Все обитатели Шибальбы устремились в погоню за ним. Они бежали за кроликом, шумя и крича. Кончилось тем, что за ним погнались все обитатели Шибальбы, до последнего человека.

А Шбаланке в этот момент овладел [настоящей] головой Хун-Ахпу и, схватив черепаху, поместил ее на стену площадки для игры в мяч. А Хун-Ахпу получил обратно свою настоящую голову. И тогда оба [юноши] были очень счастливы.

А обитатели Шибальбы отправились искать мяч и, найдя его между выступов карниза, начали звать их, говоря:

— Идите сюда! Вот наш мяч! Мы нашли его! — кричали они. И они принесли его.

Когда обитатели Шибальбы возвратились и игра началась снова, они воскликнули:

— Что это, кого мы видим?

А [братья] играли вместе; они снова были вдвоем.

Неожиданно Шбаланке бросил камнем в черепаху, она сорвалась и упала посреди площадки для игры в мяч, разбившись перед [владыками] на тысячу кусков.

— Кто из вас пойдет искать ее? Где тот, кто возьмется принести ее? — сказали обитатели Шибальбы².

Так владыки Шибальбы были снова побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. Эти [двое] перенесли великие трудности, но они не умерли, несмотря на все свершенное над ними.

¹ Tzalic — Burseraceae *Elaphrium simarubra* (L.) (Standley *P. y Calderón S. Op. cit. P. 125*).

² Смысл этой фразы, очевидно, в том, что владыки Шибальбы подозревают какую-то хитрость со стороны братьев. Об этом говорит

их предыдущее восклицание: «Что мы видим?»». Этой второй фразой они признают свою беспомощность в отыскании вещественных доказательств обмана — кусков искусственной головы.

[Глава 12]

Вот сообщение о том, как умерли Хун-Ахпу и Шбаланке. Теперь мы расскажем, что живет в воспоминаниях об их смерти.

[Хун-Ахпу и Шбаланке] были предупреждены о всех страданиях, которым [владыки Шибальбы] желают подвергнуть их, но они не умерли от пыток Шибальбы и не были побеждены всеми хищными животными, имевшимися в Шибальбе.

После этого [братья] послали за двумя провидцами, которые были подобны пророкам; звали их Шулу и Пакам¹, и были они исполнены мудрости. [И Юноши сказали им]:

— Возможно, вы будете спрошены владыками Шибальбы относительно нашей смерти, которую они замышляют и приготавливают теперь, потому что мы не умерли, потому что они не смогли победить нас, потому что мы не погибли под их пытками и не были растерзаны зверями. Мы предчувствуем в сердцах наших, что они попытаются убить нас при помощи раскаленного камня. Собрались уже все обитатели Шибальбы, но истина то, что мы не умрем. Поэтому вот наши наставления относительно того, что должны вы сказать [владыкам Шибальбы]: если они придут советоваться с вами о нашей смерти и относительно того, как нас можно принести в жертву, что вы скажете им тогда, Шулу и Пакам? Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы выбросим их кости в пропасть?» — «Нет, не будет это хорошо, — скажите им, — потому что после этого вы, конечно, обязательно увидите снова их лица возвращенными к жизни!» Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы повесим их на высоких деревьях?» — вы ответите: «Конечно, не будет это хорошо, потому что вы обязательно снова увидите их лица!» И тогда в третий раз они спросят вас: «Может быть, лучше всего будет бросить их кости в стремнину реки?» И если у вас будет спрошено ими все, что говорилось раньше, [вы ответите]: «Это будет лучше всего, если они [братья] умрут таким образом; хорошо будет истереть потом их кости на плоском камне, как мелют в муку кукурузные зерна; пусть каждый из них будет измолот

по отдельности. Затем бросьте их немедленно в речную стремнину в том месте, где вода с шумом падает вниз, чтобы их [останки] были рассеяны среди малых гор и больших гор». Вот что вы ответите им, когда все то, что мы советовали вам, будет исполнено, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке. И когда [юноши] отдавали эти приказания, они уже знали относительно своей приближающейся смерти.

И вот был сделан тогда огромный костер с камнем внизу, вроде полуподземной печи; обитатели Шибальбы сделали его и наполнили кучами раскаленной золы.

Вскоре после этого прибыли посланные, которые должны были сопровождать [юношей], посланцы Хун-Каме и Вукуб-Каме.

— «Скажите, чтобы они побыстрее пришли. Идите и возьмите юношей. Люди должны собраться там и увидеть, как мы испечем их живьем!» — так сказал владыка, о юноши! — возвестили [им посланные].

— Хорошо! — отвечали они.

[Братья] быстро отправились и подошли к краю земляной печи. Здесь [владыки Шибальбы] захотели заставить [юношей] участвовать в издевательстве над собой.

— Давайте выпьем нашего опьяняющего напитка и перелетим [над костром] по четыре раза каждый, кто как умеет, о юноши! — было приказано им Хун-Каме.

— Не пытайся обмануть нас! — отвечали [братья]. — Или, быть может, мы не знаем о нашей [предстоящей] смерти, о владыки? Так смотрите же!

И, обнявшись друг с другом, лицом к лицу, они оба вытянули свои руки, пригнулись к земле и прыгнули в подземную печь. Так они погибли, оба вместе.

Все обитатели Шибальбы были исполнены радости, они всю кричали, раскрыв рты, всю свистели и восклицали:

— Вот теперь-то мы победили их! И поистине не так уж легко они сдались!

Немедленно они позвали Шулу и Пакама, которым [братья] дали свои наставления, и подробно расспросили их, что нужно сделать с костями [погибших].

Затем обитатели Шибальбы, после того как спросили судьбу, смололи кости [юношей] и бросили их в речную стремнину. Но кости не удалились далеко; они тотчас опустились на речное дно и превратились

снова в прекрасных юношей. И когда они появились опять, у них были те же самые лица и облик.

¹ Шулу — ahxulu — буквально «прорицатель», Пакам — расам — «почтенный».

[Глава 13]

На пятый день [Хун-Ахпу и Шбаланке] появились снова и были увидены в воде людьми¹. Оба они имели вид людей-рыб, когда обитатели Шибальбы видели их. И они охотились [за братьями] по всей реке.

А на следующий день они явились как два бедняка с очень старыми лицами, жалким видом и в лохмотьях; ничего привлекательного не было в их наружности. Так они были увидены всеми обитателями Шибальбы.

И они совершали самые различные деяния. Они исполняли танец ночной ласточки, двуутробки², танец броненосца; а в особенности танцевали «сороконожку» и танец на ходулях [10].

Кроме того, они совершали многочисленные чудеса. Они сжигали дома, как будто они горели в действительности, и тотчас восстанавливали их снова. Многие обитатели Шибальбы в изумлении смотрели на них.

Наконец они умышленно разрезали друг друга на куски; они убили друг друга. Тот, кто первый дал себя убить, распростерся и лежал как мертвый, и в то же мгновение [другой] возвращал его к жизни. Обитатели Шибальбы смотрели в удивлении на все, что они делали, а они совершали это как начало своей победы над обитателями Шибальбы.

Слово об их представлениях дошло наконец до ушей владык Хун-Каме и Вукуб-Каме. Когда они услышали это, они воскликнули:

— Кто эти два бедняка? Они действительно доставляют так много удовольствия?

— Да, поистине прекрасны их танцы и все, что они совершают, — ответил тот, кто принес эти известия владыкам.

Услышав о таком искушении, [владыки] послали своих посланных позвать [пришельцев]:

— Скажите им, чтобы они поскорее пришли сюда, скажите им, чтобы они пришли и мы могли бы видеть, что они делают, чтобы мы могли

удивляться им и оказать им внимание, — так сказали владыки. — Так вы должны возвестить им, — вот что было сказано посланным.

Они сразу же направились к танцовщикам и передали им послание владык.

— Мы не можем желать этого, — [сказали юноши], — потому что поистине мы устыжены. И как же мы можем не стыдиться появиться в доме владык? Ведь наши лица поистине отвратительны. Разве наши глаза не жадны из-за нашей крайней нищеты? Разве вы не видите, что мы всего-навсего лишь бедняки танцовщики? Что скажем мы нашим товарищам по бедности, которые еще не пришли с нами и хотят принять участие в наших танцах, порадоваться вместе с нами? Как можем мы исполнять наши танцы без них перед владыками? Вот по какой причине мы не хотим идти, о вестники! — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Наконец, с потупленными лицами, выражая явное нежелание, горечь и глубокую печаль, они отправились; но через некоторое время вновь отказались идти, и вестники били их много раз по лицам, когда они вели [братьев в дом] владыки.

И вот прибыли они к владыкам, боязливые и со склоненными головами; они подошли и простерлись, они выказывали почтительность и смирение. Они выглядели слабыми и оборванными, и облик их был действительно внешностью бродяг, когда они прибыли.

Их немедленно спросили об их родине и об их народе; они спросили их также об их матери и их отце.

— Откуда вы идете? — спросили их [владыки].

— Мы совершенно ничего не знаем, владыка! Мы не знали лиц нашей матери и нашего отца; и были мы очень маленькими, когда они умерли, — ответили они и не сказали ни слова больше.

— Хорошо! Теперь исполняйте ваши штуки, чтобы мы могли дивиться на вас. Что вам для этого требуется? Мы удовлетворим ваши пожелания, — было сказано им.

— Мы ничего не желаем, но мы поистине очень испуганы, — ответили они на это владыке.

— Не бойтесь ничего и не стыдитесь! Танцуйте! И изобразите прежде всего, как вы убиваете друг друга, а затем сожгите мой дом, делайте все, что вы умеете делать. Мы будем дивиться на вас; этого желают наши сердца. Итак, быстро [принимайтесь] за дело, бедные создания; мы дадим вам все, что вы пожелаете, — говорили они им.

Тогда они начали петь и танцевать. Все обитатели Шибальбы прибыли и собрались, чтобы видеть их. И они исполнили все танцы: они станцевали «двуутробку», они станцевали «ночную ласточку» и они станцевали «броненосца».

И тогда владыка сказал им:

— Разрежьте мою собаку на части, и пусть она будет снова возвращена вами к жизни, — так приказал он им.

— Да будет так! — ответили они и разрезали собаку на кусочки. Затем сразу же они возвратили ее снова к жизни. И собака воистину была полна радости, когда она была возвращена к жизни, и виляла хвостом, когда [братья] оживили ее.

И тогда владыка сказал им:

— Сожгите же теперь мой дом! — так он приказал им.

Сразу же они подожгли дом владыки, и хотя все владыки собрались там, внутри дома, они все же не были обожжены. Быстро они сделали его снова целым, и ни на одно мгновение дом Хун-Каме не был разрушен.

Все владыки [Шибальбы] веселились; они даже танцевали сами [от восторга], и это доставило им много удовольствия.

Тогда им было приказано владыкой:

— Теперь убейте человека, принесите его в жертву, но не допускайте, чтобы он умер. — Так было сказано им.

— Очень хорошо! — ответили они.

И, схватив одного человека, они быстро принесли его в жертву. А затем они вырвали у него сердце и высоко [подняли] его, чтобы все владыки могли видеть [сердце].

И снова Хун-Каме и Вукуб-Каме были восхищены. Мгновение спустя человек был возвращен обратно к жизни [братьями], и его сердце было исполнено бурной радости, когда он воскрес.

Владыки были удивлены.

— Принесите теперь в жертву друг друга, пусть мы увидим это, — сказали владыки, — наши сердца поистине жаждут такого представления от вас!

— Очень хорошо, о наш повелитель! — ответили они.

И тогда они приступили к жертвоприношению друг друга. Вот Хун-Ахпу был принесен в жертву Шбаланке; одна за другой его руки и его ноги были несколькими кусками отрезаны от [туловища], его голова была отрублена от его тела и унесена прочь; его сердце было вырвано из его груди и брошено на [ветви] растения цалик. Все владыки Шибальбы

были опьянены [этим зрелищем]. Они хотели только одного: только смотреть на представление, которое устроил Шбаланке.

— Встань! — воскликнул он, и мгновенно [Хун-Ахпу] возвратился к жизни. Тогда [братья] были очень счастливы, счастливы были и владыки. Действительно, то, что совершали они, наполняло восторгом сердца Хун-Каме и Вукуб-Каме, и они чувствовали себя так, как будто они сами совершали все это.

Тогда их сердца наполнились желанием и стремлением раскрыть загадку представлений Хун-Ахпу и Шбаланке; и у Хун-Каме и Вукуб-Каме вырвались слова:

— Сделайте то же самое с нами! Принесите в жертву нас! — сказали они. — Разрежьте нас на куски, одного за другим! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Очень хорошо! После этого мы возвратим вас снова к жизни. Разве существует для вас смерть? Ведь мы те, кто обязан доставлять вам развлечения, а вы — повелители над вашими сыновьями и подданными, — сказали они владыкам.

И случилось так, что они принесли в жертву первым того, кто был предводителем владык, того, кого звали Хун-Каме, повелителя Шибальбы.

И когда Хун-Каме был мертв, они схватили Вукуб-Каме, и они не возвратили ни того ни другого снова к жизни.

Обитатели Шибальбы бежали, как только они увидели, что оба их владыки убиты и расчленены на куски. А это было сделано [братьями], чтобы покарать их. В одно мгновение был убит главный владыка, и они не вернули его снова к жизни.

А один из владык смирился и явился перед лицами танцовщиков. Они не открыли его, и они не нашли его³.

— Поощадите меня! — сказал он, когда он пришел в чувство.

Все сыновья и подданные [владык Шибальбы] бежали в глубокое ущелье, и все они собрались одной огромной толпой в этой узкой, глубокой пропасти. Там они собрались огромной толпой, и полчища муравьев пришли туда, и нашли их, и вытеснили их из ущелья. Так [муравьи] гнали их по дороге, и когда они вернулись назад [в Шибальбу], то простерлись [перед победителями] и сдались. Они все покорились и когда приходили, то горько плакали.

Вот таким образом было сокрушено владычество Шибальбы. Только чудесами и своими превращениями смогли [братья] совершить все это.

¹ Нельзя не обратить внимание на роль, которую играет вода при оживлении Хун-Ахпу и Шбаланке. Ср. «живую воду» русских сказок. Об этих же представлениях у индейцев Центральной Америки см.: *Schultze Jena L. Indiana. Bd. II. Mythen in der Muttersprache der Pipil von Izalco in El Salvador. Jena, 1935. S. 83.*

² В подлиннике — сук «двуутробка». Обычно в словарях это слово переводится как «ласка», но она, как известно, не живет в Америке. Л. Шульце-Иена (*Popol Vuh. S. 232*) полагает, что речь идет о маленьком хищнике *Didelphys dorsigera*, напоминающем по внешнему виду ласку.

³ Т. е. он спрятался при уничтожении и потом добровольно явился просить пощады.

[Глава 14]

Немедленно [Хун-Ахпу и Шбаланке] объявили свои имена и были превознесены перед всеми обитателями Шибальбы.

— Слушайте наши имена, которые мы вам назовем! Мы скажем вам также и имена наших отцов. Мы сами, мы Хун-Ахпу и Шбаланке — вот наши имена. А имена наших отцов — тех, кого вы убили, — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Мы — те, кого вы видите здесь, — мстители за пытки и страдания наших отцов. Вот причина, почему мы негодуем за все злое, что вы свершили по отношению к ним. Поэтому мы положим конец всем вам, мы умертвим вас, и ни один из вас не сможет ускользнуть, — сказали они.

Все обитатели Шибальбы сразу же пали на колени, умоляя:

— Пощадите нас, Хун-Ахпу и Шбаланке! Действительно, мы провинились перед вашими отцами, как вы говорите, и они погребены в Пукбаль-Чах, — сказали они.

— Хорошо! Вот наш приговор, который мы возвещаем вам. Слушайте его, вы, все обитатели Шибальбы. Поскольку ни ваша великая мощь, ни ваше племя более не существует и поскольку вы не заслуживаете пощады, то вы займете низкое положение, не будут вам оказывать больше почестей. Очень немного достанется вам от крови и черепов, а игра в мяч будет не для вас. Вы будете проводить ваше время в изготовлении глиняных горшков и сковородок и камней для перемола кукурузы. Только дети чащ и пустынь будут представлены вашему

покровительству. Но порождения света, сыновья света не будут иметь общения с вами, и они будут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печалей, изменники, отдающиеся порокам, — вот те, кто будет приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно схватывать людей [для жертвоприношений]; помните, что ваше положение теперь низко!

Так говорили они всем обитателям Шибальбы.

Так началось разрушение их величия и их печали, хотя их и призывали еще потом. Невелико было их могущество и в былые дни. Им нравилось лишь причинять людям злое в те времена. В действительности и в те дни они не принадлежали к разряду богов. Кроме того, их страшные лица вызывали у людей ужас и отвращение. Они порождали только распри и несчастья. Они подстрекали к злу, к греху и к разногласиям.

Они были также фальшивы сердцем, черные и белые в одно и то же время, завистливые существа и угнетатели, согласно тому, что говорилось о них. Кроме того, они раскрашивали свои лица и мазали их жиром.

Вот таким образом они потеряли свое величие и свой блеск; так произошло падение их владычества.

И это свершили Хун-Ахпу и Шбаланке [11].

Между тем бабушка плакала и печалилась перед посаженными и оставленными ими тростниками. У тростников этих сперва появились побеги, и они зазеленели, но затем засохли. Когда же [братья] бросились в подземную печь, [тростники] зазеленели снова. Тогда бабушка зажгла огонь и сожигала благовония перед тростниками в память своих внучат. И сердце бабушки исполнилось радости, когда тростники зазеленели вторично. Бабушка оказывала им почести как богам и называла их «Центром дома», «Никах»¹ назывались они.

«Зеленые тростники, растущие на равнинах» — вот было их имя. И они назывались «Центром дома» и «Центром», потому что [Хун-Ахпу и Шбаланке] посадили тростники в самой середине дома. И тростники были названы «зелеными тростниками, растущими на равнинах», потому что [братья] посадили их в выровненную землю.

Их также называли «зеленые тростники», потому что они зазеленели. Эти имена были даны им Шмукане, даны тем [тростникам], которые посадили Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы они напоминали бы о них их бабушке.

Итак, их отцами, умершими давным-давно, были Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. [Хун-Ахпу и Шбаланке] теперь увидели лица своих отцов здесь, в Шибальбе, и их отцы разговаривали со своими потомками, с теми, кто победил [владык] Шибальбы.

А вот как их отцы были почтены ими. Вукуб-Хун-Ахпу они почтили следующим образом: они отправились почтить его в Пукбаль-Чах.

Прежде всего им хотелось, чтобы возникло его изображение, и поэтому он был спрошен о его голосе и обо всем: о его рте, его носе и его глазах. Они обнаружили его голос, но он мог свершить лишь очень немногое. Он мог только что-то произносить; его рот не мог назвать по имени своего брата-близнеца [12]; он только лишь что-то лепетал.

А сердце их отца, которое оставалось лежать там, — которое оставалось лежать там, в Пукбаль-Чах, — почтили они таким образом: «Пусть будут призывать тебя, да будет так! — сказали ему его сыновья, когда они утешали его. — Прежде всего, вы должны стать почитаемыми, и вам первым будут молиться порождения света, сыновья света. Ваши имена не будут никогда забыты! Да будет так! — говорили они своему отцу и этим утешали его сердце. — Мы — отмстители за вашу смерть, за вашу гибель, за страдания и печаль, которая была причинена вам».

Таковы были их слова прощания, когда они уже полностью победили всех обитателей Шибальбы.

Тогда они удалились от них и поднялись наверх, в средоточие света; в одно мгновение они были подняты на небо. Одному было дано Солнце, другому — Луна. Тогда осветился свод небес и лицо земли. Теперь они обитают на небесах.

И вот тогда четыреста мальчиков, убитых Сипакной, также поднялись [на небо]; они снова стали товарищами [братьев] и обратились в звезды на небе.

¹ Nisah — «центральное место».

[1] У Л. Шульце-Иены переводится «и уходим по глупой причине» (Porol Vuh. S. 41).

[2] Собственно «свидетель» — сапа. Автор играет словами сапа и сапах «оставаться».

[3] В подлиннике — непереводимая игра словами: chah «смолистая лучина», cha «каменный нож для жертвоприношений» и Chaah «игра в мяч».

[4] Puzbal chah — «место, где рассыпан пепел», т. е., очевидно, место, где хоронили пепел после кремации умерших. А. Ресинос (Popol Vuh. P. 118) считает, что здесь ошибка писца и следует читать Puzbal-Chah, т. е. «место жертвоприношений при игре в мяч».

[5] Chi xiri ri e xe qui ram — буквально «с пенисами, находящимися под их широкими животами».

[6] Molay на языке киче обозначает «собираться вместе», «держаться стаей».

[7] В подлиннике дано имя Calaxic, что объясняется ошибкой писца, все время повторявшего слово sala «привет» и поэтому вместо quicxic написавшего машинально calaxic.

[8] Chil, по Хименесу, — гусеница, издающая звуки. А. Ресинос, ссылаясь на неопубликованный «Vocabulario Maya-Quiché-Sakchiquel que se habla en la laguna de Atitlán», переводит chil как «стоножка» (Popol Vuh. P. 144).

[9] У Хименеса смысл искажен: salió muy perfecta haciéndola boca у ojos.

[10] Шульце-Иена переводит ха xtzul, ха chitic как «Tanz der Raufbolde und den der Hinkenden» (Popol Vuh. S. 91).

[11] В тексте подлинника имя Хун-Ахпу дано с уменьшительным префиксом и — хhунаһри. Возможно, что этот префикс употреблен здесь, чтобы отличить героя повествования от его отца Хун-Хун-Ахпу.

[12] В подлиннике hup alpuil. Брассер де Бурбур (Popol Vuh. P. 192) пишет Hunaһpuil и переводит совершенно непонятным словосочетанием l'ensemble des Hunaһри. В рукописи же стоит отчетливое l, следовательно, мы имеем два слова: hup «один», «другой» и alpuil — значение непонятно. Шульце-Иена (Popol Vuh. S. 212) предполагает, что alpuil имеет значение «брат-близнец». Присоединяюсь к его толкованию.

[Глава 1]

Здесь вот начало [рассказа о том], как было решено создать человека и как искали то, что должно было войти в плоть человека.

И Великая мать и Великий отец, Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, как гласят их имена, говорили: «Приближается время зари; так пусть наша работа будет закончена и пусть появятся те, кто должен нас питать и поддерживать, порождения света, сыновья света; пусть появится человек, человечество на лице земли!» — так говорили они.

Они собрались, сошлись вместе и совещались в темноте и в ночи, и вот они искали и обсуждали, и здесь они размышляли и думали. Таким образом их намерения убедительно подошли к ясному решению; и они искали и открыли, что должно войти в плоть человека.

Это было еще перед тем, как солнце, луна и звезды появились над головами Создательницы и Творца.

Из Пашиля, из Кайала, как именовались [эти страны], появились желтые початки кукурузы и белые початки кукурузы.

Вот имена животных, доставивших эту пищу: лисица, койот, попугай и ворона. Эти четыре животных принесли известия о желтых початках кукурузы и о белых початках кукурузы. Они сказали [Создательнице и Творцу], что они должны идти в Пашиль, и они показали им дорогу в Пашиль.

И так они нашли пищу, и это было то, что вошло в плоть сотворенного человека, созданного человека, это была его кровь, из этого была создана кровь человека. Так вошла кукуруза в [сотворение человека], по желанию Великой матери и Великого отца.

И вот тогда они были исполнены радости, потому что они нашли такую прекрасную страну, полную удовольствий, изобилующую вкусными початками желтой кукурузы и вкусными початками белой кукурузы; изобилующую также прекрасным паташте и семенами какао. Нельзя и перечислить, сколько там было деревьев сапоте, кавуэш¹, хокоте, тапаль, матасано², какое множество меда. Там было изобилие восхитительной пищи, в этих селениях, именовавшихся Пашиль и Кай-ала. Там была пища всякого рода, малая пища и большая пища, малые растения и большие растения. И дорога к ним была показана животными.

И тогда, размолот початки желтой кукурузы и початки белой кукурузы, Шмукане изготовила девять напитков, и из этой пищи пришла сила и плоть, и из кукурузы были созданы мускулы и сила человека. Вот что сделали Великая мать и Великий отец, Тепеу и Кукумац, как именовались они.

После этого они начали беседовать о сотворении и создании нашей первой матери и отца; только из желтой кукурузы и из белой кукурузы они создали их плоть; из кукурузного теста они создали руки и ноги человека. Только тесто из кукурузной муки пошло на плоть наших первых отцов, четырех людей, которые были созданы.

¹ Кавуэш (caueh) — одна из разновидностей анноны (*Standley P. y Calderón S. Op. cit. P. 83; Standley P. C. La flora. Enciclopedia Yucatanence. Mexico, 1945.V. 1. P. 345—347*).

² В подлиннике слово ahache — дерево Rutaceae *Casimiroa edulis* Llave et Lexarza (*Standley P. y Calderón S. Op. cit. P. 122*).

[Глава 2]

Вот имена первых людей, которые были сотворены и созданы: первый человек был Балам-Киче, второй — Балам-Акаб, третий — Махуку-тах, а четвертый был Ики-Балам.

Таковы имена наших первых отцов.

Было [уже] сказано, что только лишь они были созданы и сотворены, не имели они матери, не имели они отца. Только лишь они одни могли исключительно называться людьми¹. Они не были рождены женщиной и не были зачаты как сыновья Создательницей и Творцом,

Великой матерью и Великим отцом. Только чудом, только средствами заклинаний они были сотворены и созданы Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, Тепеу и Кукумацем.

И так как они имели внешность людей, [то] они были люди; они говорили и вели беседы, они хорошо видели и слышали, они ходили, брали вещи руками; они были хорошими и красивыми людьми, и их фигура была человеческой фигурой.

Они были наделены пронизательностью; они видели, и их взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли.

Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая [даже] попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились.

Велика была мудрость их, их зрение достигало лесов, скал, озер, морей, гор и долин. Поистине они были изумительными людьми, Балам-Киче, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам!

Тогда Создательница и Творец спросили их: «Что вы думаете о вашем состоянии? Не видите ли вы? Не слышите ли вы? Не хороша ли ваша речь, так же как [ваша] походка? Смотрите тогда! Созерцайте все, что находится под небом, посмотрите, как появляются горы и долины! Попытайтесь же это увидеть!» — сказали они [первым людям].

И немедленно они увидели полностью все, что существовало в этом мире². Тогда они воздали благодарность Создательнице и Творцу: «Поистине воздаем мы вам благодарность тысячу раз [1]. Мы стали людьми, нам даны рот и лицо, мы говорим, мы слышим, мы думаем и ходим, мы совершенно чувствуем, и мы знаем, что находится далеко и что находится близко. Мы видим также большое и малое в небе и на земле. Мы воздаем вам благодарность поэтому за то, что вы сотворили и создали нас, о Создательница и Творец, за то, что вы дали нам существование, о наша Праматерь, о наш Праотец!» — говорили они, воздавая благодарность за сотворение и создание их.

Они были способны познать все, и они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность земли.

Но Создательница и Творец услышали эту [благодарность] с неудовольствием. «Это нехорошо, что говорят наши создания, наши творения; они знают все: большое и малое!» — сказали они.

И поэтому Великая мать и Великий отец устроили совет снова: «Что же мы будем делать с ними теперь? Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немного на лице земли! Это нехорошо, то, что они говорят. Разве они по своей природе не простые создания нашего творения? Разве они тоже должны стать божествами? А что, если они не будут рождать и умножаться, когда наступит заря, когда поднимется солнце? И что [будет], если они не умножатся? — так говорили они. — Давайте немного сдержим их желания, потому что нехорошо это, что мы видим. Разве они должны быть равными нам, своим творцам, кто может видеть далеко, кто знает все и видит все?»

Так говорили друг другу Сердце небес, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпий-акок, Шмукане, Создательница и Творец. Так они говорили, и немедленно они изменили природу своих созданий, своих творений.

Тогда Сердце небес навел туман на их глаза, который покрыл облаком их зрение, как на зеркале, покрытом дыханием. Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко, только это было ясно видимо для них.

Таким образом была потеряна их мудрость, и все знание четырех людей, происхождение и начало [народа киче] было разрушено.

Таким образом были сотворены и созданы наши праотцы, наши отцы Сердцем небес, Сердцем земли.

¹ В подлиннике слово *achih* — «благородный, знатный по рождению человек».

² В древнейшей версии мифа подобных обращений божеств к первым людям, очевидно, было несколько. С каждым таким обращением люди получали соответствующее чувство или способность (видеть, слышать, ходить, говорить и т. д.). В данной версии результатом всех обращений богов является лишь одно — острое зрение.

[Глава 3]

Тогда получили существование их жены, и были созданы для них женщины. Еще раз божество осуществило свое намерение. И они появились во время [их] сна. Поистине прекрасными были женщины, находившиеся рядом с Балам-Киче, Балам-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

Их женщины находились там, когда они пробудились, и сердца их мгновенно были наполнены радостью при виде их жен.

Вот имена их жен: Каха-Палуна именовалась жена Балам-Киче, Чомиха была женою Балам-Акаба, Цунуниха именовалась жена Махукутаха и Какишаха было именем жены Ики-Балама¹. Таковы были имена их жен, и они были владычицами.

Они зачали людей, [людей] малых племен и больших племен, и они были началом нас самих, нас — народа киче.

Много было владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, их было не только четыре; но эти четыре были нашими праmaterями, [праmaterями] народа киче.

Различны были имена каждого [народа], когда они умножились там, на востоке, и имелось много названий народов: тепеу-оломан², кохах, кенеч, ахау, как именовались эти люди там, на востоке, где они умножились.

Известно также начало людей тама и людей илока, которые пришли вместе оттуда, с востока.

Балам-Киче был праотцем и отцом девяти великих домов Кавека; Балам-Акаб был праотцем и отцом девяти великих домов Нимхайба; Махукутах — праотец и отец четырех великих домов Ахау-Киче.

Существовало три объединения родов³, и они никогда не забывали имя своего праотца и отца, тех, кто распространялся и умножался там, на востоке.

Таким же образом пришли и люди тама и илока. С тринадцатью ветвями народов, тринадцатью из Текпана, [пришли они], а также люди Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха, а также закаха и ламак, кумац, тухальха, учабаха, люди из Чумилаха, люди из Кибаха, из Батенаба, люди акуль, баламиха, канчახель и балам-коль.

Это только лишь главные племена, ветви народов, которые мы упоминаем; мы будем говорить только об этих главных. Многие другие еще пришли из каждой части главного населения, но мы не будем писать их имена. Они также умножались там, на востоке.

Возникло великое число людей, и в темноте они множились: не были рождены еще ни солнце, ни свет, когда они умножались. Они все жили вместе, существовали и блуждали там, на востоке.

И не было у них [божества], которому они должны бы были приносить жертвенные дары и [искать] покровительства; они могли лишь поднимать свои лица к небу. И они не знали, почему они пришли так далеко, как [это] они сделали.

Там находились тогда в большом количестве черные люди и белые люди, люди с разной внешностью, люди столь многих наречий, что удивительно было слушать их.

Разные люди существуют под небом; имеются люди пустынь, лица которых никто никогда не видит, которые не имеют домов, они только блуждают, как помешанные, по малым горам и большим горам, поросшим лесами. Так рассказывали те, кто презирал этих людей пустынь; так рассказывали те, кто сам был там, на востоке.

Все они имели только одно и то же наречие. Они не зывали ни к дереву, ни к камню, но они хранили в памяти слово Создательницы и Творца, Сердца небес и Сердца земли.

Вот таким образом они говорили, когда они хранили в сердцах мысль о наступлении зари. И они слагали свои молитвы, наполненные словами любви, полные любви, послушания и страха. Они поднимали свои лица к небу, когда просили себе дочерей и сыновей:

— О ты, Создательница, о ты, Творец! Посмотри на нас, внемли нам! Не прогоняй нас прочь, не устраивай нам препятствий, о божество, сущее в небесах и на земле, Сердце небес, Сердце земли! Дай нам наших потомков, наше последование, пока будет двигаться солнце и будет свет. Пусть наступит заря, пусть придет день! Дай нам много хороших дорог, ровных дорог! Пусть у людей будет мир, много мира, и да будут они счастливы! Дай нам хорошую жизнь и полезное существование! О ты, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Чини-Нанауак, Раша-Нанауак, Вок, Хун-Ахпу, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпийакок, Шмукане, Праматерь солнца, Праматерь света, пусть наступит заря, пусть придет день.

Так говорили они, когда они высматривали и призывали, полные ожидания, восход солнца, наступление дня. И в то же самое время они выслеживали утреннюю звезду, великую звезду, что движется перед солнцем. А солнце — пожар, освещающий небеса и землю, — озаряет шаги людей, созданных и сотворенных.

¹ Хименес переводит имена первых женщин следующим образом: *Saha-Paluna* — «вода, вертикально падающая сверху, вода водопада», *Chomiha* — «прекрасная, избранная вода», *Tzununiha* — «вода колибри», *Saquixaha* — «вода попугая» (*Ximenez Fr. Historia de la Provincia de San Vicente de Chiapa e Guatemala. Guatemala, 1929. V. 1. P. 35*). Интересно отметить, что все имена этих женщин

подчеркивают их водную сущность. В «Родословной владык Тотоникапана» (глава 1) имена первых женщин даются с некоторыми отличиями.

² Тепеу-оломан или тепеу-олиман (часть III, глава 9, с. 104) — «могущественные из Олимана» — племя, которое предки киче встретили в своих странствованиях. В «Летописи какчикелей» оно упоминается под именем Тапку, Оломан (*Recinos A. The Annals of the Cakchiquels. P. 56*). А. Ресинос считает, что это ольмека-шикаланка, жившие в южной части штата Вера-Крус (*Recinos A. Popol Vuh. P. 170*). Ср.: *Seler Ed. Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach- und Alterthumskunde. Berlin, 1908. Bd. III. S. 576*; *Lehmann W. Ein Toltekenklagegesang. Festschrift Eduard Seler. Stuttgart, 1922. S. 299*.

³ Исходя из свидетельств «Пополь-Вух» и других индейских документов по древней истории Гватемалы, а также результатов археологических раскопок, можно предполагать следующее. Племя киче делилось на три объединения родов (Кавек, Ниха, или Нихаиб, и Ахау-Киче), возводивших себя к трем тольтекским предводителям: Балам-Кице, Балам-Акабу и Махукутаху (подробнее см. в послесловии). Племена там и илок, очевидно, еще до тольтекского завоевания жили вместе с киче, этим и объясняются их близкие отношения с киче, неоднократно отмечаемые текстом «Пополь-Вух». Племя цикинаха (или цутухили) жило в одноименном поселении, находившемся на западном берегу озера Атитлан. Тринадцать племен из Текпана, по предположению Брассера де Бурбура, — племена покомам и покончи. Племя рабиналей жило около современного поселения Рабиналь, оно вошло затем в племенной союз какчикелей; племя Баламиха — около современного поселения Баламйа (*Balamya*) в департаменте Чимальтенанго. Сказать что-либо определенное об упоминающихся в этой главе других племенах, к сожалению, невозможно.

[Глава 4]

И Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сказали: «Давайте спокойно подождем наступления дня!» Так говорили эти великие умные люди, мудрецы, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Так было сказано ими.

Наши первые матери и отцы еще не хранили [изображений богов] ни из дерева, ни из камней, и их сердца устали от ожидания солнца. Уже были очень многочисленными все племена и между ними народ йаки, а также владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений.

— Давайте пойдем, давайте пойдем, осмотрим все и поищем, нет ли чего, что мы могли бы признать как наших покровителей. Не сможем ли мы найти то, что должно гореть перед нами. Ибо так, как мы живем теперь, мы не имеем никого, кто бы бодрствовал для нас, — сказали Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

И, услышав о городе, они отправились туда.

И вот имя того места, куда отправились Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах, Ики-Балам и люди [народов] там и илок, было Тулан-Суйва, Вукуб-Пек, Вукуб-Сиван¹. Таково было имя города, куда они отправились, чтобы получить своих богов.

Итак, они все прибыли в Тулан. Невозможно было сосчитать [число] людей, которые [туда] прибыли; туда отправились очень многие, и странствовали они, построившись в ряды.

Тогда было появление богов, и первыми [появились боги] Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, а они были исполнены радости: «Наконец-то нашли мы то, чего искали!» — говорили они.

Первым появившимся был [бог] Тохиль, как именовался этот бог, и Балам-Кице положил его на свою спину, на свою раму. Затем появился бог по имени Авилиш, и Балам-Акаб унес его. Бог по имени Хакавиц был унесен Махукутахом, а Ики-Балам унес бога по имени Никахтахках.

И таким же образом вместе с народом киче получили [свое божество] и люди тама. И вот почему Тохиль было имя бога у людей тама, кого получили праотцы и отцы владык тама, которых мы знаем еще и теперь.

На третьем месте были люди илока. Имя бога, которого получили праотцы и отцы этих владык, которых мы знаем еще и теперь, было также Тохиль.

Таким образом, трем [группам] киче были даны их имена, и они не разделялись, потому что они имели бога с одним и тем же именем: Тохиль у киче, Тохиль у тама и [Тохиль] у илока; только одно было имя бога, и с тех пор эти три [группы] киче не разлучались.

Велики, воистину, были бытие и сущность этих трех: Тохиль, Авилиша и Хакавица.

Затем прибыли все [другие] народы: люди из Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха и народ, который теперь носит название йаки. И там изменилась речь народов; их языки стали различными. Они уже не могли больше ясно понимать то, что слышали друг от друга, после того как прибыли в Тулан. Там же они и разделились: были такие, кто отправился на восток, но большинство пришло сюда.

И одежаниями их были только лишь шкуры животных; они не имели хороших тканей, чтобы одеться; шкуры животных были их единственной одеждой. Они были бедны, они не владели ничем, но они были людьми, дивными по своей природе.

Когда они прибыли в Тулан-Суйву, Вукуб-Сиван — как говорится в старых сказаниях, — их странствования, пока они добрались до Тулана, были очень продолжительными.

¹ Vucub Pec — «семь пещер», Vucub Zivan — «семь ущелий». Это место «Пополь-Вух» наиболее ясно говорит о тольтекском происхождении предводителей киче; подробнее об этом см. послесловие, раздел 4.

[Глава 5]

И они не имели еще огня. Только народ Тохиль имел его. Он был богом племен, который первый создал огонь. Неизвестно, как он был создан, потому что он уже ярко горел, когда Балам-Киче и Балам-Акаб увидели его.

— Увы! Мы не имеем еще огня! Мы умрем от холода! — говорили они.

И тогда Тохиль сказал им:

— Не беспокойтесь! Ваш это огонь, о котором вы говорите, что он недоступен для вас, — сказал им Тохиль.

— Это действительно так? О ты, наш бог, ты наша поддержка, ты, кому мы приносим жертвы, ты наш бог! — говорили они, благодаря его.

И Тохиль ответил:

— Хорошо! Конечно, я ваш бог. Да будет так! Я — ваш владыка, да будет так! — так сказал Тохиль владыкам страха перед богом и устройителям жертвоприношений. И таким образом племена получили огонь и были рады по причине этого.

Внезапно начался сильный ливень. Масса града выпала на головы всех племен, и огонь был потушен из-за града; только что приобретенный огонь снова исчез.

Тогда Балам-Кице и Балам-Акаб снова попросили Тохиль об огне.

— О Тохиль, мы воистину умираем от холода, — сказали они Тохилю.

— Хорошо, не печальтесь, — ответил [им] Тохиль, и сразу же он создал огонь, пробуравив свою сандалию¹.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сразу же стали счастливы и немедленно согрелись.

И вот огонь у [других] народов тоже погас, и они умирали от холода. Они немедленно пришли еще раз просить огня у Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутах и Ики-Балама. Они не могли больше переносить ни холода, ни града; они дрожали, и зубы их стучали; они совершенно оцепенели и были едва живы; их руки и ноги тряслись, и они не могли ничего держать в них, когда они пришли.

— Мы не устыдились прийти к вам и попросить немного вашего огня, — сказали они. Но они не получили ничего в ответ. И тогда сердца племен были очень опечалены.

— Речь Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутах и Ики-Балама отлична [от нашей]. Увы! Мы потеряли нашу речь! Что мы сделали? Мы погибли! Как же мы были обмануты? Мы имели только одно наречие, когда мы прибыли туда, в Тулан; в одном и том же месте мы были сотворены и стали людьми. Нехорошо это, что мы сделали, — говорили все племена под деревьями, под лианами.

Тогда некий человек [2] появился перед Балам-Кице, Балам-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом, и [этот человек], который был посланником Шибальбы, сказал им так: «Поистине это ваш бог; он — ваша поддержка, он, кроме того, подобие вашей Создательницы и вашего Творца и должен напоминать вам о них. Не отдавайте вашего огня племенам, пока они не представят приношений Тохилю. Не необходимо, чтобы они дали что-нибудь вам [сейчас]. Вопросите самого Тохилья, что они должны дать, когда они придут, как цену за огонь», — сказал [человек] из Шибальбы. Он имел крылья, подобные крыльям летучей мыши.

«Я послан теми, кто вас сотворил, теми, кто вас создал», — сказал [человек] из Шибальбы.

Они тогда исполнились веселья, а Тохиль, Авилиш и Хакавиц были очень обрадованы в своих сердцах, когда человек из Шибальбы сказал это. И затем он мгновенно исчез из их глаз.

Но племена не погибли, они пришли, хотя и умирали от холода. Много было града, шел черный дождь, был туман и неопиcуемый холод.

И они подошли, каждое племя дрожало и ежилось от холода, когда они приблизились туда, где были Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Велика была опустошенность их сердец, их рты были крепко сжаты, а взоры потуплены.

Сразу же они, как нищие, появились перед Балам-Кице, Балам-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом и сказали:

— Неужели у вас нет сострадания к нам; ведь мы только просим немного от вашего огня? Разве мы не были [когда-то] вместе и объединенными? Разве мы не имели один и тот же дом и одну и ту же страну, когда вы были сотворены, когда вы были созданы? Имейте же тогда к нам милосердие! — сказали они.

— Что же вы дадите нам за то, чтобы мы над вами сжалились? — было спрошено у них.

— Хорошо! Мы дадим тогда вам серебро, — отвечали племена.

— Мы не хотим серебра! — сказали на это Балам-Кице и Балам-Акаб.

— А что же именно вы хотите? — [спросили племена].

— Это мы должны сперва узнать, — [сказали Балам-Кице и Балам-Акаб].

— Очень хорошо! — сказали племена.

— Мы спросим у Тохилья, и тогда мы ответим вам, — добавили [Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам].

После этого они задали Тохилью вопрос:

— Что должны дать племена, о Тохиль? Те, кто пришел к нам просить твоего огня? — так спросили Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

— Хорошо! Согласны они отдать то, что находится у них под грудью и под мышками? Желает ли их сердце обнять [3] меня, кто есмь Тохиль? Если они не хотят делать этого, то и я не отдам им огня, — отвечал Тохиль. — А вы скажите им, что это произойдет позднее. Со всем не теперь они будут обязаны [мне] тем, что находится у них под грудью и под мышками. Вот что Тохиль приказал передать вам, скажете вы.

Таков был ответ [Тохилья] Балам-Кице, Балам-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

Тогда они передали слова Тохия.

— Очень хорошо, мы принимаем это, и мы обнимем его, — сказали те [племена], когда они услышали и им были сказаны слова Тохия. И они не медлили с ответом.

— Хорошо, — сказали они, — мы согласны, но пусть это свершится вскоре! — И немедленно они получили огонь. Тогда они согрелись.

¹ Способ, которым Тохиль получает огонь, напоминает древнейшие способы получения человеком огня при помощи трения. (Ср. главу 1 «Родословной владык Тотоникапана».)

[Глава 6]

Тем не менее оказалось, что одно племя украло огонь из дыма; и были они из дома Цоциль. Бог какчикелей именовался Чамалькан, и он имел вид летучей мыши¹ [4].

Когда они проходили через дым, — а они прокрадывались через него очень тихо, — тогда они подошли и схватили огонь. Нет! Какчикели не просили об огне, потому что они не хотели отдаваться и быть побежденными.

А путь, который [избрали] другие племена, был путь побежденных, когда они отдали то, что находилось у них под грудью и под мышками, чтобы это расцвело. А это расцветание, о котором говорил Тохиль, означало, чтобы каждое племя было принесено перед ним в жертву, чтобы у них были вырваны сердца из груди, из-под мышек.

Но это еще не началось, когда Тохиль предрекал получение мощи и верховной власти [5] Балам-Кице, Балам-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

Там, в Тулан-Суйва, откуда они пришли, они привыкли воздерживаться от пищи, они непрерывно постились, пока они ожидали появления зари и бодрствовали, ожидая восхода солнца.

Они чередовались, сторожа великую звезду по имени Икоких², которая поднимается первой перед солнцем, когда занимается день, блестящую Икоких. Туда, на место солнечного восхода, постоянно были устремлены их взоры, еще тогда, когда они находились в месте, называемом Тулан-Суйва, откуда пришли их божества.

Не там, однако, они получили свою мощь и верховную власть, но только лишь здесь они подчинили и покорили большие племена и малые племена, когда они принесли их в жертву перед Тохилем и поднесли ему кровь, плоть, груди и подмышки всех людей.

Но уже в Тулане могущество внезапно пришло к ним; велика была свойственная им мудрость, когда они свершали свои деяния во мраке и в ночи.

Тогда они ушли оттуда, они отправились и оставили восток позади себя.

— Это не наш дом, отправимся и посмотрим, где мы будем селиться, — сказал [им] тогда Тохиль.

Поистине, он привык беседовать с Балам-Кице, Балам-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

— Воздайте же благодарность перед отправлением; совершите, что необходимо: проколите ваши уши, пронзите ваши локти и совершите ваши жертвоприношения; в этом будет ваша благодарность перед богом, — [сказал Тохиль].

— Очень хорошо! — сказали они и пустили кровь из своих ушей. И они плакали в своих песнях из-за своего отправления из Тулана; их сердца горевали, когда они уходили [оттуда], когда они навсегда оставляли Тулан.

— Увы нам! Мы не увидим здесь зари, когда поднимается солнце и озаряет лицо земли! — говорили они при уходе. Но они оставили нескольких [человек] по дороге; да, находились люди, которые хотели оставаться там и спать.

Каждое из племен продолжало бодрствовать, чтобы увидеть звезду, которая есть вестник солнца. Этот знак зари они несли в своих сердцах, когда они шли с востока, и с той же самой надеждой они покидали то место, которое было на большом отсюда расстоянии. Так говорится об этом теперь.

¹ Летучая мышь была тотемом какчикелей; глава их племени именовался «ах-по-социль» — «владыка — летучая мышь».

² Icoquih — буквально «обгоняющая солнце (звезда)» или «влекущая солнце за своей спиной». О культуре утренней звезды (т. е. планеты Венеры) у древних народов Центральной Америки интересные сведения приводит испанский хронист Б. Лас Касас (*Las Casas B. Apologética Historia de las Indias. Madrid, 1909. P. 459*).

[Глава 7]

Наконец они пришли на вершину горы, и там все люди киче и племена объединились. Там все они держали совет, чтобы совершить свои намерения. И теперь эта гора называется Чи-Пишаб¹, таково имя этой горы.

Там они объединились, и там они получили свои имена: «Я здесь, я — народ киче! А ты, ты из народа там, таково будет твое имя!» — было сказано людям там. А людям из народа илок было сказано: «Ты из илока, таково будет твое имя. И эти три [народа] киче никогда не исчезнут; наша судьба будет одной и той же», — сказали они, когда они давали себе свои имена.

Тогда же они дали имя и какчикелям: «какчекели» было их имя², а кроме того, рабиналь — это также было их именем, и оно не потеряно ими до сих пор. К этому же присоединились и люди из Цикинаха, как они называются еще и теперь. Вот имена, которые они дали друг другу.

И вот они сошлись на совет. Прежде всего они хотели ожидать зарю и сторожить появление звезды, которая восходит как раз перед солнцем, когда оно намеревается подняться. «Мы пришли оттуда, но мы были разделены», — говорили они друг другу.

И сердца их разрывала великая скорбь; они очень сильно страдали; они не имели пищи; они не имели чего-нибудь поесть; они только лишь нюхали концы своих посохов и благодаря этому воображали, что они едят; но они ничего не ели с тех пор, как пришли.

Не совсем ясно, однако, как они пересекли море; они пересекли его по этой стороне, как будто бы там и не было моря; они пересекли его по камням, помещенным в ряды на песке. По этой причине, в воспоминание, они были названы «камнями в ряд», «песок под морской водой» [6], — имена, данные [той местности, где] они [племена] пересекали море; воды разделились, когда они проходили.

И печаль разрывала их сердца, когда они говорили друг с другом, потому что у них не было ничего есть; они имели только глоток воды и пригоршню кукурузы.

Там собрались они тогда на вершине горы, называемой Чи-Пишаб. И они принесли с собой также и Тохия, Авилиша и Хакавица. Балам-Киде и его жена Каха-Палуна, таково было имя этой женщины, соблюдала строгий пост. То же самое делали и Балам-Акаб со своей женой, которая называлась Чомиха; и Махукутах и его жена по имени Цунуниха

также соблюдали строгий пост, и Ики-Балам со своей женой, которая называлась Какишаха, [поступали] таким же образом.

Вот кто были те, кто постился в мраке и в ночи. Велика была их печаль, когда они находились на горе, называемой теперь Чи-Пишаб. И их боги говорили с ними снова.

¹ P'ixab — «приказание, мольба, совет». В «Родословной владык Тоникапана» эта местность называется Чи-Киче (глава 1).

² Какчекели — буквально «происходящие от красного дерева». Возможна и другая этимология: «происходящие от огня».

[Глава 8]

Так сказали Тохиль, Авилиш и Хакавиц Балам-Киче, Балам-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу:

— Идите, поднимите нас, не оставляйте нас здесь. Нам нельзя оставаться здесь. Унесите нас в какое-нибудь потаенное место! Заря уже приближается. Разве не будет для вас бесчестьем, если мы будем захвачены в плен вашими врагами внутри этих стен, где мы находимся по вашему желанию, о владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений! Унесите тогда каждого из нас в безопасное место! — таковы были их слова, когда они говорили.

— Очень хорошо! Мы отправимся, мы пойдем искать [потаенное место] в лесах, — отвечали они все вместе.

Немедленно после этого они взяли [богов] и взвалили их на свои спины. И каждый взял принадлежащее ему божество. Таким образом они несли Авилиша к ущелью, называемому «Ущелье сокрытия», так они называли его, к большому ущелью в лесу, называемому теперь Павилиш, и там они его оставили. Он был оставлен в этом глубоком ущелье Балам-Акабом.

После того как был установлен в стороне первый по порядку [бог], они перенесли затем и Хакавица. Он был установлен на большой огненной горе [7]. Хакавиц называется теперь эта гора, на ней затем был основан их город. Итак, там находилось божество, называемое Хакавицем.

Таким же образом, [как и Балам-Акаб], Махукутах остался около своего божества, которое было вторым божеством, спрятанным ими.

Но Хакавиц находился не в лесу; на горе, лишенной растительности, был спрятан Хакавиц.

Тогда отправился Балам-Кице; он отправился туда, к огромному лесу; Балам-Кице отправился спрятать Тохилья на горе, которая теперь именуется Па-Тохиль. И они восхваляли укрытие в ущелье, убежище Тохилья. Большое количество змей и огромное число ягуаров, гремучих змей и ехидн¹ жило там, в этом лесу, где был спрятан владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений [Тохиль].

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам находились вместе; вместе ожидали они зари, там, на горе, называемой Хакавиц.

А на очень недалеком расстоянии находились боги людей тама и людей илока. Амак-Тан называлось [место], где находился бог людей тама, здесь началась для них заря. [Место, где] люди илока ожидали зарю, называлось Амак-Укинкат; там находился бог людей илока, он был на небольшом расстоянии от них, на горе.

Там [находились] также все люди Рабиналя, и какчикели, и люди из Цикинаха, все малые племена и большие племена. Да, они пребывали все вместе, неподвижные, ожидая наступления зари, совместно ожидая подъема большой звезды, называемой Икоких, которая поднимается как раз перед солнцем, когда наступает заря, согласно сказанию.

Вместе находились тогда там Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Не было для них сна, не было покоя, и велика была тоска их сердец и их желудков о наступлении зари, о наступлении дня. На их лицах было только уныние; огромная печаль и великая подавленность опустила на них; они были совершенно подавлены страданиями.

Они зашли так далеко. «О как плохо это, что мы пришли сюда! Если бы только мы могли увидеть восход солнца! Как это мы сделали, зачем отделились от подобных нам в наших горах?» — восклицали они и много беседовали друг с другом, полные печали, исполненные уныния, с громкими возгласами горести.

Так они говорили и никак не могли успокоить свои сердца, тосковавшие о наступлении зари.

«Боги сидят в ущельях и лесах, они находятся среди ползучих растений и мхов; у них нет даже сиденья из досок», — говорили они.

Первыми из [богов] были Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Велика была их слава, их сила и их могущество над богами всех [других] племен. Многочисленны были их чудеса и бесчисленны их средства и их пути; и поэтому их существование вызывало страх и ужас в сердцах племен.

Но Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам успокоили их желания. Они не чувствовали в своих сердцах страха перед богами, которых они получили и тащили на своих спинах, когда они шли туда из Тулан-Суйва, туда, где восходит солнце.

И вот находились они [боги] там, в лесу. Сакирибаль-Па-Тохиль, Па-Авилиш, Па-Хакавиц — так называется теперь эта [местность].

Там же наши праотцы и наши отцы стали владыками, и там засияла для них ранняя заря.

Теперь мы расскажем о наступлении зари и о появлении солнца, луны и звезд.

¹ На языке киче *canti* — ядовитая змея *Trigonocephalus specialis*.

[Глава 9]

Здесь [рассказывается о] заре и появлении солнца, луны и звезд.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были очень счастливы, когда они увидели утреннюю звезду. Она поднялась первая, с сияющим ликом появилась она перед солнцем, а оно следовало за ней.

Немедленно они развязали свои курения, которые они [доставили] с востока, надеясь в душе, что они смогут позже пригодиться. Тогда они раскрыли три [дара], которые они намеревались преподнести [в жертву] в знак благодарности своих сердец.

Курение, которое доставил Балам-Кице, называлось Маштан-Пом, курение, которое доставил Балам-Акаб, называлось Кавистан-Пом, а курение, которое доставил Махукутах, называлось Кабавиль-Пом. Таковы были три благовонные смолы, которые они имели. И они зажгли его, когда начали танцевать, обратясь лицом к востоку.

Они плакали от радости, когда они танцевали и сжигали свои благовония, драгоценные благовония. Потом они горевали, потому что они еще не видели и не созерцали восхода солнца.

И вот тогда взошло солнце.

Малые звери и большие звери были счастливы; они поднялись с берегов рек, в ущельях и на вершинах гор, и все поспешно обратили свои глаза туда, где вставало солнце. Тогда зарычали пума и ягуар. Но первой залилась песней птица, называвшаяся келецу. Воистину все звери

были счастливы; орел и белогрудый коршун, малые птицы и большие птицы распростерли свои крылья.

Они же, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, опустились на колени; велика была радость владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха и из Тухальха, Учабаха, Кибача, людей из Батена и йаки-тепеу, всех этих племен, которые существуют теперь. И сосчитать людей было невозможно. Свет зари упал на все племена в одно и то же время.

Сразу же поверхность земли была высушена солнцем. Солнце было подобно человеку, когда оно показалось, и его лик пылал, когда оно высушивало поверхность земли.

Перед тем как поднялось солнце, поверхность земли была влажной и илистой, ведь солнце тогда еще не взошло. Но затем солнце поднялось в первый раз и было подобно человеческому существу. И зной его был непереносимым, хотя оно только еще показалось в тот момент, когда оно было рождено. То, что осталось в настоящее время, — это только лишь отражение в зеркале. Конечно, это было не то самое солнце, которое мы видим [теперь]; так об этом говорится в их древних сказаниях¹.

Немедленно после [появления солнца] Тохиль, Авилиш и Хакавиц превратились в камень вместе с божественными существами пумой, ягуаром², гремучей змеей, ехидной и белыми чудовищами [8], находящимися среди древесных ветвей. Когда появились солнце, луна и звезды, все подобное превратилось в камень. И может быть, нас теперь не было бы в живых из-за этих хищных животных: пумы, ягуара, гремучей змеи, ехидны, а также белого чудовища; может быть, мы не могли бы наслаждаться теперь дневным светом, если бы эти первые животные не были превращены солнцем в камень.

Когда [солнце] поднялось, сердца Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама были наполнены радостью. Велика была их радость, когда наступила заря. И там, в этом месте, было немного людей; только лишь малое количество [их] находилось там, на горе Хакавиц.

Там пришла к ним заря, там они сожигали свои благовония и танцевали, обращая свои взгляды к востоку, откуда они пришли. Там находились их горы и их долины, откуда пришли Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, как они именовались.

Здесь, на горе, они умножились, и здесь возник их город; именно здесь находились они, когда появились солнце, луна и звезды, когда наступила заря и когда осветилось лицо земли и весь мир. Здесь же они начали свою песнь, которую они называли «наш голубь» [9]; они пели ее и выражали в этой песне скорбь своих сердец и свое самое сокровенное.

— Увы нам! Мы были уничтожены в Тулане, мы были разъединены, и там остались наши старшие и младшие братья. Да! Мы видели солнце! Но где теперь они, когда наступила заря? — так говорили они, [обращаясь] к владыкам страха перед богом, устроителям жертвоприношений из племени йаки.

— Ведь тот, кто называется Тохилем, является тем же самым богом йаки, и имя его — Йолькуат Кицалькуат.

— Мы получили его в Тулане, в Суйва, с ним оттуда мы вышли, и там был создан им наш род, когда мы вышли, — так говорили они друг другу.

И они живо вспоминали своих старших братьев и своих младших братьев, людей йаки, к которым заря пришла туда, в [страну], называемую теперь Мексикой. Кроме того, часть людей [10] осталась там, на востоке; они называются тепеу-олиман.

— Мы потеряли их навсегда, — говорили они.

Они чувствовали большую печаль в своих сердцах там, в Хакавице; огорчены также были и люди из тама и илока, которые также находились там в лесу, называемом Амак-Дан, где взошла заря для владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений тама, вместе со своим богом, который также звался Тохиль, потому что у трех ветвей народа киче было одно и то же имя бога. И такое же [имя] имел и бог людей Рабиналя, потому что мало разницы между [именем Тохиль] и именем Хун-Тох, как называется бог людей Рабиналя. Из-за этой причины — так говорится — они желали приравнять свое наречие к наречию киче.

Речь же какчикелей, однако, отлична от них, потому что имя их бога звучит по-иному еще с тех пор, как они пришли оттуда, из Тулан-Суйва. Цоциха-Чималькан было имя их бога; и по сей день они говорят на отличном [от киче] языке. И от их бога также произошли имена родов Ах-Поцоциль и Ах-Поша[хиль], как они называются.

Речь бога также изменилась с тех пор, как они получили своего бога там, в Тулане, около камня; их речь изменилась, когда они ушли из Тулана в темноту.

Они были все вместе, когда наступила для них заря, и засиял свет над всеми племенами, но имена божеств остались в каждой группе теми же самыми.

¹ В этой фразе отражено общее для всех древних народов Центральной Америки представление о том, что мир пережил несколько эпох, каждая из которых имела свое особое солнце. См.: *Вайян Дж. История ацтеков*. М., 1949. С. 53—54.

² Культ ягуара был очень распространен у индейских народов Центральной Америки. Многие божества имели облик ягуара. См.: *Covarrubias M. Mexico South, the Isthmus of Tehuantepec*. New York, 1947. P. 77—79. Об обычае индейцев при встрече с ягуаром каяться в совершенных грехах см.: *Jeronimo Roman y Zamora. Repúblicas de Indias, idolatrias y gobierno...* Madrid, 1897. P. 52, 208—210.

[Глава 10]

А теперь мы расскажем об их пребывании и промедлении там, на горе, где четверо, именуемые Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, находились вместе. Их сердца печалились по Тохилию, Авилишу и Хакавицу, которые по их вине все еще находились среди ползучих растений и мхов.

Мы расскажем теперь, как они решили совершать Тохилию жертвоприношения, когда они появились перед Тохилем и Авилишем. Они отправились посмотреть их, они отправились приветствовать их и воздать пред их лицами благодарность за наступление зари. [Боги] же блистали среди скал там, в лесных зарослях. И благодаря своему магическому искусству говорили они, когда владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений появились перед лицом Тохилия.

Они не принесли [с собою] больших даров или необычайных благоволий; только сосновую смолу, а также смолу, называемую «рачак-нох» [11], и траву по имени «йиа»¹ сожгли они перед своими богами.

Тогда Тохиль заговорил, благодаря чудодейственной силе; он сообщил владыкам страха перед богом и устроителям жертвоприношений предначертания богов. И вот что [боги] сказали:

— Поистине здесь будут наши горы и наши долины. И мы полностью принадлежим вам! Велика будет наша слава и судьба над всеми многочисленными людьми. Вашими же будут все отдавшиеся в [ваши] руки племена, потому что мы будем всегда с вами. Заботьтесь о вашем городе, а мы будем давать вам советы.

Не показывайте нас перед племенами, когда мы будем разгневаны словами, [идущими] из ртов их, или их поступками и доведением. И не давайте нам впасть в какую-нибудь западню. Приносите нам только создания лесов, создания пустынь, только самку оленя и самок птиц. Приходите и приносите нам немного вашей крови, имейте к нам жалость. Вы можете иметь шкуры оленей и оберегать нас от тех, чьи глаза вводят нас в заблуждение.

Итак, пусть [шкура] оленя будет нашим символом, который вы будете показывать перед племенами. Когда спросят у вас: «Где Тохиль?» — покажите оленью шкуру перед их глазами. И не показывайтесь [им] сами, потому что вы будете иметь другое, что делать. Велико будет ваше положение; вы будете главенствовать над всеми племенами; вы принесете их кровь и их сущность пред наши лица. Они должны прийти к нам, принадлежать полностью нам, обнять нас! — Так говорили Тохиль, Авилиш и Хакавиц.

Они [боги] имели внешность юношей, когда те, кто явился возжечь пред их лицами курения, увидели их. Тогда началось преследование птенцов всех птиц и молодых оленей, и владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений устроили поиски. И когда они находили птенцов и молодых оленей, они сразу же отправлялись намазать оленьей и птичьей кровью рты камней, Тохиль и Авилиша.

И как только кровь была выпита богами, камни начинали говорить, когда приближались владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, когда они приближались, чтобы поднести свои воскурения. То же самое они делали и перед их [богов] символами, сожигая травы йиа и холм-окош.

Символы² каждого из [божеств] находились там, где они были помещены, на вершине горы.

Но они сами [Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам] не жили днем в своих домах, а бродили по горам и питались только лишь личинками слепней, личинками ос и личинками пчел, за которыми они охотились. Не было у них ни хорошей еды, ни хорошего питья. Не были известны дороги к их домам, и никто не знал, где находятся их жены.

¹ Вероятно, *Tagetes schiedeana* Lessing или *T. filifolia* Lagasca, дикий анис (*Standley P.* у *Calderón S.* Op. cit. P. 227).

² Имеются в виду те олени шкуры, которые Балам-Киче и его братья должны были показывать при вопросе «Где же Тохиль?».

[1] В подлиннике: *Samul samo, oxtul samo!* — «Двойная благодарность, тройная благодарность!».

[2] В тексте киче после этих слов (*hup vinas*) стоят (очевидно, добавленные Хименесом) слова по-латыни: *demonium loquens eis* «демон, говорящий им». Брассер де Бурбур в своем издании текста (*Popol Vuh.* P. 220) их не приводит; имелись ли они в его списке «Пополь-Вух», неизвестно.

[3] В подлиннике слово *caluh* «обнять, отжаться, пожертвовать собой». На двойном смысле этого слова и построена вся сущность договора. Предводители киче говорят о жертвоприношении, а представители племен понимают слово *caluh* в его первом значении. Подобная же метафора употреблялась и у астеков: о женщине, предназначенной в жертву, говорилось, что «повелитель обнимет ее» (*Seler Ed. Einige Kapitel aus dem Geschichtwerk Sahagun's.* Stuttgart, 1927. S. 175). Ср.: *Holtker G. Einige Metaphern im Aztekischen usw. // Anthropos.* Bd. 27. 1932. S. 257.

[4] В настоящее время какчикели обозначают словом *chamalcan* змею больших размеров (*Recinos A. Popol Vuh.* P. 180).

[5] В подлиннике слова *gagal, tereual*. Последнее слово заимствовано из языка нахуа.

[6] В подлиннике *bocotahinac zanaieb* — буквально «разрытый (волнами) песок».

[7] В подлиннике вместо слова *huiub* «гора» употреблено слово *hacacha*; Брассер де Бурбур (*Popol Vuh.* P. 235) переводит это сочетание как «пирамида», что в данном контексте лишено смысла. Хименес (*Scherzer C. Las historias der origen de los Indios de esta provincia de Guatemala.* Wien, 1857. P. 94) переводит «*rio grande llamado agua colorada*» — «большая река, называемая „цветная вода“»; на чем основывается этот его перевод, мне непонятно. Ср.: *Schultze Jena L. Popol Vuh.* S. 220.

[8] Белое чудовище — *zaqui sohol*; в анонимном словаре киче *sohol* переводится как «чудовище, бродящее в горах, домовый» (цит. по: *Schultze Jena L. Popol Vuh.* S. 229).

[9] Наш голубь — *самуси*. Следуем толкованию А. Ресиноса (*Popol Vuh*. P. 189), рассматривающего это слово как производное от майяского тисуу «голубь». Следует отметить, что в тексте киче первая буква и написана несколько бегло и может быть принята за букву *a*, но параллельный испанский текст Хименеса дает вполне отчетливо: *самуси*. При втором упоминании (часть IV, глава 5) в тексте киче стоит *самасу*, а в испанском *gamaqu*. Брассер де Бурбур пишет в первый раз *катуси*, во второй раз *qатасу* (*Popol Vuh*. P. 224, 286) и дает крайне спорный перевод: «мы видим». Л. Шульце-Иена оба раза оставляет название этой песни непереведенным (*Popol Vuh*. S. 123: *самуси*; S. 143: *самасу*).

[10] В подлиннике слова *shahcaq vinas* (ср. часть IV, глава 2 и часть IV, глава 4). Первоначальное значение этого словосочетания непонятно, так как *shah* означает «многосторонний», «многозначный», а *caq* — «рыба». Хименес переводит «*parte de la gente*» Л. Шульце-Иена, отметив трудность этимологии, переводит «*etliche Leute*» — «некоторые люди», но не дает никакого объяснения или обоснования.

[11] Слова *gachas poh* означают буквально «экскременты гусениц». Являются ли эти слова обозначением какого-то вида благовонных смол, как утверждает Хименес, а за ним и Брассер де Бурбур, мне не известно. Л. Шульце-Иена (*Popol Vuh*. S. 125) переводит «*Raupenkot*» — «экскременты гусениц».

[Глава 1]

И вот уже основывались поселения, одно за другим, и различные ветви племен общались друг с другом; они ходили и путешествовали по дорогам, и их дороги были отчетливо видны.

Что же до Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, то совершенно не было известно, где они находятся. Но когда они видели племена, проходившие по дорогам, они сразу же начинали кричать на вершинах гор. Они то завывали подобно койоту, визжали подобно горной кошке, то подражали рычанию пумы и ягуара. Вот что они делали.

И племена слышали это, проходя то туда, то оттуда, и говорили: «Их вопли подобны воплям койота, горной кошки, пумы и ягуара. Они хотят появиться перед племенами, как будто бы они не люди, и делают они это только лишь для того, чтобы обмануть нас, людей. Их сердца втайне жаждут чего-то. Конечно, они не пугают нас тем, что они делают. Они преследуют какую-то цель этим рычанием пумы, этим криком ягуара, который они издают, когда видят одного или двух человек, идущих по дороге. Покончить с нами — вот что хотят они».

День за днем [предводители народа киче] возвращались к своим домам и своим женщинам, но они приносили только личинки шмелей, личинки ос и личинки пчел, чтобы отдать их своим женам.

День за днем также они появлялись перед лицами Тохилия, Авилиша и Хакавица и говорили в своих сердцах: «Вот здесь находятся Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Мы можем принести им только лишь кровь оленей и птиц; мы берем кровь только из наших ушей и наших локтей. Попросим

же у Тохилия, Авилиша, Хакавица силы и мощи. Кто сможет проследить что-нибудь, когда начнут умирать племена, когда мы начнем убивать людей, одного за другим?» — говорили они один другому, когда появлялись перед лицами Тохилия, Авилиша и Хакавица.

И затем они пронзали свои уши и свои локти перед божествами; они собирали свою кровь, наполняли ею сосуд и прикладывали его к устам камней.

Но в действительности они были уже не камни; каждый из них выглядел подобно юноше, когда появлялся перед [предводителями киче].

И вот владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений радовались по причине жертвенной крови. И тогда им был дан знак: как они должны действовать.

— Пусть иссякнут их [жертв] слезы [1]! Ничего другого не остается вам [делать]. Оттуда, из Тулана, пришло это ¹, когда вы взяли нас с собой! — так было сказано им.

И одновременно с этим была вручена им кожа, называемая Пасилисиб, вместе с кровью, которой они должны были себя окропить. Да, появившаяся кровь была подарком от Тохилия, Авилиша и Хакавица.

¹ Эти слова божеств указывают в туманной форме на человеческие жертвоприношения. По содержанию следующих глав «Пополь-Вух», говорящих о похищении людей из племен вук-амак, можно предполагать, что до появления тольтекских предводителей человеческие жертвоприношения божествам в этой части Гватемалы не практиковались. Вожди киче, следуя указаниям Тохилия, Авилиша и Хакавица, вводят обычай человеческих жертвоприношений, усвоенный ими в Тулане.

[Глава 2]

Вот как было это осуществлено и как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам начали похищать людей из племен [вук-амак]. Вот как они умерщвляли этих людей.

Они схватывали человека, когда он шел один, или двух, когда они шли вместе, и никогда не было известно, когда они похищены. И тогда они [предводители киче] отправлялись и приносили их в жертву перед Тохилем и Авилишем. После этого они кропили на дороге кровью и разбрасывали

головы [убитых] по отдельности на дороге. И люди из племен [вук-амак] говорили: «Ягуар пожрал их!» И они говорили так потому, что [Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам] оставляли следы, похожие на отпечатки лап ягуара, а сами они не показывались.

Уже много было людей, утащенных таким образом, но племена поняли все это только очень поздно. «Как? Может быть, это Тохиль и Авилиш, которые находятся здесь, среди нас? Это должны быть те, о ком заботятся владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Где же находятся их дома? Давайте выследим их по их следам!» — говорили люди всех племен.

Тогда они устроили между собою совет. Тогда они начали выслеживать отпечатки ног владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, но они были неясны. Там были только следы оленей, только следы ягуаров, вот что они видели, но следы были неотчетливые. Первые следы были неясны из-за того, что они были обращены в разные стороны, так, [как бывает], когда люди ходят, заблудившись, и путь их был неясен. Образовался туман, выпал черный дождь, и образовалось много грязи. Начало моросить. Вот что люди увидели перед собою. И их сердца стали усталыми от поисков и преследования тех [на дорогах] [2], потому что велики были существа Тохилия, Авилиша и Хакавица. А [предводители киче] удалились туда, на вершины гор, и расположились поблизости от тех племен, людей которых они убили.

Так началось похищение тех, кто служил жертвой, когда устроители жертвоприношений ловили на всех дорогах людей из племен и приносили их в жертву перед Тохилем, Авилишем и Хакавицем; но своих собственных сыновей они поместили на вершине горы, в безопасном месте.

И вот Тохиль, Авилиш и Хакавиц имели внешность трех юношей и ходили благодаря чудодейственным свойствам камня. Была там река, в которой они купались у берега воды, и только там можно было видеть их. По этой причине это [место] было названо «Купальное место Тохилия» и таким же было название реки. Люди из племен много раз видели их, но они немедленно исчезали, как только были увидены людьми.

И тогда распространилась весть о том, где находятся Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И сразу же племена устроили совет относительно того, каким образом [предводители киче] могут быть убиты.

Прежде всего племена хотели обсудить, каким образом подчинить себе Тохилья, Авилиша и Хакавица. И все владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, стоявшие во главе племен, сказали народу:

— Поднимитесь, все вы, призовите каждого, пусть не будет ни одной семьи, ни двух семей среди нас, которые бы остались позади других.

Все собрались, они собрались все в большом числе и совещались друг с другом. И они говорили, спрашивая один другого:

— Что должны мы сделать, чтобы победить киче [из дома] Кавека? Потому что все наши знатные и сыновья умерщвляются, совершенно неизвестно, каким образом из-за них [предводителей киче] исчезают люди. Если мы должны погибнуть по причине этих похищений, то да будет так! Если же могущество Тохилья, Авилиша и Хакавица так велико, тогда пусть нашим богом будет этот Тохиль, овладейте им! Невозможно, чтобы они победили нас. Разве не достаточно еще людей среди нас? А ведь люди Кавека не многочисленны, — так говорили они, когда собрались все вместе.

И тогда часть людей сказала, [обратившись] к племенам:

— Кто видел тех, кто купается в реке каждый день? Если они — Тохиль, Авилиш и Хакавиц, тогда сперва мы должны подчинить своей власти их, а затем мы начнем уничтожать владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений.

Тогда часть людей заговорила снова и спросила:

— Но чем же мы сможем подчинить их [богов] своей власти?

— Вот каков будет наш способ действий, чтобы стать их владыками. Так как они имеют внешность юношей, когда они появляются и когда их можно видеть в воде, пусть тогда две девушки, самые прекрасные и пленительные, пойдут [туда] и возбудят в них желание [овладеть] ими¹, — сказали они.

— Очень хорошо! Пойдемте же и отыщем двух прекрасных девушек! — воскликнули они и отправились отыскивать таковых среди своих дочерей. И поистине ослепительными были [выбранные] девушки.

Затем они начали давать [девушкам] наставления:

— Идите, наши дочери, поспешно идите стирать одежды у реки, и если вы увидите трех юношей, то предстаньте перед ними обнаженными. А если их сердца пожелают вас, то пусть они овладеют вами. Если же они скажут вам: «Можем ли мы подойти к вам поближе?» — тогда

отвечайте им: «Да будет так!» И когда вас спросят: «Откуда вы пришли, чьи вы дочери?» — если они это спросят, [то отвечайте им]: «Мы дочери владык». И затем вы скажите им: «Дайте нам что-нибудь как знак любви от вас». И после того как они дадут вам что-нибудь, если они захотят поцеловать ваши лица, [тогда] по-настоящему отдайтесь им. А если вы не отдадитесь им, мы вас уьем. Сердца наши будут удовлетворены лишь тогда, если вы получите [от них] знак любви и принесете его сюда. Это и будет доказательством для нас, что они действительно соединились с вами.

Так говорили владыки, когда они отдавали свои приказания двум девушкам. Вот имена этих девушек: Штах было имя одной из девушек, а другой — было Шпуч. И две девушки, Штах и Шпуч, так они именовались, были посланы к реке, к месту купания Тохия, Авилиша и Хакавица. Вот что было решено всеми племенами.

Они отправились сразу же украшать себя, чтобы выглядеть действительно пленительными. И они были поистине прелестны, когда они пошли туда, где имел обыкновение купаться Тохиль. И когда они отправились, владыки были счастливы, потому что они послали двух своих дочерей.

И они подошли к реке и начали купаться. Эти две уже сняли прочь свои одежды и трудились со своей работой над камнями², когда пришли Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Они подошли туда, к речному берегу, и остановились на мгновение, удивленные тем, что видят двух купающихся молодых девушек. А девушки смутились в то мгновение, когда появился Тохиль. Но не случилось так, чтобы у Тохия появилось бы желание к двум девушкам. И тогда он спросил их:

— Откуда вы пришли?

Так спросил он обеих девушек и добавил:

— Что вы хотите, раз вы пришли сюда, к краю нашей воды?

А они ответили:

— Владыки послали нас, чтобы прийти сюда. «Пойдите, посмотрите на лица Тохия, [Авилиша и Хакавица] и заговорите с ними, — сказали нам владыки, — и соответственно принесите доказательство, что вы действительно видели их лица», — говорили они нам. — Так сказали девушки, выдавая цель их прихода.

Итак, племена хотели, чтобы эти две девушки занялись бы распутством и уничтожили волшебную силу Тохия. Но Тохиль, Авилиш и Хакавиц сказали, обращаясь снова к Штах и Шпуч, как звали девушек:

— Очень хорошо, мы дадим вам доказательство нашего разговора с вами. Подождите немного, и вы отдадите тогда его владыкам. — Так было сказано им.

Затем [боги] призвали на совет владык страха перед богом и устройств жертвоприношений и сказали Балам-Кице, Балам-Акабу, Махукутуаху и Ики-Баламу:

— Раскрасьте хорошенько три покрывала, нарисуйте на них символ вашего существа, чтобы племена могли узнать их, когда эти девушки, пришедшие мыться, отнесут их назад. Дайте им эти плащи. — Так было приказано Балам-Кице, Балам-Акабу и Махукутуаху.

Сразу же эти трое начали рисовать. Сперва Балам-Кице нарисовал ягуара; фигура [зверя] была сделана и изображена на поверхности покрывала. Затем Балам-Акаб нарисовал фигуры орлов на поверхности [другого] покрывала, а Махукутах наконец изобразил шмелей и ос на всех сторонах [третьей ткани]; фигуры и рисунки их он изобразил на поверхности покрывала. И трое кончили свои рисунки; три куска складчатой ткани были разрисованы.

Тогда они отправились отдать покрывала Штах и Шпуч, как эти [девушки] именовались. И Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах сказали им:

— Вот вам доказательство вашего разговора [с Тохилем], покажите их перед лицом владык. Скажите им: «Воистину Тохиль говорил с нами; вот здесь мы принесли доказательство». Так скажите им, и пусть они заботливо хранят те одеяния, которые вы дадите им.

Так говорили они девушкам, когда прощались с ними. Девушки же сразу отправились, неся [с собой] те раскрашенные плащи, о которых говорилось выше, и вернулись домой.

Когда они прибыли, владыки исполнились радости, увидев их лица и их руки, с которых свисали те [вещи], за которыми девушки были посланы.

— Вы видели лицо Тохилья? — спросили они их.

— Да, конечно, мы видели его, — ответили Штах и Шпуч.

— Очень хорошо! А это вы принесли как доказательство, не так ли? — спросили владыки, думая, что эти [вещи] были доказательством их прегрешения.

Тогда девушки развернули расписанные покрывала, все покрытые яркими [изображениями] орлов и ягуаров, покрытые шмелями и осами, нарисованными на поверхности ткани; и покрывала сверкали перед ними.

Сразу же [владыки] почувствовали желание надеть на себя покрывала, набросить их на свои плечи.

Ягуар не сделал ничего, когда владыка набросил первое изображение на свои плечи. Затем владыка надел на себя второе покрывало с изображением орла. Владыка, закутанный в него, чувствовал себя очень хорошо. И он повертывался во все стороны перед взглядами всех [собравшихся]. Тогда он разделся перед глазами всех догола и надел третье разрисованное покрывало. И как только он надел на свои плечи шмелей и ос, которые были нарисованы на третьем покрывале, то мгновенно шмели и осы начали жалить его тело. И, не будучи в состоянии сдержаться, переносить жала этих насекомых, он начал вопить из-за насекомых. А [только лишь] их фигуры были изображены на ткани, [только] рисунок Махукутаха, третьего рисовавшего.

Так они были побеждены. Тогда владыки стали упрекать двух девушек по имени Штах и Шпуч.

— Что же это за ткани, которые вы принесли нам? Откуда вы их принесли, вы, злодейки? — говорили они девушкам и ругали их. Так все племена были посрамлены Тохилем.

Итак, они желали, чтобы Тохиль отправился бы за Штах и Шпуч, чтобы его желание было удовлетворено и чтобы [девушки] стали блудницами. Племена думали, что они послужат к соблазнению их [богов]. Но победить их [богов] было невозможно, благодаря чудодейственным людям: Балам-Кице, Балам-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

¹ В этом месте «Пополь-Вух» ясно выражено древнее представление, широко распространенное в мифологиях народов Старого Света (см.: *Fehrle E. Die kultische Keuschheit im Altertum // Religionsgeschichtliche Versuchen und Vorarbeiten. Bd. VI. Giessen, 1910; см. также: Archiv für Religionswissenschaft. Bd. XII. S. 577; Bd. XIII. S. 156*), что божество имеет силу, только оставаясь девственным. При нарушении целомудрия бог теряет свою мощь и способность сопротивляться. Наиболее известный пример подобной мифологемы — Самсон и Далила в Библии. Здесь племена надеются, что после того, как боги овладеют девушками, они потеряют свою силу и их удастся легко пленить.

² Девушки делали вид, что они собираются стирать свою одежду.

[Глава 3]

После этого племена снова устроили совет.

— Что же мы будем делать с ними? Поистине, их могущество очень велико, — сказали они, когда собрались снова на совет.

— Хорошо, тогда мы просто устроим для них засаду, мы убьем их, мы вооружимся стрелами и щитами. Разве мы не многочисленны? Пусть среди нас не будет ни одного, ни двух, кто остался бы позади! — так говорили они, когда они устроили совет. И каждое племя без промедления вооружилось. Много было воинов, когда собрались вместе все воины от каждого племени.

А между тем Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были там, они находились на вершине горы Хакавиц, на горе, носившей это имя [3]. Они находились там и поместили в безопасности своих сыновей, которые были на горе.

И они не имели при себе много [людей]; у них не было такого множества, как у племен. Вершина горы, где они поместились, была малой, и поэтому, когда племена собрались вместе, устроили совет и созвали всех, они решили убить всех [находившихся на вершине].

И вот тогда собрались все племена, все вооруженные своими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно было описать богатство их украшений; поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов; и все они неукоснительно повиновались приказаниям.

— Нет сомнения, что они будут разгромлены! — говорили они друг другу. — Что же касается Тохия, этого божества, то он будет нашим богом, и мы будем почитать его, если захватим его в плен.

Но Тохиль знал все, и всё знали Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах. Они слышали все, что было решено [врагами], потому что они не спали и не отдыхали с того времени, как были вооружены все стрелки из лука.

Тогда все воины поднялись и отправились в путь, намереваясь проникнуть [в горную крепость] ночью. Но они не прибыли [туда], потому что они провели всю ночь в пути и были одурачены Балам-Кице, Балам-Акабом и Махукутахом.

Они провели всю ночь в пути, но не заметили сами ничего и наконец все заснули. Тогда [Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах] начали срезать у них брови и бороды; они сняли серебряные [украшения] с их шей, их диадемы и ожерелья. И они содрали серебряную обкладку с концов

их начальнических жезлов. Они сделали так, чтобы наказать их и унижить их, чтобы дать им пример могущества народа киче.

Когда [воины] пробудились, они тотчас пожелали взять свои диадемы и свои жезлы, но не было более ни серебра на их шеях, ни их диадем.

— Кто же это ограбил нас? Кто отстриг у нас бороды? Откуда пришли те, кто ограбил нас и унес все серебро? — восклицали все воины. — Может быть, это те чудовища, которые похищают людей? Но им не удастся устроить нас! Мы войдем в их город силой, только таким образом мы сможем снова увидеть лик нашего серебра, мы это так и сделаем! — говорили все племена, и они воистину собирались выполнить свое слово.

Но спокойны были сердца владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, находившихся на вершине горы, поистине глубоко обдумали и обсудили все Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И после того как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам поговорили друг с другом, они построили стену вокруг своего поселения и окружили поселение срубленными деревьями и колючим кустарником. Затем они изготовили фигуры, выглядевшие как люди¹, благодаря их искусству, и поместили их рядами по стенам крепости, они вооружили их щитами и стрелами и украсили их, поместив на их головы серебряные диадемы. Они поместили эти венцы на простые деревянные фигуры, они украсили их серебряными украшениями, отнятыми у племен на дороге; при помощи этих [вещей] они украсили фигуры.

Они вырыли ров вокруг города и затем спросили Тохия, намереваясь получить от него совет:

— Убьют ли они нас? Победят ли они нас? — так спросили их сердца пред лицом Тохия.

— Не печальтесь! Я здесь! И от этого вам будет польза. Не будьте испуганы! — сказал Тохиль Балам-Кице, Балам-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

И им были предоставлены шмели и осы. Вот за чем они отправились и принесли их туда. И когда они пришли, они поместили их в четыре большие тыквы, которые разместили на стенах поселения. Они закрыли шмелей и ос внутри тыкв, чтобы поражать с их помощью людей.

Разведчики племен внимательно осмотрели поселение издали, изучили и расследовали его. «Они вовсе не так многочисленны», — сказали они. Но [разведчики] видели лишь деревянные фигуры, слегка двигавшие

своими стрелами и щитами. Поистине у них была человеческая внешность, поистине у них была внешность воинов, когда племена смотрели на них. И все племена были счастливы, потому что они видели их немногочисленность.

Там сошлось много племен; невозможно было сосчитать людей, воинов и приносящих смерть, приготовившихся убить Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха. А эти находились на вершине горы Хакавиц — имя той местности, где они жили. Теперь мы расскажем, как это происходило, об их прибытии туда.

¹ Ср. описание несохранившегося главного здания в юкатанском городе Исамаль, данное в «Сообщениях из Юкатана»: «Здание было повернуто на север и имело сверху три толстых стены вроде башен большой высоты. Самая большая из них была на южной стороне, а две другие, не столь большие, на восточной и западной сторонах. На этих башнях были сделаны из смеси извести с песком фигуры вооруженных гигантов с щитами и шлемами» (цит. по Ю. Кнорозову: *Ланда Диэго де. Сообщение о делах в Юкатане*. М.; Л., 1955. С. 246).

[Глава 4]

Итак, они были там, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были все вместе на горе, со своими женами и их детьми, когда пришли все воины и приносящие смерть. И число их не измерялось ни дважды восемью тысячами, ни трижды восемью тысячами человек, а значительно больше¹.

Они окружили стены поселения, громко крича, вооруженные стрелами и щитами. И они били в барабаны, издавали боевые кличи, свистели, кричали, их стрелы свистели, и они вопили раскрытыми ртами, побуждая [осажденных] сражаться, когда они подошли к поселению.

Но владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений не были испуганы; они лишь внимательно смотрели на них с верхнего края стены, где они находились вместе со своими женами и детьми. Их сердца были совершенно спокойны. Они не думали о силе и криках племен, когда те поднимались по склону горы.

И только они намеревались броситься к входу в поселение, как четыре тыквы, помещенные на [стенах] города, были открыты. Шмели

и осы вылетели оттуда; подобно большому облаку дыма было то, что появилось из тыкв. И воины тотчас же погибали, потому что насекомые жалили зрачки их глаз и прилипали к их носам и их ртам, к их ногам и их рукам. «Где они, — [восклицали ужаленные], — те, кто взял и собрал вместе всех шмелей и ос, находящихся здесь?»

Они летели и жалили зрачки их глаз, эти взбешенные насекомые, жужжавшие роями над каждым из этих людей; и они были все ошеломлены шмелями и осаами и не могли уже больше удерживать свои стрелы и свои щиты. И [оружие] лежало поломанным на земле.

Когда [воины] падали, они распростирались по горному склону и уже не чувствовали, что их поражают стрелами, что их убивают топорами. Балам-Кице и Балам-Акаб били [их] потом просто палками. И жены их также приняли участие в этом избиении. Только часть [из побежденных] людей возвратилась назад, и все племена начали бегство. Но первых пойманных подвергали смерти; и в действительности умерло немало людей. И те, кто умерли, умерли не потому, что сердца [предводителей киче] жаждали убийства, а потому, что они были ужалены насекомыми. И не было это делом доблести, потому что воины были убиты не стрелами или щитами.

И тогда все племена подчинились. Люди смирились перед Балам-Кице, Балам-Акабом и Махукутахом.

— Сжальтесь над нами, не убивайте нас! — восклицали они.

— Хорошо! Хотя вы и заслуживаете смерти, вы [не умрете], вы станете [нашими] данниками и будете ими, пока движется солнце, пока есть свет! — так было сказано им.

Вот таким способом все племена были побеждены нашими матерями и отцами. И это случилось там, на вершине горы Хакавиц, как она называется еще и теперь. Это было там, где они впервые поселились, где они умножились и возросли в численности, где они породили своих дочерей и дали жизнь своим сыновьям, на горе Хакавиц.

И тогда они были очень счастливы, когда победили все племена, которых они истребили там, на горной вершине. Так они довели до конца подчинение племен, покорение всех племен. И после этого их сердца успокоились. И они сказали своим сыновьям, что когда [племена] собирались убить их, час их собственной смерти уже приближался.

А теперь мы расскажем о смерти Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, как они назывались.

¹ Подобное же сравнение можно найти и в «Летописи какчикелей»: *maqui xa hu chuyu, sa chuyu xre, xul sa chi atag* — «и пришло не восемь тысяч и не дважды восемь тысяч, пришел весь народ». Употребленное в тексте «Пополь-Вух» слово *chuyu* значит буквально «мешок, в котором хранились бобы какао»; обычно он вмещал ровно восемь тысяч бобов; отсюда и употребление этого слова как счетной единицы. У астеков такой мешок носил название *xiquiril*.

[Глава 5]

И когда у них появилось предчувствие своей смерти, своего ухода, они поучали своих детей. Они вовсе не были больны, они не испытывали ни страдания, ни предсмертных мук, когда давали свои наставления своим детям.

Вот имена их сыновей: Балам-Кице имел двух сыновей, Кокаиб было имя первого и Кокавиб было имя второго сына Балам-Кице, предка и праотца людей Кавека.

А вот имена двух [сыновей], которых породил Балам-Акаб, здесь их имена: Коакуль звался первый из его сыновей, и Коакутек было имя второго сына Балам-Акаба, прародителя людей Нихаиба.

Махукутах же имел только одного сына, который назывался Коахау.

Эти три имели сыновей, но Ики-Балам не имел детей. Они в действительности были владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений, и таковы были имена их сыновей.

И вот как они попрощались [со своими сыновьями]. Эти четыре сошлись вместе и начали петь, чувствуя горечь в своих сердцах. И их сердца плакали, когда они пели «Камаку», как называется та песнь, которую они пели, прощаясь со своими сыновьями.

— О наши сыны! Мы уходим отсюда, мы уходим далеко, здоровое поучение и мудрый последний совет оставляем мы вам. И вы, кто пришел с нами из нашей далекой страны, о супруги наши! — говорили они своим женам и прощались с каждой. — Мы отправляемся назад к нашему народу, уже находится на месте Владыка оленей, он виден там, в небе. Мы начинаем наше возвращение, мы выполнили свою задачу, кончаются наши дни. Думайте же о нас, не стирайте нас из своей памяти и не забывайте нас! Вы увидите еще свои дома и свои горы. Поселитесь там. Да будет так! Идите своим путем; вы увидите снова ту страну, откуда мы пришли!

Вот какие слова говорили они, когда прощались. И тогда Балам-Кице оставил символ своего сущства:

— Вот воспоминание обо мне, которое я оставляю здесь для вас. Это будет вашей мощью. Я прощаюсь, исполненный печали, — добавил он.

И он оставил как символ своего сущства Писом-Какаль¹, как он был назван. Нельзя было различить, что он представляет собой, потому что он был полностью закутан и не мог быть раскрыт. У него не было видно швов, потому что никто не видел, как они закутывали этот [символ].

Вот так они прощались и немедленно после этого исчезли там, на вершине горы Хакавиц.

Они не были похоронены их женами или их детьми, потому что не было видно, когда они исчезли. Было ясно видно лишь их прощание, и поэтому Писом был очень дорог [их сыновьям]. Это было напоминание об их отцах, и они тотчас же зажгли курения перед этим напоминанием об их отцах.

И тогда владыки, последовавшие за Балам-Кице, породили новые [поколения] людей, после того как он положил начало как предок и праотец людей Кавека. И никогда его не забывали его сыновья, те, кто звались Кокаиб и Кокавиб.

Вот как умерли четверо, наши первые предки и праотцы; вот как они исчезли, оставив своих детей на горе Хакавиц, там, на вершине, где они находились.

Племена были уже подчинены, и их величие кончилось. Никто из них² не имел уже более могущества, и все они уже привыкли служить каждый день.

Те же [владыки киче] помнили почтительно своих отцов, и велика для них была слава Писома. Никогда они не могли раскутать его, он всегда был плотно закутан и всегда оставался с ними. «Узел величия» — называли они его, когда они восхваляли и именовали то, что их отцы оставили для их благоденствия, как действительный символ своего сущства.

Таково было исчезновение и конец Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама. Они были первыми людьми, пришедшими туда с другой стороны моря, где поднимается солнце. Они пробыли здесь долгое время; когда они умерли, они были уже очень старыми, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, как они назывались.

¹ *Pizom-gagal* — буквально «закутанная сила, закутанное величие». Можно полагать, что эти таинственные символы представляли собой не что иное, как мумифицированные трупы прародителей, завернутые в ткани. Не случайно выше Балам-Кице говорит, что он составляет символ своего существа. Параллельный этнографический материал других народов Древней Америки показывает, что мумии прежних правителей обладали, по индейским представлениям, могучей магической силой. Их выносили, например, перед сражением, чтобы они сокрушили силу врага.

² Подразумеваются покоренные племена.

[Глава 6]

Тогда [преемники Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха] решили идти на восток, думая таким образом исполнить приказание своих отцов, они не забыли его. Прошло уже много времени с тех пор, как отцы их умерли, и племена дали им жен, а потому они приобрели вторых отцов и братьев — отцов и братьев их жен, — когда они все трое взяли себе жен.

И, отправляясь в это странствование, они говорили: «Мы идем на восток, туда, откуда пришли наши отцы». Так сказали трое, рожденные как сыновья, когда они отправились в путешествие. Один носил имя Кокаиб, и он был сыном Балам-Кице, прародителя людей Кавека. Другой, именовавшийся Коакутек, был сыном Балам-Акаба, прародителя людей Нихаиб. И Коахау было именем третьего, единственного сына Махукутаха, прародителя людей Ахау-Киче.

Итак, вот имена тех, кто ушел туда, на ту сторону моря; трое их отправилось в путь, и они были наделены разумом и опытностью, но их сущность не была сущностью обычных людей. Они простились со всеми своими братьями и родственниками и, исполненные радости, отправились. «Мы не умрем, мы возвратимся», — сказали трое, отправляясь в путь.

И вот действительно пересекли они море и пришли туда, на восток, куда они отправились, чтобы получить знаки правления. И вот каково было название у владыки, к которому они пришли: «Повелитель мужей Востока». И когда они появились перед лицом владыки Накшита¹ — такое имя было у великого владыки, единственного высшего судьи

среди всех правителей, — он дал им знаки правления и все отличительные символы. Тогда появились знаки достоинства ах-попа и ах-попа-камха, и тогда пришли знаки величия и власти ах-попа и ах-попа-камха. Полностью Накшит дал им знаки отличия владык, и вот все они, перечисленные по их названиям: балдахин, трон, флейты, сделанные из костей, барабаны, желтые бусы, когти, когти пумы, голова ягуара, ноги оленей, помост, ожерелья из раковин, табак, маленькие тыквы, перья попугая, перья белой цапли для головных уборов, татам и кашеон [4]. Все перечисленное они принесли [в свой город] — те, кто после пребывания на той стороне моря получил [знание] картин Тулана [5], картин — так они назывались, — которыми они писали все то, что содержалось в их истории².

Тогда, после того как они прибыли в свой город, называвшийся Хакавиц, все люди тама и илока собрались там; все племена собрались сюда и были преисполнены радости, когда Кокаиб, Коакутек и Коахау прибыли и снова взяли на себя управление племенами.

Радовались люди Рабиналя, какчикели и люди из Цикинаха. Перед их взорами [возвратившиеся] показали знаки отличия владык. Великими были эти племена, хотя и не проявили они тогда еще полностью своей мощи. И они находились в Хакавице; они были все с теми, кто пришел с востока. Здесь они провели много времени, очень много было их на вершине горы.

Здесь также умерли жены Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха.

Позже они покинули, оставили навсегда эту местность и искали других мест для поселения, чтобы поселиться там. Неисчислимыми были те местности, в которых они селились, где они пребывали и которым они давали наименования. Там соединялись и возрастали первые матери наши и первые отцы наши. Так говорили древние люди, когда они рассказывали, как они оставили навсегда свое первое поселение Хакавиц и отправились основывать новое поселение, названное Чи-Киш.

Они пробыли долгое время в этом другом городе, где они породили дочерей и породили сыновей. Много их было там; имелось четыре горы, и все они были заняты одним и тем же городом. Их дочери и сыновья вступали в брак; они просто отдавали их на сторону [замуж], а подарки и приношения, которые получали за них, они считали ценой своих дочерей. Таким образом, они жили счастливо.

Впоследствии они прошли каждую из четырех частей города; вот различные имена этих частей: Чи-Киш, Чи-Чак, Хуметаха, Кульба

и Кавиналь. И они осматривали холмы и свои поселения и искали необитаемых мест, потому что все вместе они были теперь очень многочисленны.

Те, кто отправлялся на восток, чтобы получить знаки владык, были теперь мертвы. Они были уже старыми, когда прибыли в каждый из этих городов. [Киче] не привыкли к различным местам, через которые они проходили; они терпели много трудностей и печалей, и только после долгого времени предки и праотцы прибыли в свой город.

Вот имя поселения, в которое они пришли.

¹ Накшит — сокращенное имя, которым у киче и какчикелей обозначался легендарный тольтекский предводитель Топильцин Акшитль Кецалькоатль, возглавивший в конце X в. тольтекскую экспансию в прибрежные области современных мексиканских штатов Табаско, Кампече и Юкатан. В книгах «Чилам-Балам» этот полумифический персонаж (Кукулькан-Кецалькоатль ранних испанских историков) фигурирует под именем Накшит-Шучит. В этом месте «Пополь-Вух» сохранились отголоски воспоминаний о действительном историческом факте, что в период расцвета тольтекской державы в областях, занимаемых майя, киче были подчинены ей (см. послесловие, раздел 4). Следы влияния тольтекской культуры прослеживаются и в других частях «Пополь-Вух».

² Саагун сообщает, что тольтекские жрецы, отправляясь на восток (Юкатан), взяли с собой «все свои картины, в которых они имели все вещи древних времен, искусств и ремесла».

[Глава 7]

Чи-Исмачи — имя места их города, где они впоследствии поселились и где они обосновались. Там при четвертом поколении правителей они увеличили свою мощь и молили свою извесь и белую землю¹.

Правили Копаче, Белехеб-Кех и калель-ахау. Тогда владычествовали повелитель Котуха и Истайуль, так звались они; это они были ах-попом и ах-попом-камха, правившими там, в Исмачи. Это был прекрасный город, который они там построили.

В Исмачи имелось только три великих дома. Тогда еще не было двадцати четырех великих домов; только три великих дома [имелось] у них:

только великий дом Кавека, только великий дом во главе Нихаиба и, наконец, лишь великий дом Ахау-Киче. Только лишь двое [из этих родов] имели великие [дома], украшенные изображениями змей; две ветви родов.

И жили они там, в Исмачи, с одной только мыслью², без раздоров или недоверия; мирным было правление, они не имели ни ссор, ни раздоров, в сердцах их были только мир и счастье. Они не были ни завистливы, ни подозрительны в своих поступках. Могущество их было еще ограниченным; они не думали ни о своем возвеличении, ни о расширении [своих владений]. Когда они попытались сделать это, то они прикрепили в Исмачи щит, но только чтобы дать малый знак своего владычества, как малый символ своего могущества и символ своего величия. Видя это, люди илока начали войну; они хотели прийти и убить правителя Котуха, желая иметь вождя только из своего собственного [племени]. А относительно владыки Истайуля — они хотели наказать его, чтобы он был наказан и убит людьми илока. Но их злые намерения против правителя Котуха не имели успеха, потому что он напал на них прежде, чем люди илока были в состоянии убить его.

Таково тогда было начало восстания и разногласий войны. Сначала они атаквали город и пришли убивать. Они хотели уничтожить народ киче, они хотели править одни, в этом было их намерение. Но они пришли только для того, чтобы умереть, они были схвачены и попали в плен, и было мало среди них, кто спасся бегством.

Немедленно после этого начались жертвоприношения; люди илока были принесены в жертву перед богом. Таково было наказание за их грехи по приказанию правителя Котуха. Многие из них попали также в рабство и зависимость, были сделаны рабами. Они пришли только для того, чтобы отдаться побежденными, потому что они подняли предательскую войну против владык и против города ущелий. Разрушить [город] и уничтожить народ киче и их повелителя — вот чего они желали в своих сердцах, — но не удалось им осуществить этот [замысел].

Таким образом, начались человеческие жертвоприношения перед богами, когда разразилась война щитов. [Эта война] была причиной того, что они начали [строить] укрепления вокруг города Исмачи.

С этой поры началось и зародилось их могущество, потому что владения повелителя киче были действительно большими. [Правители] были во всех отношениях изумительными повелителями; не было никого, кто

мог бы властвовать над ними; не было никого, кто смог бы унижить их. И в то же самое время они были строителями величия царства, которое они основали там, в Исмачи.

Там увеличился почтительный страх перед богом, они были воодушевлены благоговением, а все племена, большие племена и племена малые, были исполнены страха, потому что они видели прибытие пленных, которых приносили в жертву и убивали из-за мощи и величия повелителя Котуха, повелителя Истайуля и людей Нихаиба и Ахау-Киче.

Имелось только три ветви родов [киче] там, в Исмачи, как назывался этот город. Там же они начали устраивать пиры и неистовства из-за своих дочерей, когда [женихи] приходили просить их в брак [6]. Там собирались эти три великих дома, как они себя называли, там они пили свои напитки, и там они пожирали свои кукурузные лепешки, которые были ценой их сестер, ценой их дочерей, и сердца их были исполнены радости, когда они делали это. И они ели и пили из разрисованных тыквенных сосудов в своих больших домах.

«Таким образом мы показываем нашу благодарность, и этим мы открываем дорогу нашему потомству и нашим преемникам, это знак нашего согласия на то, чтобы они стали мужьями и женами», — говорили они.

Там же они уговаривались и там они получили свои имена; [там] они разделились на роды, на семь главных родов, и на части города [7].

«Давайте объединимся — мы, люди Кавека, мы, люди Нихаиба, и мы, люди Ахау-Киче», — сказали три рода и три великих дома.

И долгое время находились они там, в Исмачи, пока не нашли и не увидели другой город и не оставили тогда город Исмачи.

¹ Xcah qui chun qui zahcab — т. е. строили каменные здания при помощи извести.

² Т. е. жили без разногласий, имели единое общее мнение.

[Глава 8]

После того как они поднялись и оставили ту [местность], они пришли сюда, в город по имени Кумаркаах¹, как киче называли его, когда пришли повелители Котуха и Кукумац и все владыки. Тогда началось пятое поколение людей с начала света, с начала существования народа, с начала жизни и человечества. Они построили там много домов, и там

же выстроили они храм бога; они поместили его в середине самой возвышенной части города, когда прибыли и поселились там.

Тогда вновь разрослось их царство. Они были очень многочисленны, их было очень много. И тогда великие роды снова сошлись на совет, они снова сошлись вместе и предприняли новое разделение, потому что среди них уже возникла зависть и поднялись разногласия из-за цены их сестер и цены их дочерей. Поэтому они больше никогда не пили вместе.

Вот это и было основной причиной, почему они разделились, почему они полностью обратились друг на друга и бросали черепа и кости мертвых и швыряли их вокруг и один в другого². Вот в какой ярости они находились.

Тогда они разделились на девять родовых групп. Кончив раздор из-за сестер и дочерей, они выполнили то, что решили, и [разделили] царство на двадцать четыре великих дома³. Так это и произошло. Прошло уже много времени с тех пор, как они все пришли сюда, в свой расположенный в горах город, и закончили [создание] двадцати четырех великих домов там, в городе Кумаркаах, который был [потом] благословлен епископом⁴. Позже город был навсегда оставлен.

Там же они достигли величия, там поместили они свои блестящие троны и царские сиденья, и [там] они распределили полагающиеся почести среди всех владык. Девять владык Кавека образовали девять родов, владыки Нихаиба образовали девять других, владыки Ахау-Киче образовали четыре других [рода], и владыки Сакик образовали два других рода.

Они стали очень многочисленны, и много [людей] следовало за каждым из владык; эти были первыми среди их подданных; каждый из владык имел [в своем подчинении] многих, много родов.

Мы назовем теперь звания владык каждого из великих домов.

Вот звания владык, которые правили у людей Кавека. Первый из владык был ах-поп, [затем] ах-поп-камха, [затем] ах-тохиль, ах-кукумац⁵, ним-чокох-кавек, пополь-винак-читуй, лольмет-кехнай, пополь-винак-па-хом-цалац и учуч-камха.

Таковы были правящие владыки Кавека, девять владык, каждый из которых имел свой собственный великий дом; впоследствии они будут приведены снова.

А вот [звания] владык, которые правили у людей Нихаиба. Первым владыкой был ахау-калель, затем ахау-ах-цик-винак, кале-камха, нима-камха, учуч-камха, ним-чокох-нихаиб, авилиш, йаколатам-уцам-поп-саклатоль и нима-лосьмет-йеолтуш, [вот] девять владык Нихаиба.

А для таковых у Ахау-Киче — вот звание их владык: ах-цук-винак, ахау-лольмет, ахау-ним-чокох-ахау[-киче] и ахау-хакавиц, четыре владыки имелись во главе Ахау-Киче, по порядку их великих домов.

А дом Сакик имел две группы родов: [звания их] владык были цутуха и калель-сакик. Эти два владыки имели только один великий дом.

¹ Cumarcaah — буквально «гнилые, испорченные хижины», согласно толкованию Хименеса. Этот город киче более широко известен под своим атекским названием Утатлан «Место тростниковых полей». К моменту испанского завоевания Кумаркаах-Утатлан был столицей государства киче и наиболее важным городским центром на территории Гватемалы. Описание развалин Утатлана см.: *Daly C. Notes pouvant servir à l'exploration des anciens monuments du Mexique // Archives de la Commission Scientifique du Mexique. Paris, 1865. T. 1. P. 146—161; Maudslay A. P. A. Glimpse at Guatemala and Some Notes on the Ancient Monuments of Central America. London, 1899; Stephens J. L. Incidents of the Travel in Central America, Chiapas and Yucatan. London, 1854. P. 323—338.*

² В драме на языке киче «Рабиналь-Ачи» говорится, что черепа умерших использовались в качестве кубков, а кости рук и ног, оправленные в металл, служили жезлами и колотушками для ритуальных барабанов.

³ Nimha — «великий дом»; первоначально обозначало общий дом для собраний того или иного рода, впоследствии стало термином для знатного рода.

⁴ Речь идет о переименовании этого города первым епископом Гватемалы Фр. Маррокином в 1539 г. Кумаркаах был назван Санта-Крус дель Киче.

⁵ Ах-поп — правитель, царь; ah-pop — буквально «владеющий циновкой», т. е. имеющий право сидеть на совете старейшин. Ах-поп-камха — второе по значимости лицо в государстве, предназначенное наследовать ах-попу. Ах-тохиль — жрец Тохия, ах-кукумац — жрец Кукумаца.

[Глава 9]

Вот таким образом образовалось число двадцати четырех владык, и соответственным образом появилось двадцать четыре великих дома. Тогда росло величие и могущество сынов киче, возрастало и крепло величие

и значение державы киче. И они построили из камня и извести города, окруженные ущельями.

Тогда малые племена и великие племена сходились туда, привлекаемые именем повелителя. Киче возрастали, тогда увеличивалась их слава и величие, тогда они воздвигли дом своего божества и дома для своих владык. Но они сами, впрочем, не утруждали себя никакой работой, не они это делали, не они сооружали свои дома или работали над воздвижением дома для божества; все это было [сооружено] их сыновьями и подданными [8], которые постоянно росли в числе.

И они вовсе не обманывали их, не грабили их, не схватывали их силой, потому что каждый [из них] принадлежал владыке по праву, и много было их старших и младших братьев. Они жили вместе, и они собирались вместе, чтобы слушать приказания каждого из владык¹.

[Владыки] были поистине почитаемы, и поистине велико было их могущество. И сыновья и подданные соблюдали дни рождения владык с большим почтением, а жители ущелий² и города увеличивались в числе.

Но это случилось не потому, что все племена подчинились, и не потому, что [жители] ущелий и поселений пали в битве, нет, наоборот, они возрастали из-за чудесной силы владык, повелителя Кукумаца и повелителя Котуха. Кукумац был поистине чудодейственным повелителем. За семь дней он поднимался на небеса, и за семь дней он спускался вниз в Шибальбу. Семь дней он пребывал в личине змеи, в действительности становился пресмыкающимся; на семь других дней он превращался в орла, на семь других дней он становился ягуаром; и его вид был действительно видом орла и ягуара. В другие семь дней он превращался в свернувшуюся кровь и был лишь застывшей кровью.

Природа и дела этого повелителя были поистине чудесны, и все владыки других племен были исполнены перед ним страха. Слухи о чудесной природе повелителя распространились всюду, и все владыки поселений слышали их. И это было началом величия киче, когда повелитель Кукумац проявил эти знаки своей мощи. Его сыновья и его внуки никогда не забывали о нем в своем сердце. А он совершал это не для того, чтобы проявить себя необычайным повелителем, он сделал это, чтобы господствовать над всеми поселениями, чтобы показать, что только он единственный призван быть вождем народа [9].

Поколение чудодейственного правителя по имени Кукумац было четвертым поколением [правителей], а Кукумац был неоспоримым ах-попом и ах-попом-камха.

Они оставили преемников и потомков, которые управляли и возвеличивались и тоже порождали детей; и эти их сыновья свершили многие дела. Были порождены Тепепуль и Истайуль, правление которых было пятым поколением повелителей. Таким образом, каждое из поколений этих владык имело свое продолжение в сыновьях.

¹ Материал, содержащийся в этой главе, отчетливо показывает, что в описываемый период классовые отношения среди киче достигли уже значительного развития. Главы знатных родов подчинили себе «младших братьев», т. е. простых общинников, которые были обязаны работать на них. Завоеванные племена платили дань. Чудодейственные свойства правителей Котуха и Кукумаца, которыми автор «Пополь-Вух» пытается объяснить завоевательные успехи киче, являются, конечно, легендой, сознательно распространявшейся представителями знатных родов, чтобы упрочить свое влияние среди побежденных.

² Имеются в виду жители местностей, окружающих город.

[Глава 10]

Здесь следуют имена шестого поколения повелителей. Было два великих повелителя, первый звался Как-Кикаб, а другой — Кависимах. Кикаб и Кависимах совершили великие дела и возвеличили имя киче, потому что они были воистину чудодейственной природы.

И вот, они опустошали равнины и города малых племен и больших племен; они рассеивали повсюду [жителей] поблизости и вдали от городов, которые некогда стояли здесь. Это была страна какчикелей, теперешняя Чувила, и страна людей Рабиналя, Пاماка, страна людей каоке, Сакабаха, и город людей Сакулеу, [города] Чуви-Микина, затем Шелакух, Чува-Цак и, наконец, Цолохче¹.

Эти [народы] ненавидели Кикаба. Он начал против них войну и действительно завоевал и разрушил поля и поселения людей Рабиналя, какчикелей и людей Сакулеу. Он пришел и завоевал все эти племена, и воины Кикаба пронесли свое оружие в различные части [страны]. Если то или другое племя не приносило дани, то [воины киче] нападали на их поселения, и они были принуждаемы приносить свою дань Кикабу и Кависимаху.

Они [эти народы] стали рабами, они были ранены копьями, и они были убиты стрелами, [привязанные] к деревьям², не было для них уже более славы; они не имели более мощи. Рассказывают, что разрушение этих поселений произошло так внезапно, как будто бы раскрылись уста земли³. Подобно вспышке молнии, которая ударяет и разбивает вдребезги скалу, так мгновенно завоеванные народы исполнились ужаса [перед народом киче] и принесли свою покорность.

Перед Колче как свидетельство о городе, [разрушенном] им [Кикабом], находится теперь каменная скала, которая выглядит почти как вырубленная острием топора; она вся вдоль и поперек изрублена. Она находится там, на побережье, называемом Петатайуб, и теперь люди, проходящие мимо, могут ясно ее видеть — доказательство могучей силы Кикаба.

Они не могли ни убить его, ни победить его, потому что он поистине был мужественным человеком, и каждый народ приносил ему полагающуюся дань.

И все владыки собрались на совет и затем отправились укреплять ущелья и стены поселений, после того как были завоеваны поселения всех племен. Тогда дозорные отправились наблюдать за врагом, и они оставили памятные знаки в [завоеванных] местностях. «Только на случай, если вдруг племена вернуться, чтобы занять поселение»⁴, — говорили владыки, когда собрались снова на совет.

Затем они вышли, чтобы занять предназначенные им [места]. «Это будет как наши укрепления и наши поселения, как наши стены и защитные сооружения, здесь будет доказана наша боевая сила и наше мужество», — говорили все владыки, когда они отправились занять места, предназначенные каждому роду, чтобы бороться с противником.

И, получив свои приказания, они отправились к поселениям, которые были основаны в стране племен⁵. Они должны были отправиться в эти местности.

— Не страшитесь, если там еще имеются враги и они снова придут, чтобы убить вас. Быстро возвращайтесь и дайте мне знать, а я пойду и сам убью их! — говорил Кикаб, когда он прощался со всеми ними в присутствии калеля и ах-цик-винака.

Тогда отправились стрелки из лука и пращники, как их следует называть. Тогда распространились деды и отцы всего народа киче⁶. Они находились на каждой из горных вершин, и они были как стражи гор, они сторожили со своими луками и пращами, они были тогда стражами

войны. Они не имели никаких увеселений и не имели ни одной [статуи] божества, когда они отправились. Они отправились, только чтобы укрепить стены своих поселений.

Тогда вышли все: владыки из Увилы, владыки из Чулималя, Саккийя, Шахбакиех, Чи-Темах, Вахшалахуха, а также и владыки из Кабраркана, Кабикак-Чи-Хун-Ахпу и еще владыки из Мака⁷, владыки из Шайабаха, владыки из Саккабаха, владыки из Сийаха, владыки из Микина, владыки из Шелахуха, а также владыки с побережья. Они отправились как военная стража, как защитники земли; они отправились по приказанию Кикаба и Кависимаха — ах-попа и ах-попа-камха, а также [по приказанию] калеля и ах-цик-винака — тех, кто был четырьмя повелителями.

Они были посланы, чтобы сторожить врагов Кикаба и Кависимаха — имена правителей, оба из дома Кавека, [чтобы сторожить врагов] Кеема — имя владыки людей Нихаиба, и Ачак-Ибой'а — имя владыки людей Ахау-Киче [10]. Вот таковы были имена владык, пославших их и назначивших их разведчиками. И они, как их сыновья и данники, отправились к горам, к каждой из гор. Они отправились сразу же первыми, и они захватили пленных, они доставили своих пленников пред лицо Кикаба и Кависимаха, калеля и ах-цик-винака. Лучники и пращники воевали и брали все больше пленников и заложников.

Некоторые из защищавших укрепления были храбрецами. И в их словах и требованиях росла их самостоятельность от повелителей, когда они приходили отдавать всех своих пленных и заложников.

После этого властители собрались на совет — ах-поп, ах-поп-камха, калель и ах-цик-винак, — и вот что они решили:

— Давайте предоставим почетные звания первым из тех, кто находится там и несет знаки родов; пусть они будут допущены к этому! Я [все же остаюсь] ах-попом! А я — ах-попом-камха! Достоинство ах-попа, которое я имею сам, должны иметь и они. И твои, о ахау-калель: достоинство калеля должно быть [и для них]! — так говорили все правители, когда они совещались на совете [11].

Люди тама и илока поступили точно таким же образом⁸; равными по положению были три ветви киче, когда они впервые назвали своих сыновей и данников предводителями и сделали их знатными. Вот что было исходом этого совета. Но они не были сделаны предводителями здесь, среди киче. Гора, где сыновья и данники были сделаны впервые предводителями, имела свое имя; после того как они были все посланы каждый

к своей местности, они все [затем] сошлись в одном и том же [месте]. Шебалаш и Шекамаш — вот названия гор, где они были сделаны предводителями и где они получили свои почетные звания. Это случилось в Чулимале.

Вот таким-то образом произошло наименование, возвышение и отличие двенадцати калелей, двенадцати ах-попов, какие получили эти почетные звания, благодаря [пожеланию прежних] ах-попа и ах-попакамха, калеля и ах-цик-винака. Все [новые] калели и ах-попы получили знаки своего достоинства, а также и одиннадцать ним-чокохов, калель-ахау, калель-сакик, калель-ачих, ах-поп-ачих, ах-цалам-ачих⁹, цам-ачих, — вот почетные звания, которые получили воины, когда достоинства и отличия были распределены среди них, когда они находились на своих тронах и на своих сиденьях, будучи первыми сынами и данниками народа киче, их лазутчиками, их разведчиками, лучниками, пращниками, стенами, дверями, укреплениями и крепостями киче.

Совершенно таким же образом поступили и люди тама и илока; они наименовали и сделали знатными первых сыновей и данников, которые находились в различных местностях.

Вот таковым было происхождение калелей и ах-попов, тех званий, которые сохраняются и теперь в каждой из этих местностей. Вот каким образом были созданы их звания; ах-попом и ах-попом-камха, калелем и ах-цик-винаком были они созданы, наподобие их званий.

¹ Не все упоминаемые в этой главе названия древних городов и поселений могут быть с достаточной точностью сопоставлены с современными географическими пунктами. Чувила — «Среди зарослей крапивы» — современный город Чичикастенанго; последнее слово на языке нахуа является калькой с названия этого поселения на киче. Памака (немного далее названный Мака) — современная Сакуальпа, около горной цепи Хойабах. Племя каоке, очевидно, находилось где-то неподалеку от современных поселений Санта-Мария-Каоке и Сант-Яго-Каоке. Сакулеу — «Белая земля» — крепость индейцев племени мам, расположенная около древнего города Чинабхуль, современного Уэуэтананго. Чуви-Микина — «Над горячей водой» — город мам на горе южнее современного Тотоникапан; у подножия этой горы действительно бьют горячие источники. Хименес в своем переводе заменяет Чуви-Микина словом Тутуникапан. Шелахух-Кнех — «Под копытами десяти оленей» — большой город мам,

именовавшийся ими Кулаха; завоеванный киче, он получил название Шелахух-Киех, а позже, при испанском завоевании, — астекское имя Кесальтенанго, которое носит и теперь (*Brasseur de Bourbourg Ch. E. Bibliothèque Mexico-Guatémaliennne. Paris, 1871. P. 143; Popol Vuh. P. 319*). Чува-Цак — «Перед крепостью» — современный город Момостенанго. Цолохче — «Ива» (астекское название — Шомакак) — поселение около современной Чикимулы, неподалеку от Санта-Крус-Киче. Колче — местность на тихоокеанском побережье Гватемалы (*Brasseur de Bourbourg Ch. E. Popol Vuh. P. 320*). Петатайуб, по предположению А. Ресиноса (P. 221—222), местность близ современного города Айутлы, также на тихоокеанском побережье. Кабракан — современное поселение Кабрикан в департаменте Кесальтенанго, в горах северо-западнее г. Кесальтенанго, крепость рабиналей, защищавшая подходы к их поселениям. Сийаха, или Сиха, — древнее название города Санта-Катарина-Иштлахуакан (*Resinos A. Popol Vuh. P. 223*). Чулималь, или Чутималь, — древний город, расположенный у подножия горы Шебалаш-Шекамак (*Brasseur de Bourbourg Ch. E. Popol Vuh. P. 323*). Остальные названия не поддаются пока идентификации.

² Человеческое жертвоприношение, при котором пленного привязывали к дереву, а затем убивали выстрелами из лука, было широко распространено у древних народов Мексики и Гватемалы. На стенах одного из храмов Тикаля (древний период майя) имеется сграфитто, изображающее подобную казнь (см.: *Maler T. Explorations in the department of Peten, Guatemala. Tical // Memoirs of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, Cambridge. 1911. V. 5. № 1. P. 57*). Подобное же жертвоприношение существовало у астеков в праздник Искалли (*Вайян Дж. История ацтеков. М., 1949. С. 216*).

³ Т. е. словно земля разверзлась и поглотила эти города.

⁴ Судя по данному месту «Пополь-Вух», киче, по всей видимости, в ряде случаев изгоняли из захваченных областей население.

⁵ Данное место «Пополь-Вух» показывает, что киче обращались с завоеванными племенами так же, как астеки. В захваченных поселениях оставлялись специальные лица, наблюдавшие за исправной уплатой дани. Ср. подобные же сообщения об астеках: *Katz Fr. Die sozialökonomischen Verhältnisse bei den Azteken im 15. und 16. Jahrhundert. Berlin, 1956. S. 82—104*.

⁶ Т. е. эти гарнизоны состояли только из воинов киче; воины покоренных племен не могли входить в их состав. Однако следующий абзац, говорящий о подчиненных Кикабу племенах, как будто бы опровергает эту фразу.

⁷ В испанском переводе Хименеса вместо имени Мака написано «Сакуальпа» (*Scherzer C. Las historias del origen de los Indios de esta provincia de Guatemala. Wien, 1857. P. 128*).

⁸ Т. е. после того, как совет санкционировал притязания на власть представителей знати у киче, подобный же процесс повторился у племен тамуб и илокаб, а также у подчиненных киче племен.

⁹ Ах-цалам (*ahtzalam*) «мастер доски, постройки», архитектор (*Brasseur de Bourbourg Ch. E. Popol Vuh. P. 21*) — почетное звание у киче; возможно, лицо, наблюдавшее за постройкой храмов и общественных зданий.

[Глава 11]

Теперь мы расскажем о жилище бога. Этому жилищу было дано то же самое имя, что и богу. «Великое здание Тохия» было именем храма Тохия, принадлежавшего людям Кавека, в котором жил Тохиль. «Авилиш» было имя храма Авилиша, принадлежавшего людям Нихаиба, в котором жил Авилиш, и «Хакавиц» было имя храма бога людей Ахау-Киче.

«Цутуха» [здание], которое можно было увидеть в Кахбаха¹, было именем [другого] большого здания, в котором находился камень, почитавшийся всеми владыками киче; он почитался также и всеми [завоеванными] племенами.

Люди приносили сперва свои жертвоприношения Тохию, а затем шли отдать почести ах-попу и ах-попу-камха. Тогда они отправлялись принести свои драгоценные перья и свою дань перед повелителем. А повелителями, о которых они заботились и за которыми они ухаживали, были ах-поп и ах-поп-камха, основавшие их поселения.

Великими владыками и чудодейственными людьми были изумительные повелители Кукумац и Котуха, а также изумительные повелители Кикаб и Кависимах. Они знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры. Они поистине хорошо знали, где можно все это было увидеть, где была книга, которую они называли «Пополь-Вух».

Но не этим только, не таким только образом было велико положение владык; великое значение имели также и их посты. И это совершалось в признание того, что они были созданы, в признание того, что им были даны их дворцы и царствование. Они постились долгое время и совершали жертвоприношения пред лицом своего божества.

Вот как они постились: постилось девять человек, а девять других совершали жертвоприношения и сожигали благовония. Тринадцать человек еще постились, а еще другие тринадцать совершали приношения и сожигали благовония перед лицом Тохия. И пока они находились пред своим богом, они питались только фруктами, только плодами тулуль, ахаче и кино. И они не могли съесть ни одной кукурузной лепешки. Поистине, будь то семнадцать человек, совершавших жертвоприношения, или десять, которые постились, они не ели. Они выполняли свои великие предписания и этим показывали свое положение как владык.

И не имели они женщин, с которыми могли бы спать, нет, они оставались одни и были воздержанными; они постились. Они находились в доме бога, где они день за днем молились, возжигали благовония и совершали жертвоприношения. Так они оставались с сумерек до зари, печалься в своем сердце и в своей груди, прося счастья и жизни для их сыновей и данников, для их царства и поднимая свои лица к небу.

Вот их моления к их богу, когда они молились, вот что было мольбою их сердец:

— О ты, красота дня! Ты, Хуракан, ты, Сердце неба и земли! Ты, податель изобилия и богатств, податель дочерей и сынов! Обрати к нам свое могущество, излей на [нас] свое изобилие и свои богатства. Дай жизнь и рост моим сыновьям и данникам, да умножатся и возрастут в численности те, кто должен поддерживать и кормить тебя, те, кто призывает тебя на дорогах, в полях, на берегах рек, в ущельях, под деревьями, под лианами!

Дай им дочерей и сынов! Да не встретятся они ни с бесчестием, ни с несчастьем, ни с глупостью, ни с обманом. Да не появится чудовище ни впереди, ни позади их. Да не будут они грешить, да не будут они ранены, да не будут они ни прелюбодеями, ни осужденными правосудием! Да не падают они ни на поднимающейся, ни на спускающейся вниз дороге! Да не будет кровавых ударов ни позади них, ни впереди них, ничего, что может повредить им! Дай им хорошие дороги, прекрасные, ровные дороги! Да не будет у них ни несчастья, ни позора по причине твоей слюны, по причине твоего волшебства!

Дай хорошую жизнь и деяния тем, кто должен давать тебе пропитание и помещать пищу в твой рот, перед твоим лицом, тебе, Сердце небес, Сердце земли, тебе, Писом-Какаль! И ты, Тохиль, ты, Авилиш, ты, Хакавиц, свод неба, поверхность земли, четыре угла, четыре основные точки. Да будет только мир и спокойствие в твоём [жилище], в твоём присутствии, о ты, бог!

Так [молились] владыки, в то время как внутри постились девять человек, тринадцать человек и семнадцать человек. Они постились в продолжении дней, и их сердца печалились об их сыновьях и данниках, о всех их женах и их детях, когда каждый из владык совершал свое жертвоприношение.

Это было ценой за счастливую жизнь, ценой за могущество, ценой за власть ах-попа, ах-попа-камха, калеля и ах-цик-винака. Пара за парой они правили, каждые двое следуя за другими, чтобы нести бремя [управления покоренными] племенами, а также всем народом киче.

Одно лишь было начало преданий их, [одно лишь] начало обычая поддерживать и питать [богов] и одно лишь также начало преданий и обычаев людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха, людей тухалаха и людей из Учабаха. Имелось всего лишь одно-единственное, что их уши должны были слушать там, в Киче, что все они должны были делать.

Но не только в одном этом было их правление. Не с неохотой доставляли им безвозмездно свои дары те, что поддерживали их и питали; те, кто приготовлял для них их кушания и напитки. С полным правом получали они все это; [с полным правом] получили и схватили они свои владения, свое могущество и свою власть.

И не малой ценой [достигали они] этого: они завоевали поля и поселения; малые племена и большие племена платили большие подати, они приносили драгоценные камни и серебро, они приносили муку и пчелиный мед, браслеты, браслеты из изумрудов и других камней; они приносили головные уборы, сделанные из голубых перьев, дань всех поселений. Они появлялись перед чудодейственными повелителями Кукумацем и Котуха и перед Кикабом и Кависимахом, ах-попом, ах-попом-камха, перед калелем и ах-цик-винаком.

Не малое совершили они, и не малочисленны были племена, которых они покорили. Многие ветви племен приходили платить дань киче, полные печали, приходили они, чтобы отдать ее. Но могущество [киче] росло

не быстро. Кукумац был тем, кто начал расширение владычества. Вот что было началом могущества и расширения [владычества] народа киче.

А теперь мы поименуем поколения владык и дадим их звания; мы снова поименуем всех владык.

¹ Кахбаха — по предположению Брассера де Бурбура (Popol Vuh. P. 238), поселение около реки Лакандон, современный поселок Сак-кабаха Сан-Андрес.

[Глава 12]

Вот поколения и порядок последования всех правителей, которые начались с наших первых праотцев и наших первых отцов, Балам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, когда появилось солнце и стали видны луна и звезды.

И вот теперь мы [дадим] начало поколений, порядок царствований, с начала их родословной, как владыки приобрели мощь, с их вступлений до их смертей, [мы дадим] каждое поколение владык и предков, а также и владык поселений, всех и каждого из владык. Здесь будет показано лицо каждого из владык киче¹.

Балам-Кице — корень людей Кавека.

Кокавиб — второе поколение [рода] Балам-Кице.

Балам-Коначе, с которым началось звание ах-попа, — он был третьим поколением.

Котуха [I] и Стайуб — четвертое поколение.

Кукумац и Котуха [II], первые из чудодейственных правителей, они были пятым поколением.

Тепепуль и Стайуль — шестые по порядку.

Кикаб и Кависимах — седьмые по порядку в наследовании царством; они тоже были чудодейственными.

Тепепуль и Штайуб — восьмое поколение.

Текум и Тепепуль — девятое поколение.

Вахшаки-Каам и Кикаб — десятое поколение повелителей.

Вукуб-Нох и Кууатепеч — одиннадцатые по порядку повелители.

Ошиб-Кех и Белехеб-Ци — двенадцатое поколение повелителей. Они были те, кто правил, когда пришел Донадиу², и кто был повешен испанцами.

Текум и Тепепуль, которые платили дань испанцам; они оставили сыновей, а прежде они были тринадцатым поколением повелителей.

Дон Хулио де Рохас и дон Хулио Кортес, четырнадцатое поколение повелителей, они были сыновьями Текума и Тепепуля.

Вот таковы поколения и последовательность царствования владык ах-попов и ах-попов-камха у киче Кавека.

А теперь мы снова назовем роды. Вот великие дома каждого из владык, следовавших за ах-попом и ах-попом-камха. Здесь [перечисляются] названные раньше девять родов людей Кавека и их девять великих домов, а вот звания владык каждого из великих домов:

повелитель ах-поп, один великий дом; Куха было именем этого великого дома;

повелитель ах-поп-камха, великий дом которого назывался Цикинаха;

ним-чокох-кавек, один великий дом;

повелитель ах-тохиль, один великий дом;

повелитель ах-кукумац, один великий дом;

пополь-винак-читуй, один великий дом;

лольмет-кехнай, один великий дом;

пополь-винак-па-хом-цалац-шкушеба, один великий дом;

тепеу-йаки, один великий дом.

Вот таковы девять родов Кавека. Очень многочисленными были сыновья и данники, следовавшие за этими девятью великими домами.

А здесь вот девять великих домов людей Нихаиба. Но сперва мы дадим родословную правителей царства. Все они происходили только из одного корня, когда начало сиять солнце, когда начался для людей свет.

Балам-Акаб — первый предок и праотец.

Коакуль и Коакутек — второе поколение.

Кочахух и Коцибаха — третье поколение.

Белехеб-Кех [I] — четвертое поколение.

Котуха [I] — пятое поколение правителей.

Затем дальше Баца — шестое поколение.

Стайуль — седьмое поколение повелителей.

Котуха [II], восьмой по порядку царствования.

Белехеб-Кех [II], девятый по порядку.

Кема — так назывался — десятое поколение.

Повелитель Котуха — одиннадцатое поколение.

Дон Кривоваль — так он назывался, — который правил во времена [прихода] испанцев.

Дон Педро де Роблес, тот, кто повелитель калель в настоящее время.

Вот таковы все повелители, которые происходят от повелителя калель.

Теперь мы назовем [звания] владык каждого из великих домов:

повелитель калель, первый владыка Нихаиба, глава одного великого дома;

повелитель ах-цик-винак, один великий дом;

повелитель калель-камха, один великий дом;

нима-камха, один великий дом;

учуч-камха, один великий дом;

нима-камха, один великий дом;

ним-чокох-нихаиб, один великий дом;

повелитель авилиш, один великий дом;

йаколатам, один великий дом;

[нима-лольмет-йеолтуш, один великий дом].

Вот таковы великие дома Нихаиба, таковы были названные раньше имена девяти родов людей Нихаиба, как они назывались. Многочисленными были роды каждого из владык, имена которых мы дали сперва.

Здесь вот [родословная] людей Ахау-Киче, кто были их праотец и отец.

Махукутах, первый человек.

Коахау — имя повелителя второго поколения.

Каклакан.

Кокосом.

Комахун.

Вукуб-Ах.

Кокамель.

Койабакох.

Винак-Бам.

Вот таковы [имена] повелителей людей Ахау-Киче; такова последовательность и порядок их поколений.

А здесь вот звания владык, которые [составляли] великие дома; всего было только четыре великих дома:

ах-цик-винак-ахау — звание первого владыки, один великий дом;

лольмет-ахау, второй владыка, один великий дом;

ним-чокох-ахау, третий владыка, один великий дом;

хакавиц, четвертый владыка, один великий дом.

Итак, было четыре великих дома у Ахау-Киче.

Имелись, итак, три ним-чокоха³, которые были подобны почетным отцам для всех владык киче. Единодушно советовать имели обычай три чокоха. Велико было их положение: они были матерями слова, отцами слова; они действовали в великих и малых [событиях], три чокоха.

[Имелись] тогда ним-чокох людей Кавека, ним-чокох людей Ниха-иба — он был вторым, и ним-чокох-ахау [людей] Ахау-Киче, он был третий. Каждый из трех чокохов представлял свой род.

¹ В неизданной рукописи XVI в. «Descripción de Zapotitlán y Suchitерес enviada al Rey de España por el Corregidor Juan de Estrada el 22 noviembre de 1572», хранящейся в настоящее время в Latinoамериканской библиотеке Техасского университета, находится несколько иная генеалогия правителей киче. Приводим ее по английскому переводу, опубликованному в книге «Popol Vuh. The Sacred Book of the Ancient Quiché Maya. English version by Delia Goetz and Adrián Recinos» (Norman, 1950. P. 237—239).

«Первый король, который был у этих людей Утатаана, назывался Балам-Кисе. Этот король пришел с восточной стороны, с ним пришли и два других брата, один по имени Балам-Акап, другой — по имени Маху-Кутах. Эти три были равными по значению, и они были первыми заселившими страну Рабиналя. Балам-Кисе, старший брат, имел двух сыновей, один из них именовался Кокоха, а другой — Корохон-Амак. Эти два сына Балам-Кисе были первыми, кто открыл провинцию Утатаан, исследовал, населил и подчинил ее. Кокоха породил Э. Этот царствовал вместо своего отца, который назывался Кокоха, и он был тот, кто завоевал страну Рабиналь и окружающие области. Корохон-Амак, второй сын Балам-Кисе, брат Кокоха, породил Цикина. Этот Цикин и Э были равными по значению; они сражались по ночам. И они отправлялись ночью, чтобы убивать врагов, которых они находили рассыпанными и беззаботными. Чтобы люди пугались их, они появлялись перед ними, как ягуары и пумы, благодаря делам дьявола. Они летали ночью по воздуху, изрыгая огонь из своих ртов, и причиняли таким образом большой вред, потому что их страшно боялись, и вся земля Рабиналь подчинилась им. И они убедили людей, что они сыновья Цаколь Питоль, т. е. что они были сыновьями Творца всех вещей.

Действительным королем был Э, так как он был старшим братом, и он породил Аха. Этот также был волшебником и поступал, как поступали и его предки. Цикин породил Акана, они были равны

по значению, так как были двоюродными братьями. Они были большими волшебниками.

Ах, законный владыка, породил Кокайба и Кокайвима. Кокайб был наследником королевства по своему отцу, и он был первый, кто создал государство [в своей стране]. Этот Кокайб подчинил одиннадцать владык, оставшихся [не завоеванными] его предками, и он был первый, кто основал город. Он построил и соорудил свой королевский дворец и крепость в Робинале. Он был первым разделившим земли и создавшим вождя, правителей и вождей, он разделил их на главы общин (calpules). Он был первым создавшим законы и установившим законные права; он был первым заставившим их платить дань, каждый согласно тому, что он имел и владел. А тот, кто не имел ничего, чтобы заплатить дань, должен был служить сам или другими соответствующими вещами.

Этот Кокайб сделал своего брата Кокайбима главным в своей стране, каковая [должность] называется ах-поп; этим он сделал его равным [себе], хотя и не признавал права [брата] на старшинство (mauogazgo). Этот последний учредил и назвал [должности] девяти вождей, или правителей, которые управляли городом и помогали ему. И ни один из них, кто был еще юным, не мог управлять, пока он не достигал необходимого возраста и пока его не сочли и не нашли подходящим. А если он не имел [необходимого возраста], то правил один из ближайших ему по семье и родству, пока он не достигал возраста.

Этот Кокабим, второй брат, из-за отсутствия своего брата, который путешествовал вдали от своего дома, имел сына от своей невестки. А когда его брат Кокайб должен был вернуться [из своих странствий], то из-за наказаний, которые были установлены его (т. е. Кокайба) законом, перед тем как он отправился, а именно повешения, бабушка ребенка держала его спрятанным. А когда он вырос, его дядя и отчим дали ему должность его отца, назначили его одним из ах-попов. Таким образом королевство было поручено этому Кокайбу, и никто больше не был допущен править или быть королем.

Этот Кокайб породил Кехнайа и пять других сыновей, которые были назначены правителями этим королем. И с того времени и до прихода испанцев короли носили это имя Кехнай, потому что оно [почиталось] среди туземцев как Цезарь.

От второго брата, который назывался Кокайбим, последовали все те, кто назывался ах-попом, пока не появился преемник,

называвшийся Коначе, дед дона Хуана Кортеса, живущего теперь. Этот Коначе умер в сражении, которое было дано главнокомандующим доном Педро де Альварадо на равнине около Кесальтенанго, принадлежащего королевской короне».

² Донадиу — астекское *Tonatiuh* — «Солнце», имя, данное астеками испанскому конкистадору Педро де Альварадо.

³ *Nim chosoh* — буквально «великий избранник» или «великий советник» — лицо, на обязанности которого было объявлять решение правителей и наблюдать за его исполнением.

[1] *Chicha-conizah qui he!* Хименес переводит эти слова «*ganadles las colas*», что совершенно бессмысленно; Брассер также искажает полностью эту фразу. В данном переводе следуем толкованию, предложенному Л. Шульце-Иеной (*Popol Vuh*. S. 195).

[2] В тексте подлинника последнее слово не поддается прочтению; в переводе оно восполнено по общему смыслу фразы.

[3] Последняя фраза (после слова «Хакавиц»), очевидно, является примечанием комментатора, позднее введенным в основной текст.

[4] Слова, обозначающие дары Накшита предводителям киче, переводятся различными исследователями совершенно различно. В своем переводе я присоединяюсь в основном к толкованию этих слов, предложенному А. Ресиносом (*Popol Vuh*. P. 208—209). *Tatam* и *saxeon* — значение слов непонятно. «Перья белой цапли для головных уборов» — в подлиннике *aztapulul* — слово из языка нахуа (ср. *aztapamitl* — украшение из перьев белой цапли, знак отличия предводителя: *Lehmann W.* *Die Geschichte der Königreiche von Colhuacan und Mexico.* Stuttgart und Berlin, 1938. S. 67).

[5] *V tzibal tulan*. Слово *tzibal* означает «письмо», «живопись», «изображение».

[6] *Ta x-qui ziih uloc* — буквально «когда они приносили свои дрова». По древнему обычаю киче юноша, приходивший просить девушку в жены, приносил с собой связку дров.

[7] В подлиннике слова *chinamit* «род», «родовая община» и *tesrap* (из астекского *tesrap*) — части, на которые делилось городское поселение. Ранние испанские хронисты называют их «кварталами» (*barrios*).

[8] В подлиннике *al, gahol*. И то и другое слово имеет значение «сын» и «подчиненный», «подданный», «данник».

[9] *Nolom amas* — буквально «главой людей».

[10] Слова «имена правителей, оба из дома Кавека», а также дальнейшие «имя владыки людей Нихаиба» и «имя владыки людей Ахау-Киче» являются, очевидно, позднее введенными в текст пояснениями комментатора. Этим и объясняются синтаксические трудности фразы. Первоначальный вид данной фразы — «Они были посланы, чтобы сторожить врагов Кикаба, Кависимаха, Кеема и Ачак-Ибой'а».

[11] Перевод и толкование этого места очень затруднительны; не случайно, очевидно, Хименес оставил его непереуведенным. В предлагаемом переводе восстановлено деление текста на части, имеющееся в рукописи; Брассер де Бурбур в своем издании произвольно изменил его. Смысл этих фраз, очевидно, в том, что племенной совет закрепил за представителями отдельных знатных семей право на наследование главных должностей, которые они в этот момент исполняли.

[Заключение]

Больше о существовании народа киче сказать нечего, потому что нельзя уже больше видеть светильника [книгу Пополь-Вух], которую повелители имели в древние времена, она совершенно исчезла.

Вот таким образом тогда все люди киче, [люди из местности, которая] называется теперь Санта-Крус, пришли к теперешнему состоянию.

**Родословная
владык Тотоникапана**

|

**Путешествие народов киче
и других родственных племен¹**

Мудрые люди, нахуали², вожди и предводители трех великих народов и других, присоединившихся к ним, называемые у-мамае³, простерли свой взгляд на четыре части мира и на все то, что находится под небом. Не обнаружив препятствий, они отправились с другой стороны океана, оттуда, где поднимается солнце, из места, называвшегося Па-Тулан, Па-Сиван.

Главных вождей было четверо: первый именовался Балам-Киче, дед и отец наш, людей Кавека; второй — Балам-Акаб, дед и отец людей Нихайа; третий — Махукутах, ствол и корень киче; четвертый именовался Ики-Балам. Эти были вождями первого народа, или первого племени, киче; а жена Балам-Киче носила имя Сака-Палума, жена Балам-Акаба — Цунуниха, жена Махукутаха — Какишаха, Ики-Балам был холостым.

Вожди второго народа, или племени, киче назывались тамуб; их было также четверо: Копичоч, Кочохлам, Махкиналон и Коканавиль. Эти были стволем и корнем принцев тамуба, каковые носили звания какох [и] эгоме⁴. Совместно пришли эти племена с другой стороны моря, с востока, из Па-Тулана, Па-Сивана.

Вождей третьего племени, или народа, киче было также четверо, — и они были Чийатох, Чийа-Цикин, Йолчитум, Йолчирамак и Чипель-Камукель⁵. Эти были ствол и корень домов и семей Кала-Сиха и Цунуниха, но это племя различалось именем илокаб.

Вот таковы были три народа киче, и пришли они оттуда, где поднимается солнце, потомки Израиля, того же самого языка и тех же самых обычаев.

Когда они поднялись из Па-Тулана, Па-Сивана, первым предводителем был по единодушному выбору назван Балам-Кице, и тогда великий отец Накшит дал им дар, называемый «Кирон-Какаль»⁶.

Когда они прибыли к берегу моря, Балам-Кице коснулся его своим посохом, и сразу же открылся проход, который затем снова закрылся, ибо великий бог желал, чтобы это так произошло, потому что они были сыновьями Авраама и Иакова. Это было так, эти три народа прошли [через море] и с ними тринадцать других, называвшихся вук-амак⁷.

На этой другой стороне моря они были принуждены питаться кореньями из-за отсутствия пищи, но они странствовали довольные. Они пришли к берегу озера, где имелось множество животных; здесь они построили хижины, но [затем], не удовлетворенные местностью, оставили ее. Они пришли на место, называемое Чикпач; остановились там, а [затем], оставив большой камень в качестве памятника, продолжали свое странствование, поддерживая себя кореньями. Они пришли к другому месту, которое называли Чи-Киче; они оставались там некоторое время и, покинув его, прибыли наконец к горе, которую называли Хакавиц-Чипаль⁸.

Это было [место], где они остановились, и это было [то место], где Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам решили поселиться. Три народа, или племени, киче находились вместе, а именно кавекиб, тамуб и илокаб, а также тринадцать других народов, называемых вук-амак-текпан.

И они [уже] находились в Хакавице некоторое время, когда согласились разжечь огонь. «Мы слишком много страдали от холода, — сказал Балам-Кице, — давайте попробуем разжечь огонь».

«Хорошо, — ответили тринадцать народов вук-амак, — давайте договоримся о том, какой вид платы будут иметь те, кто первым зажжет его; если это устраивает вас, мы согласимся отдать наших дочерей тем, кто первым зажжет огонь». — «Хорошо», — ответил Балам-Кице.

И когда они начали тереть дерево и камни, первыми, кто зажег огонь, были Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах, а народы вук-амак никак не могли разжечь его. И тогда последние сказали: «Дайте нам немного вашего огня!» — «Дайте нам, — возразили они, — то, что мы выиграли, или же дайте нам залог или обеспечение». — «А что за залог хотели бы вы получить от нас?» — спросили люди вук-амак. «Если это устраивает вас, — сказал Балам-Кице, — мы поцелуем вашу грудь в знак

того, что вы в долгу перед нами за ваших дочерей». — «Хорошо», — ответили тринадцать народов, и, допустив, чтобы их поцеловали, они утвердили договор.

¹ Происхождение этого важного для восстановления древней истории киче документа следующее. В 1834 г. индейцы, жители небольшого гватемальского города Тотоникапан (в доиспанское время носившего на языке киче название Чименекенха), обратились с просьбой к губернатору провинции. Просьба их состояла в том, чтобы священник селения Сакапулас Дионисио Хосе Чонай перевел на испанский один важный документ. После того как Чонай выполнил это поручение, индейцы представили оригинал документа и его перевод местному судье, прося, чтобы «два понимающих человека» освидетельствовали бы документ и заверили бы точность выполненного перевода. Желание индейцев было выполнено, а перевод по приказанию судьи оставлен в архиве суда.

Хосе Чонай, переводя документ, сократил его. Это явствует из его письма, приложенного к переводу. Приводим заключительную часть его.

«Перевод приложенной рукописи, написанной на языке киче теми, кто подписал ее в 1554 году, в согласии с традициями их предков.

Вышесказанная рукопись состоит из тридцати одной страницы ин-кварти; но перевод первых страниц опущен, так как в них говорится о сотворении мира, об Адаме, земном рае, в котором Ева была обманута не змеем, а самим Люцифером как ангелом света. Повествуется о потомстве Адама, следуя в каждой детали тому же порядку, как в Генесисе и священных книгах, до пленения Вавилонии. Рукопись утверждает, что три великих народа киче, с которыми она в особенности имеет дело, являются потомками десяти племен царства Израиля, которых Салманесер принудил к вечному плену и которые, оказавшись на границе Ассирии, решились бежать.

В этом переводе я старался следовать, насколько это возможно, орфографии и порядку слов оригинала».

В 1860 г., во время своего вторичного пребывания в Гватемале, Ш. Э. Брассер де Бурбур, находясь в Тотоникапане, обнаружил этот перевод и снял с него копию. Эта копия в настоящее время единственный источник, так как ни оригинал «Родословной», ни ее перевод не обнаружены. После смерти Брассера де Бурбура копия

перешла в руки французского американиста Шаранси, который опубликовал ее, сопроводив своим переводом на французский, в 1885 г. С этого издания (*Título de los Señores de Totonicapán: Titre généalogique des Seigneurs de Totonicapan, traduit de l'espagnol par M. de Charencey. Alençon, 1885*) и сделан перевод для нашего издания.

Название этого документа, предложенное Брассером де Бурбуром и уже вошедшее в научную литературу, не вполне удачно, так как не отражает его подлинного содержания. В действительности в нем излагается история народа киче от выхода из Тулана до правления повелителя киче Кикаба, жившего в середине XIV в. По всей видимости, он был составлен с целью доказать права знати киче на какие-то земельные участки в районе тихоокеанского побережья Гватемалы; не случайно «Родословная» заканчивается описанием путешествия Кикаба по этому району и сообщением о совершенных им там разделах земли. С целью доказать какие-то свои права на эти земли обратились в 1834 г. к тексту «Родословной» и жители Тотоникапана.

По весьма вероятному предположению А. Ресиноса, «Родословная» была составлена в 1554 г. в бывшей столице киче — Утатлане; на это указывают подписи под документом, перечисляющие наиболее важных лиц из знати киче (*Recinos A. The Annals of the Cakchiquels. Title of the Lords of Totonicapán. Norman, 1953. P. 163—164*).

² Нахуаль (*nahual*) — на языках индейских народов Гватемалы обычно обозначает «дух-хранитель», «дух-покровитель» того или иного лица. См. об этом: *Brinton D. G. Nagualism. A Study in Native American Folklore and History. Philadelphia, 1894*. В данном месте «Родословной» оно, однако, явно относится к четырем мифическим предводителям киче. В дальнейшем тексте автор обозначает этим словом племенных богов киче: Тохия, Авилиша и Хакавица.

³ У-мамае — старцы. Х. Чонай оставляет это слово непереверденным. Так он поступает и в нескольких других случаях; в нашем переводе мы сохранили эту особенность текста Чоная.

⁴ В не изданной до сих пор рукописной «Истории киче» Хуана де Торреса поясняется, что потомки Копичоча и Кочохлана имели звания «экоамак», «эгоамаг» или «экомакиб», а потомки Махкиналона и Коканавиля — звания «какох» или «какохиб». Цитирую Х. де Торреса по: *Recinos A. The Annals... P. 170*.

⁵ Хотя в тексте говорится о четырех предводителях людей илока, дается список, состоящий из пяти имен. Возможно, что одно имя было ошибочно разделено при переписке на два.

⁶ Кирон-Какаль — «узел закутанного величия», то же, что Писом-Какаль.

⁷ Вук-амак (далее — вук-амак-текпан) — буквально «семь племен», хотя здесь же автор упоминает, что их было тринадцать. Брассер де Бурбур считал, что племена вук-амак — покомам и покончи (Popol Vuh. P. 207).

⁸ Хакавиц-Чипаль — по предположению А. Ресиноса, гора к северу от Рабиналя вблизи от главного притока Усумасинты р. Чешой (Resinos A. The Annals... P. 171).

Разделение народов

Здесь следует объяснение, почему народы разделились.

Четыре вождя первого племени собрались, и, взяв слово, Балам-Кице сказал: «Владыки Копичоч, Коканавиль, Махкиналон, вожди тамуба, и вы, Чийатох, Чийа-Цикин, Йолчитум и Йолчирамак, вожди илокаба, слушайте. Если это нравится вам, я скажу, что мы можем разделиться, но не навсегда, потому что в конце концов мы снова объединимся. Мы не нашли еще наших домов и полей; здесь, в этом месте Хакавиц-Чипаль, мы сделали не больше того, что повиновались голосу, который вел нас».

После того как это было сказано, племя тамуб сразу же оставило [эту местность] для горы Амак-Тан. Люди илокаба отправились к горе Укин, и с ними народы вук-амак; племя же, которым предводительствовали Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, осталось там, на горе Хакавиц-Чипаль.

Там они умножились, и там Балам-Кице породил Кокаиба и Кокавиба. Другие народы также умножались. Нахуаль или бог Балам-Кице был назван Тохилем, бог Балам-Акаба — Авилишем, бог Махукутаха — Хакавицем. Ики-Балам умер холостяком.

Там, в Хакавиц-Чипале, они жили многие годы, и там они впервые раскутали дар, который старый Накшит дал им, когда они ушли с востока. И этот дар был причиной того, что их боялись и почитали.

Случилось, что сыны народов вук-амак начали пропадать; никоим образом не было возможности найти тех, кто похищал и убивал их: «Может ли быть, — сказали они, — что сама гора, на которой мы живем, причиняет нам это зло?»

Они напрягали все свои силы, чтобы найти следы и расследовать их, но все, что они могли обнаружить, — были следы тигров и койотов и кровь, которые вели к святилищу нахуалей Тохия, Авилиша, Хакавица. Это было достаточным основанием для народов вук-амак; они решили убить наших отцов, Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха. Но как только Балам-Кице узнал об этом решении, он отправился сообщить это и посоветоваться с нахуалами, а они ответили и сказали: «Не печалься, как только будет известен день, в который враги нападут на вас, приди и сообщи это нам».

Когда наши отцы затем узнали день, назначенный для их убиения, они отправились и сообщили об этом нахуалам, а те сказали, что им делать. Враги вооружились луками, стрелами и другими орудиями войны. В первый раз война угрожала Хакавиц-Чипалю. Враги пришли, и после дневного перехода они устроили лагерь у подножия горы. Здесь их охватил такой глубокий сон, что они не заметили, когда наши отцы отобрали у них их луки, стрелы и все их оружие, а кроме того, и [отрубили у] них мизинцы и пальцы на ногах, так что, пробудившись, они увидели себя в таком постыдном положении, что [немедленно возвратились], пристыженные, домой.

Тогда народы вук-амак начали готовить другую войну. [У них] продолжало исчезать много сыновей, и это было причиной. Они [думали] также, что эти несчастья могли быть следствием поцелуев, которые они допустили, когда их дочерей просили для [брака]. Они объявили войну и назначили день, а наши отцы, узнав об этом, отправились посоветоваться с нахуалами, и те ответили: «Сделайте двенадцать деревянных чучел, вооруженных луками и стрелами и всем тем, что вы отобрали в прошлый раз у противников, устроив так, разместите их на холмах, по порядку, как будто они собираются нападать. Возьмите четыре больших кувшина; наполните их — один шершнями, другой маленькими осами, третий змеями и последний жуками — и поставьте между каждым чучелом по кувшину».

Они использовали эту уловку потому, что по сравнению с тринадцатью народами вук-амак племя, над которым главенствовали Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутаха, было маленьким. Народы [вук-амак], уверенные из-за своей численности, решили устроить нападение и убить наших отцов. Но последние, будучи хорошо наученными [нахуалами], использовали свои заклинания, чтобы создать облака, гром, молнию, град, землетрясение и другие явления, сопутствовавшие чучелам. Тем не

менее враги напали, но наши отцы поместили чучела в боевом порядке, и враги стреляли в них, пока не утомились. Тогда женщины, жены Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха, открыли кувшины с змеями и осами, которые, добравшись до врагов, одних заставили бежать, бросив оружие, а других убили. Наш народ ограбил их. Так закончилась первая война; с того времени наши предки приобрели славу необычайных и доблестных людей.

Вот имена вражеских вождей: Роцхаиб, Кибаха, Ушаб, Баках и Кебацунуха. Они встретились снова, чтобы в третий раз совместно посоветоваться, каким образом они могут убить наших отцов: Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха. Они выведали, что через каждые семь дней наши отцы отправляются купаться к одному источнику с теплой водой, и сказали: «Может быть, они могущественны и как бы наполнены божественным огнем потому, что не знают других женщин? Давайте выберем и украсим трех прекрасных юных девушек: если они полюбят их, то их нахуали возненавидят их, и, когда они будут лишены этой помощи, мы сможем убить их».

Когда замысел был одобрен, они выбрали трех прекрасных девушек¹, украсили их, снабдили благовониями и посоветовали им, что они должны делать в купальне. Когда Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах прибыли, юные девушки сказали им:

— Бог да хранит вас, владыки и вожди этих высот! Наши отцы и владыки приказали нам приветствовать вас от их имени и повиновать-ся всему, что вы пожелаете приказать нам. Или, если у вас будет желание жениться на нас, мы будем счастливы и согласимся. Так сказали наши отцы Роцхаиб, Ушаб, Кибаха и Кебацунуха.

— Хорошо, — ответил Балам-Кице, — но лучше вы скажите вашим отцам, что вы не видели нас или не говорили с нами.

— Этого не может быть, — возразили девушки, — потому что наша задача — поговорить с вами. Наши отцы сказали нам: «Принесите доказательства, что вы действительно говорили с теми владыками, к которым мы вас посылаем, иначе вы будете жертвами нашего гнева». Имейте к нам сочувствие, дайте нам какое-нибудь доказательство, что мы сделали так, чтобы мы не погибли.

— Тогда подождите доказательства, какое мы можем дать вам, — сказал Балам-Кице.

И он отправился посоветоваться с нахуалиями и, объяснив им положение вещей, сказал:

— Возвестите же нам, о Тохиль, Авилиш, Хакавиц, что мы должны делать или какое доказательство мы можем дать этим юным дочерям народов вук-амак?

— Возьми три покрывала, — ответил Тохиль, — на одном нарисуй осу, на другом — орла, а на третьем — тигра; дай их девушкам и скажи им, что это доказательство, а также подарок, который вы посылаете для главных владык этих народов.

Разрисовав три белых покрывала, Балам-Кице дал их девушкам, имена которых были Пуч, Тас и Кибацунах. Они, очень довольные, возвратились к своим владыкам и сказали им:

— Мы исполнили порученное нам, и в доказательство вот подарки, которые эти владыки посылают вам.

Очень довольные, принцы вук-амак исследовали подарки, распределили их и немедленно накинули их на себя, но нарисованные [звери] тотчас ожили и стали так мучить владык вук-амак, что они сказали своим дочерям:

— Адские женщины, что это за бичи вы принесли нам?

Так была сокрушена вражда, поднявшаяся против наших отцов. Так все их враги стали бояться и почитать их. Это было там, в Хакавице, там наши отцы показали достоинство и величие, в которое они были облачены, и там они жили долгое время.

¹ «Пополь-Вух» (часть IV, глава 2) упоминает только двух девушек: Штах и Шпуч. Вместо праотцев киче (как в «Родословной») перед ними появляются божества: Тохиль, Авилиш и Хакавиц.

**Об общественных должностях,
достоинствах и почестях**

Когда Балам-Кице поразил своих врагов и получил мир, он сказал: «Наступило время отправить посланников к нашему отцу и владыке Накшиту; тогда он узнает положение наших дел, тогда он снабдит нас средствами, так что в будущем наши враги никогда не смогут победить нас; тогда они никогда не преуменьшат знатности нашего рождения, тогда он назначит почести для нас и для всех наших потомков и тогда, наконец, пришлет общественные должности для всех, кто заслуживает их».

Это решение было одобрено другими вождями; они пытались избрать лиц, достойных такого поручения, и большинством голосов были избраны Кокаиб и Кокавиб, оба сына Балам-Кице.

Получив эти наставления, Кокаиб отправился на восток, а Кокавиб — на запад. Кокаиб следовал по своему пути, пренебрегая опасностями, пока не выполнил [возложенное] на него поручение. А Кокавиб, встретив какие-то затруднения на берегах озера Мехико¹, возвратился, не сделав ничего. Обнаружив затем слабую душу, он недозволенно познал свою невестку, жену Кокаиба. При таких обстоятельствах до Хакавиц-Чипала дошел слух о приближении Кокаиба, нагруженного общественными должностями и почестями.

Эти новости огорчили Кокавиба, который сказал: «Было бы лучше, если бы я повесился на дороге, по которой я возвращался; тогда бы принц Кокаиб, прибыв [сюда], не узнал, что случилось из совершенного мной поступка!»

Кокаиб прибыл и дал отчет в своем поручении. Он доставил звания ах-попа, ах-цалама, цамчинимиталья и многие другие; он показал отличия,

которые должны сопровождать эти звания, а это были когти ягуаров и орлов, шкуры других животных, а также камни, палки и другое.

Вожди поздравили Кокаиба и проводили его до его дома. Когда он увидел, что в его отсутствие родился ребенок, он сказал своей жене:

— Чей это ребенок? Откуда он появился?

— Он — твоей крови, — отвечала женщина, — твоей плоти и твоих же костей.

— Раз это так, то я не буду ненавидеть его, я, наоборот, возложу на него почести.

И, взяв колыбель ребенка, Кокаиб сказал:

— С сегодняшнего дня и навсегда этот ребенок будет называться Балам-Коначе.

Так начался ствол дома Коначе и Истайуль, и здесь также начало звания и должности ах-поп-камхайль, второго звания дома Истайуль.

¹ А. Ресинос полагает, что Кокавиб спустился вниз по течению р. Усумасинты и достиг лагуны Де Терминос, которая называется здесь озером (*Resinos A. The Annals... P. 176*). Вполне возможно, однако, предполагать, что второй посол киче достиг озер Центрального Мексиканского плато.

**Другое странствование
на восток**

Слушайте, что я собираюсь рассказать, что я собираюсь объявить, я, Диэго Рейносо, пополь-винак, сын Лахух-Ноха¹.

Великие люди, мудрые люди, доблестные люди решились на второе путешествие на восток. Этими людьми были Кокаиб, Кокавиб, Коакуль, Акутек и вскоре после ним-чокох-кавек, который позже имел звание чокохиль-тем. Когда они достигли местопребывания Накшита, там, где поднимается солнце, они разъяснили свое поручение. Накшит принял их, благосклонно выслушал, подарил им то, что они просили, и дал много других знаков отличия, которые должны были носить [люди], получившие звания, и другие достойные лица. Кокаиб и его товарищи возвратились радостные из своего счастливого путешествия и, когда прибыли в Хакавиц-Чипаль, показали все знаки и символы, которые они доставили с собой. Они объяснили, как и какие знаки отличия должны сопутствовать носителям званий.

Владыка, который должен был впредь с этого времени иметь звание ах-попа, обязан был употреблять четыре балдахина и арку. Владыка ах-поп-камха — три, и так же с другими. Вновь созданные звания были: калель-тем, ацивинакиль-тем, ним-чокохиль-тем, кале-йамхаиль-тем, нима-йамохаль-тем, четыре ах-тохиле, три чокохиб, три уцам-поп, три йакольха и поп-камха. Лица, которые получили эти должности, обязаны были сопровождать короля киче, который в знак почета также имел все эти звания.

¹ О личности Диэго Рейносо см. послесловие; пополь-винак — почетное звание у древних киче.

О генеалогии Балам-Кице. Страх нахуалей и странствования народа киче

Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах, после того как они были возвеличены и украшены новыми почестями, весьма наслаждались в Хакавиц-Чипале, где они претерпели многие трудности и где также умножились, потому что все они имели помногу детей.

Балам-Кице породил Коцаха и Корашонамака. Коцаха породил Цикина, последний породил Ахкана, который породил Кокаиба и Кокавиба. Кокаиб имел пять сыновей, каковые суть Кехнай, Койой, Шмаикех, Чокой и Кокамаль, и все они назывались Ахкан. Кокавиб породил Балам-Коначе, который взял своей женой прекрасную Ципитабан.

Когда они были весьма неподготовлены, нахуали заговорили и сказали Балам-Кице и другим вождям: «Перед тем как поднимется солнце, перед тем как наступит заря, возьмите нас из этого места и спрячьте в другой глубокой горе, а если вы не сделаете этого, вы, без сомнения, погибнете. Отправьтесь туда и спрячьте нас; вы можете [там] советоваться с нами. Спешите, спрячьте нас, перед тем как засияет солнце, перед тем как появится другая луна, перед тем как засверкают другие звезды».

Испуганные вожди повиновались. Тохиль, бог Балам-Кице, отправился к холму, названному с тех пор Па-Тохиль, где жили три пары орлов, три пары змей и три [пары] гадюк-канти¹. Бог Балам-Акаба отправился к холму, который стал называться Авилиш; бог Махукутаха отправился вверх, на высоту и ширину самого Хакавица. Когда показалась утренняя звезда, когда начали петь маленькие птицы и когда

поднялось солнце, боги были уже на своих положенных им местах, и, обернувшись лицом к звезде дня, они воздали хвалу. Вожди отправились к своим богам и, вынув курения с различными запахами, поднесли им, говоря: «Дважды и трижды мы благодарим вас, творцы всего, что окружает нас, мы благодарим вас, потому что снова увидели солнце — и надеемся увидеть его еще много раз — и звезды. А ты, наша древняя страна Тулан-Сиван, где находятся наши братья, прими наши клятвы». Так говорили они, сожигая благовония. И дымок от них поднялся сперва прямо, показывая, что они были приятны великому богу, а затем склонился по направлению к солнцу, показывая, что эти приношения и эти клятвы, рожденные в тайных местах сердца, достигли присутствия нашего отца Накшита.

Когда они выполнили эти обязательства, они погрелись на солнце и затем собрали всех вместе. Балам-Кице сказал другим: «До сих пор мы выполняли наши обязанности целиком для вашего блага, — сказал он, — мы оставляем вас покрытых почестями, свободными от врагов; они, испытав вашу храбрость и узнав о вашем превосходстве, всегда боятся вас. Храните драгоценный дар, который наш отец Накшит дал нам; он будет еще полезен, потому что мы еще [не] достигли местности, в которой мы должны поселиться. Порождайте сыновей, достойных званий ах-попа, ах-попа-камха, калеля, ацивинака и других; творите сыновей, полных огня и величия, которым наш отец Накшит наградил нас; заботьтесь о ваших матерях. Мы же, кто были до сих пор вашими вождями и предводителями, смертны; мы скоро исчезнем!»

Так сказал Балам-Кице. И они хорошо провели этот день и оставались в добром здравье, но когда наступила заря, их уже больше не существовало; они исчезли, и никто не знал как. Но не пугайтесь, услышав это, потому что сыновья Балам-Кице, Балам-Акаба и Махукутаха приняли имена своих отцов.

Не зная, как это случилось, они обнаружили, что находятся со всеми своими детьми в горах, там же, где находились и боги. Благодаря этому удивительному происшествию, эти холмы были названы с того [момента] Сакирибаль-Тохиль — первый, Сакирибаль-Авилиш — другой и Сакирибаль-Хакавиц — третий².

Здесь, на этих холмах, они построили дома и жили некоторое время. После этого они все собрались на [горе] Па-Тохиль, а [затем], оставив ее, прибыли в местность, которую они называли Чи-Кибакиха. Там они оставались некоторое время, всегда храня у себя дар Накшита, терпя

нужду и перенося недостатки. Они оставили эту местность и пошли в другую, которую они называли Чиваих, несомненно из-за голода, который они [там] терпели³. Ибо они жевали палки, чтобы поддержать себя там. Они построили большие хижины. Они оставили эту местность и прибыли в Пакаха-Шехойен. Там они воздвигли несколько зданий и оставались некоторое время.

Пятая стоянка [как они называли ее, не говорится]. Они пришли к местности, [называемой] Барабик-Чум⁴, здесь они остановились на несколько дней. Из Барабик-Чум [они передвинулись] в Памбилиль-Панцокан, здесь они также остановились на некоторое время и питались личинками ос и жуков⁵.

Восьмая остановка, которую они называли Тиках-Чалиб; они строили дома. Из Тиках-Чалиба они пошли в Тибаци, они построили дома и пострадали от страшного урагана.

Десятое место, которое они называли Хобалам-Кана-Улеу; [в нем] они оставались некоторое время.

Двенадцатое место, которое они называли Йамримба. Из Йамримба они пришли на место, которое они позже называли Чики-Туха, потому что они узнали, что там живет человек. Они действительно нашли его охотившимся за перепелкой. Захваченный врасплох предводителями, он сказал:

— Не убивайте меня и ничего со мной не делайте!

— Каково твое имя и что ты здесь делаешь? — спросил Балам-Кице.

— Они называют меня Котуха, — ответил старик, — а я охочусь за перепелкой!

— Хочешь присоединиться к нам? Мы смотрим на тебя как на брата!

— Я с удовольствием принимаю вашу любезность, — сказал Котуха.

— Хорошо! Тогда с сегодняшнего дня ты наш брат и товарищ, — сказали предводители, — твоим будет место и все почести и превосходство Ики-Балама, умершего в этих странствиях, и ты будешь товарищем Махукутаха.

И он был признан за такового всеми; вот как восполнилось число четырех предводителей, пришедших с востока.

Там они нашли также камень, подобный тому, который Накшит дал им. Там, в Котуха или Цутуха⁶, они оставались долгое время. Из Котуха они отправились в Чуви-Кабаль; [здесь] они построили дома

и находились долгое время. Из Чуви-Кабаль — в Йамукутурашо; там необходимость принудила их есть личинки ос и других насекомых. Из Йамукутурашоха они пошли в Чильцарерб. Там они воздвигли дома и терпели нужду, хотя позже они нашли способ сеять кукурузу, удовлетворявшую их потребности. Они оставались [там] долгое время. Из этой местности они пришли в Калемиаль-Кукурабах, бесплодное место, и страдали там от голода и жажды. Из Кукурабаха они пошли в Паче-Чикохон; там наши отцы оставались долгое время.

Из Чикохона — в Чи-Кабавиланик. Они называли это [место] так потому, что камень Накшита, который они использовали для своих заклинаний, был полезен им. Здесь они оставались долгое время, [находясь] под руководством четырех предводителей. Здесь они занялись охотой на оленя, кровь которого они подносили нахуаю Тохилю; там же они использовали и свои заклинания, принужденные к этому следующим случаем.

Когда они обезглавливали одного из своих оленей, мимо проходили двое людей из горцев, с которыми, как это было установлено позднее, вражеские племена, называвшиеся вук-амак, были уже знакомы. Эти двое людей сказали:

— У кого это вы отрезаете голову? Наверное, это один из наших товарищей. Мы будем мстить!

Наши отцы ответили:

— Хорошо, мы принимаем вызов!

Там же появился замаскированный человек, которого они, естественно, приняли за разведчика, потому что он был покрыт с головы до ног ушами какого-то животного. Старые враги Ах-Цалакан и Ах-Тибильшат приняли участие в споре. Наши предводители приказали, чтобы следы разведчика были прослежены. Их проследили и [увидели], что вражеские силы окопались на горе, которую наши люди называли «Горой дыма» из-за того, что из нее постоянно шел дым.

Когда нахуалям сообщили об этом, они отправились туда и с помощью своего искусства создали два новых ливня, громы и молнии, разразившиеся над противником. А враги, услышав такой страшный шум с нашей стороны, в ужасе бежали. В первый раз [в жизни] сам Котуха испугался.

Двадцатая остановка. Оставив Котуха, они пришли на место, которое они называли Чи-Хумет, потому что там было большое изобилие известняка и потому что они построили из него свои жилища. Они

нашли [там] несколько банановых деревьев⁷ и маленьких птиц. Но, несмотря на это, они терпели в этих горах большие трудности. Из Чи-Хумет они отправились в Кульба-Кавиналь. Здесь они также воздвигали дома и строили хижины. Там они и встретили тех, кого называли акааб⁸. Эти [люди] сказали Балам-Киче, Балам-Акабу, Махукутаху и Котуха: «Вы наши дедушки, наши отцы и наши вожди». Они стали почитать нахуалей, приносили им в жертву небольших птиц и таким образом объединились [с народом киче].

Наконец они [киче] пришли к месту, которое они называли Чи-Исмачи. К тому времени, когда это случилось, король Балам-Киче имел многих сыновей и внуков, и мы, люди Кавека, очень умножились, так же как и люди Нихайиб, потомки Балам-Акаба, и киче, сыновья и внуки Махукутаха. Здесь они провозгласили звания и должности, созданные Накшитом; здесь Котуха был публично признан как принц и владыка, получив звания ах-попа и ах-попа-камха; здесь же было дано звание ах-попа-камха и Истайулю, сыну Коначе.

Должности, которые должны были, согласно инструкциям Накшита, иметься в государстве, были следующие: ах-поп, ах-цалам, цамчина-миталь, калель-тем, ах-ци-винак, накель-туй, ним-чокохиль-тем, калель-кан, хантуй, нима-камохиль-тем, ах-тохиль, чокохиль, уцам-поп, йаколь-ха и поп-камха. Все эти звания и почести имели свои эмблемы, а такими были когти ягуаров, пумы, орлов и так далее. Таковы были знаки отличия и почести, возведенные и дарованные там, в Исмачи, все в согласии с наставлениями Кокайба, доставленными с Востока. После этих действий они воздали за все хвалу богу, творцу всего, что ограничено небесами и землей; они воздали хвалу солнцу и луне, звездам, и в особенности звезде, возвещающей день. Они воскурили благовония и с печалью вспоминали свою старую родину, братьев и родственников, оставшихся там, на другой стороне моря, в Сиван-Тулане.

Когда они исполнили эти обязанности, то развеселились, запели и наконец стали пьяными из-за перебродившего меда, который они находили обычно на деревьях. Тогда они начали предлагать своих дочерей, которых они выдавали замуж с определенными церемониями и несколькими глиняными кувшинами белого батидо⁹, к которым [прибавлялась] корзина с маленькими авокадо, нога дикой свиньи и маленькие пироги, завернутые в [листья] и перевязанные побегами. Таковы были [свадебные] подарки, и после этого брак считался заключенным.

¹ Канти (canti) — разновидность ядовитых змей, *Trigonosephalus specialis*, по Ресиносу (*The Annals... P. 179*).

² *Zakiribal-Tohil* — «заря Тохиля», *Zakiribal-Avilix* — «заря Авилиша», *Zakiribal-Hacavitz* — «заря Хакавица».

³ *Vaih* — «голод».

⁴ *Barabic-Chum* — буквально «глиняные косогоры».

⁵ Фуэнтес-и-Гусман сообщает, опираясь на рукопись киче Франсиско Калель Исумпана (1561), что в Памбилале киче нашли три кукурузных стебля, с которых и получили семена для дальнейших посевов (*Recinos A. The Annals... P. 180*).

⁶ Согласно «Пополь-Вух» (часть IV, глава 11), Цутуха (*Tzutuha*) было именем не поселения, а большого здания, находившегося в Кахбаха.

⁷ По мнению многих исследователей, банан появился на территории Америки задолго до экспедиции Колумба. См.: Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. М., 1950. С. 457—458. Возможно, конечно, и другое: Хосе Чонай, не зная, как перевести название какого-то растения с языка киче, употребил слово «банан».

⁸ По предположению А. Ресиноса (*The Annals... P. 183*), имеются в виду жители местности около р. Чишой, расположенной к северу от Сакапуласа и к западу от Рабиналя.

⁹ Батидо — опьяняющий напиток, изготовлявшийся из кукурузы и какао. Иногда для аромата добавлялись цветы дерева *orejuela* (*Recinos A. The Annals... P. 184*).

Женитьба Котуха и другие события

Имелось три группы киче, а именно группа кавик, группа илок и там, [все они] находились в одной местности, Исмачи, на недалеком расстоянии друг от друга. У всех них были те же самые обычаи, один и тот же образ жизни и язык.

И вот Котуха, желая жениться на дочери владыки народа, называвшегося малах, послал двоих своих людей. Их задачей было просить [его дочь ему в жены], согласно наставлениям Накшита. Он приказал им взять с собой нескольких кроликов и птиц, которых они должны были положить на горе, где жил владыка [народа] малах. [Котуха] предостерег [посланцев], чтобы они тщательно скрывались. Они так и поступили и два или три раза помещали кроликов и птиц на предназначенное место. [Посланцев] не видели, но и они не находили упомянутых выше животных, а всякий раз находили там куваль¹.

Когда наконец их увидели разведчики, то последние сказали выслеженным:

— Кто вы такие и что вы хотите? Может быть, вы посланцы Котуха-Кукумацеля?

— Это так, — ответили они, — мы послы владыки Котуха, и мы желаем говорить с вашим принцем.

Они проводили их. И когда были выпиты крепкие напитки — был обычай предлагать их в таких случаях, — владыка [народа] малах спросил, каково же было их поручение.

— Принц и владыка Котуха, — ответили посланные, — желает жениться на твоей дочери.

— Хорошо, — сказал владыка народа малах, — скажите Котуха, чтобы он посылал за ней, а как задаток возьмите для этого три кубка с батидо и хлеб.

Посланные возвратились с этим ответом, и тогда Котуха послал четырех ах-попов-камха, несших выкрашенные в желтый цвет носилки, красное петате и несколько каитес. Молодая девушка Хамаи-Улеу прибыла в Исмачи вместе со своей кормилицей. Владыка малах послал батидо из патасте и из какао, пакайас и гирналлас [фрукты], перец и несколько птичек. Это было сделано, чтобы испытать этих людей, но даже и так они могли не избежать возможных раздоров. Люди малах назывались также цутухиль.

К этому времени [туда] пришел народ, называвшийся ах-актукуль, он состоял из племен ах-цукке, ах-оанем, манакот, манасакепет, ванкох, йабакох и ах-цаколькех. Они поселились в горах и долинах цутухилей, и сыновья их умножились. Люди по имени ах-цикинаха желали досадить этим подданным Котуха, но когда двое из их предводителей — Текпан и Шудин — были побеждены и взяты в плен, то оставшиеся испугались и удалились прочь.

К этому времени владыка Котуха решил единодушно с владыкой Истайулем, что люди малах, как союзный [с киче] народ, должен получить почести. [Они также решили], что дадут этим племенам принцев и другие звания. Когда это намерение было одобрено, они дали им некоторые должности, такие как должность ах-попа, ах-попа-камха, алаи-туи и несколько других. [Это было сделано], чтобы оскорбить их врагов, в частности врагов, [живущих] у озера, которые желали обидеть их. Все это было сделано в Исмачи, где [киче] построили три больших белых дома.

К этому же времени мир и спокойствие, поддерживаемые владыками Котуха и Истайулем, были готовы нарушиться: те, кто был назначен как ах-поп-камха, явились источником и носителями огня разногласий. Они сказали владыке Котуха: «Принц Истайуль оскорбляет тебя; он говорит, что ты несчастный и что ты питаешься только отбросами, чикиринес² и другой дрянью, не подходящей для владыки». С другой стороны, Истайулю они сказали: «Принц Котуха оскорбляет тебя; он говорит, что ты бесполезный человек, что ты питаешься навозом, хрящами и мухами, а его пища, наоборот, состоит из хорошей свежей рыбы, горной форели и других вещей, достойных принца!»

Эти речи так оскорбили Котуха и Истайуля, что они были уже готовы взяться за оружие. Но когда причины были раскрыты и обманщики

выявлены, то они были преданы всеобщему позору. Затаив злобу из-за этого, ах-поп-камха организовал заговор, чтобы убить владыку Котуха в его купальне. Последний, когда его предупредили, расставил людей, и предатели были побиты камнями. Так огонь, начавший было распространяться, был затушен. Все это произошло в Исмачи, где [киче] значительно умножились. Владыка Котуха породил семнадцать сыновей, стволы и корни многих других домов и фамилий, которые названы Кика-Кависимах, Кикавиль-Винак, Текум, Истайуль-Винак, Тепепулька-Виамак. О потомках Балам-Кице было уже сказано [выше].

¹ Quival — драгоценный или полудрагоценный камень зеленого цвета. Этим словом киче обозначали и изумруд, и жадеит, и другие различные по твердости камни; отличительным признаком считался лишь интенсивный зеленый цвет. Астекское слово *chalchihuitl* имеет то же значение. Х. Чонай оставляет слово *quival* в тексте, не переводя его.

² *Chiquirines* — цикада, согласно А. Ресиносу (*The Annals...* Р. 186), ссылающемуся на рукописный словарь киче и какчикель Франсиско Барелы.

Последствия смерти Котуха¹. Встреча многих народов

Два года [спустя] после смерти Котуха Кика-Кависимах² начал большую войну с народами койахиль и улахиль, которые убили его отца, состоявшего в союзе с Текум-Тепепулем. Тепепуль, когда [к нему] пришли тринадцать владык этого народа, убил их, раскроив или расколов их головы. Так было предсказано Котуха, и поэтому Кика-Кависимах должен был отомстить за его смерть. Очень хорошо было бы направить огонь на любого [врага], существующего на земле. Это событие дало повод для устройства большого праздника, чтобы решить, что должно быть сделано, потому что тринадцать народов вук-амак и многие другие начали уже мстить. Для этой цели боги тама и илока были доставлены в то место, Исмачи-Киче. С богом тама прибыли кале-тем, ах-потем, кале-цакох, шакох-иколь и ах-тунала. Пришедшие с богом илока были калель-рошче, люди из Сиха, лольмет. Владыка Татеаха прибыл также, а с ним люди Рабиналя, далматин и ах-поп-каль.

Враждебными народами были ах-поцоциль, ах-пошахиль, ах-бака-холь, какакуч, ухубаха и чималаха. Прибыли [племена] ах-каб-балами-ха, кабалькаль, кумац; прибыли также налитиха, ах-кибаха, ах-кула-киче, ах-кабовиль, ах-по-цолола, ах-пова, ах-по-булаша, ах-по-рунум, ах-посаккучак, балам-утиу, ах-по-коче, ах-по-тулаха, ах-покон, ах-по-туктум, ах-по-хум, ах-пуале, уканай и лольмет-куминай.

Все это были народы, пришедшие из Цикинаха, люди озера, а также старые враги [киче] вук-амак, последние были те, кто покрывал себя большими кусками кожи, [с ними пришли] также тринадцать принцев с преспехос тех, кто убил Котуха. Они пришли в Исмачи, чтобы

совершить свои обряды, выказывая те чувства, которые они питали к тем, кто был убит по приказанию Кикаба-Кависимаха.

Они начали свои обряды и песнопения, повертывались кругом и использовали все инструменты, которые доставил для этой цели туда один из ах-поп-цах. Когда эти церемонии были окончены, они выстрелили и ранили Кикаба-Кависимаха и всех тех, кто имел эмблемы и знаки отличия, таких как ах-поп [который имел четыре эмблемы], ах-поп-камха [который имел три эмблемы], нима-рах-поп-ачих [который имел две] и чути-рах-поп-ачих [который имел одну эмблему]. Все это случилось в этом месте, Чи-Кумаркаах-Исмачи.

Девять великих ветвей произошло из дома принца Кокайба, это были многие владыки, называемые кавикиб-кикабиль-винак. Девять других великих ветвей произошло из дома принца Нихайиб; четыре великие ветви из дома принца [Ахау-]Киче Махукутаха. Две великие ветви от владыки Сакик-Котуха. Всего было двадцать четыре принца и владыки киче.

Званий у этих домов было четыре, а именно: ах-поп-кикабиль-винак, ах-поп-камха, нима-рах-поп-ачих, чути-рах-поп-ачих, кикабиль-винак. Они были также из семьи Лахун-Хо, товарища Кикаб-Кависимаха, женой которого была Рокчах, все эти ветви произошли от нее.

Когда они уже намеревались и решили оставить местность Исмачи, старые вожди и предводители выбрали и отдали публичные должности другим владыкам, чтобы они могли иметь трон в различных местах, которые они занимали, и были бы вторыми вождями. Итак, они избрали девять [человек], которым они дали звание ах-цалама, девять других со званием рах-поп-ах-цалама и девять со званием уцам-чинамиталь. Они дали эти должности, когда собрались в одном доме полным советом; они избрали этих великих владык, которые должны были стать вождями земель, которые они намеревались занять.

¹ «Здесь страница рукописи, безусловно, потеряна, так как о том, как и когда умер Котуха, ничего не говорится» (Х. Чонай).

² Согласно «Пополь-Вух», Кикаб и Кависимах были различными лицами; первый был правителем — ах-попом; второй — заместителем правителя — ах-попом-камха.

Экспедиция вновь выбранных вождей, назначенных акалелем и ах-попом. А их было тринадцать из Кулаха, двенадцать из Цихбачах и восемь из тех, кто назывался цалам-коштум¹

Когда новые вожди во главе бесконечного количества людей уже были готовы отправиться [в путь], старые вожди обратились к ним со следующим увещанием: «Наши сердца взволнованы, видя, что вы отправляетесь, но вы не должны обращать на это внимания. Мы передали вам нашу доблесть, вы — наша надежда. Отправляйтесь, ищите и подчиняйте все враждебные народы, сражайтесь с [людьми] ах-посоциля, ах-пошахила и ах-порамонера. Покажите доблесть и стойкость во всех опасностях, помните, что от вас зависит счастье такого большого количества людей. Идите же, внимательно осматривайте и захватывайте в собственность те горы и долины, которые понравятся вам!»

После того как это было сказано, они обнялись и попрощались друг с другом. Они взяли свое оружие и отправились. Это были люди, которые ничего не домогались, они не стремились ни к каким должностям или почестям, которые были возложены на них. Они были выбраны за их известное мужество и бескорыстность.

Оставив Киче-Чи-Исмачи, они пошли к местности, которую назвали Икийак, а оттуда — в Чинкаца. Здесь они поднялись [на гору] Хокоб-Каналек, где жили некоторое время. Из Каналека [они отправились] в Пацам-Каккик, оттуда — в Чайбальмет-Какикиль, который называется также Хойамканак. Они разделились, чтобы лучше обследовать горы и поля, и люди из Цихбачаха остались здесь, где они воздвигли здания. А [другие], перед тем как уйти, выбрали тринадцать калелей и тринадцать ах-попов племени калах. Оставшиеся там увеличились в численности, они избрали двенадцать калелей, двенадцать ах-попов и двенадцать у-калечих-рах-поп-ачихов племени цихбачах.

В одной местности они закутали свои ноги, и поэтому они назвали ее Эсухулакан. И они разделили ее на три части: одну часть для кикабиль-винак, кикаб-нимайас и тепепуль-кикабиль-винак, другую для кале-нихайиб, ах-цдивинак-нихайиб, а третью — для владыки киче.

Восемь цалам-коштумов и сиха, а также люди йохоут балкин сабаче взяли направление прямо вперед, пока не дошли до Пашаш-Тумпека, а затем вскоре пришли к местности, которую назвали Субит. Здесь они построили дома, и чути-сабаче и нима-сабаче остались там, а йохоут двинулись дальше, вперед.

Они следовали за каксай, которых мы теперь называем ах-самайаке. Люди тама, люди илока и люди Нихайиб уже встретились, и число мужчин дошло, вместе с людьми сиха, до семи тысяч. Так как теперь собралось много [людей], то они избрали других калеля и ах-попа. Двенадцать цихбачах, остававшихся в Хойаме, также пришли, чтобы разведать, некоторые остались там.

Вождями этих семей цихбачах были: первый — ахау-ах-поп-кикабиль-винак-нимайа, второй — ахау-ах-поп-калель-нихайиб и третий — ахау-ах-цик-винак ахау-киче.

Из упомянутых выше местностей они отправились в Рашчи; оттуда — в Мучулик-бак, в Омуч-Кахолаб. Из Омуча — в Чопикнам, оттуда — в Кашон, оттуда — в Кенбанаб, у подножия горы, оттуда — в Навала, затем к горе Чутун-Абаль, оттуда они прибыли в Савальшу-кукаб. Оттуда они направились в Панкиш или Шолтаканабах, в Куль-кульпек и снова в Чичиль, в Чикичаких-Чо. Оттуда они направились прямо к горной вершине или пику Цихбачах-Цактинамит.

Первым и главным предводителем был именовавшийся ах-йиккаль-нимайак-йашом-балам-кавек-кикавинак. Вторым — калель-пихайиб-ах-цдивинак, принц киче.

Они были первыми оставившими Киче-Исмачи, чтобы исследовать и захватить во владение все упомянутые земли. Они достигли местности, называемой Микина-Цикиче-Па-Буааль-Сахок. Оттуда они отправились и исследовали местность Сакмала, они поднялись на Кушликель, а оттуда [двинулись] к местности Чуиакикин.

У Кикаба было пять сыновей: Шитапуль, первый, второй — Кам, третий — Искет, четвертый — Йаму, а пятый, именовавшийся Каниль-Шитапуль, отделился от других братьев, которые поселились и построили дома в Чувистока и в Чукуа. Они были там, когда пришел слух об Альварado.

Когда Кикаб-Кависимах оставил Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, когда он оставил Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, тогда он отправился, сопровождаемый тремя из Кулаха и двенадцатью цихбачах. Это было [время], когда сила и могущество Кикаба-Кависимаха, предка и отца нашего, людей Кавек, достигло вершины. Тогда он обошел кругом все горы и долины и все земли и участок, где [находился] Киче-Исмачи, в котором он так долго пребывал. И оставя его, он двинулся по направлению озера Лемоа², на берегах которого [все племена] собрались и определили путь, который надлежит взять каждому.

Новые предводители взяли тот путь, о котором говорилось, а Кикаб-Кависимах, поднявшись с берегов этого озера, двинулся к месту, которое они называли Какиш-Канше. Взяв во владение эту местность, он отправился в Пабаль-Абах, оттуда в Чакашак, а из него в Чи-Капох, где он встретился с теми, кто избрал другой путь. Когда они осмотрели [эту местность], то изменили свой путь и отправились из Чи-Капох в Цамцола и Пекбалам-Абах. Поллиги было для людей апотохила, а другая часть для людей Кикаба. Он пришел к вулкану Чоихуйуб, оттуда в Хукбайках, в Цанкана-Улеу, оттуда в Чуа-Наранхос. Когда он прибыл в Мукуликрикат, то отправился с людьми, называвшимися йаки, в Сейба Инуп, оттуда в Маколабах-Табаламин, где Кикаб-Кависимах оставил людей из Кулаха и Цихбачах.

Он отправился в Кахакалькат-Нахуаль, около впадения или устья [реки] Самала, оттуда в Сиван, а затем, сопровождаемый всеми могучими воинами, прибыл к устью Реве, руке моря. Здесь было закончено измерение земель, которые должны были занять йаки. Они посадили там два дерева: одно — служившее пограничным знаком для йаки и другое — для жителей Айутар и масатеков. Пограничными знаками земель тех, кто назывался какулебал, были Канчивиес и Какалиш.

Девять месяцев оставался здесь Кикаб, наш истинный предок и отец наш, людей Кавека. Все это время, когда он вел народ, он показывал свое мужество и талант, совершая удивительные чудеса. Границами для тех, кто называется акааб, были Кошомшак, Вейатио, Кабалцям-Киче, Лаканабах, Пайаки и Акашокакут.

Здесь конец измерений.

Теперь, двадцать восьмого сентября 1554 года, мы подписываем это свидетельство, в котором мы написали то, что по традиции наши предки рассказали нам, [наши предки], которые пришли с другой стороны моря, из Сиван-Тулана на границе с Вавилонией.

Мы, перворожденные Кавека, подписываемся, мы, потомки Балам-Киче.

Хуан де Роса Кикаб.

Диэго Гарсия Читуй.

Хорхе Нихайиб.

Диэго Перес Ах-Кукумац.

Хосе Перес, владыка киче.

Кристобаль Фернандес Нихайиб.

Кристобаль Веласко Ним-Чокох-Кавек.

Хуан Лукас Ах-Тохиль.

Педро Шикицаль Шепек.

Кристобаль, писец муниципального совета.

Подписываемся мы, главные киче, Кавикиб, Нихайиб, владыка киче, Ах-Тохиль, Кукумац, Читуй и Кехавай³.

Я, Хосе Кордес Кикаб, подписываю это свидетельство Кикаба-Нимайаш.

Я, Хуан де Роса Кикаб, подписываю это свидетельство ах-попа.

В Тотоникапане.

¹ «Эта глава соответствует двадцать девятой странице рукописи» (Х. Чонай).

² Лето — «зеркало» на языке киче.

³ Кехавай — возможно, Кехнай.

1

В 1523 г., спустя несколько лет после завоевания астекского * государства Эрнандо Кортесом, один из его сподвижников, Педро де Альварадо, во главе большого военного отряда вторгся в соседнюю с Мексикой страну Гватемалу. Подражая своему бывшему командиру, Альварадо собирался взять в плен индейского правителя страны и, подчинив Гватемалу себе, стать независимым от Кортеса повелителем новой испанской колонии.

Политическая ситуация в Гватемале, хотя и несколько отличавшаяся от положения на Мексиканском плоскогорье, благоприятствовала завоевательным планам Альварадо. В нагорной части Гватемалы к этому времени имелось несколько самостоятельных индейских государств, основанных родственными между собой по языку народностями, принадлежавшими к одной большой лингвистической семье майя. Большую часть этой территории Гватемалы, от берегов Тихого океана до лесных чащ Петена, занимало государство киче, к западу от него находились

* К моменту испанского завоевания главенствующей народностью на Мексиканском плоскогорье были астеки (самоназвание *azteca*, т. е. «люди из Астлана» — мифической прародины народов нахуа). Так как первые работы по американистике на русском языке были переводами с немецкого, то установилась неправильная транскрипция многих индейских этнических и географических названий (буква *z* передавалась в ее немецком произношении, отсюда *ацтеки* вместо *астеки*, *цapotеки* вместо *сапотеки*, *Несахуалкойотль* вместо *Несахуалкойотль* и т. д.). В настоящее время в литературе по американистике введено написание, соответствующее действительному индейскому произношению аборигенных слов.

поселения индейцев мам. Восточнее киче располагались старинные соперники их — какчикели. Около озера Атитлан жили цутухили, а в горах, окружающих другое озеро — Атититлан, — покомам. Наконец, северную часть этой области занимали племена кекчи и покончи. Такая разьединенность страны и враждебные отношения, существовавшие между отдельными индейскими государствами, оказались на руку завоевателям и были полностью использованы Альварадо.

Услышав о появлении испанцев, какчикели отправили к ним послов и поспешили заключить дружественное соглашение против своих врагов киче. Альварадо, сразу же оценив возможности, которые предоставляло ему это соглашение, двинулся против киче, включив в свое войско отряды какчикелей. После ожесточенных битв у Шелахуха (совр. Кесальтенанго) и столицы киче Утатлана огромная армия последних была разбита, предводители подверглись пыткам и были замучены, а государство киче перестало существовать. Так испанское господство утвердилось в самом сердце страны.

В последовавших затем походах Альварадо подчинил владычеству испанской короны государства цутухилей и мамов, племена покомам в горной области Мишко и пипилей на Тихоокеанском побережье. Все они яростно боролись за свою независимость и были подчинены лишь после отчаянного сопротивления. Какчикели торжествовали: они одни остались свободными и союзниками победителей. Но радость их была недолгой: расправившись со всеми остальными, испанцы взялись и за какчикелей. После долгой и кровавой борьбы, продолжавшейся более трех лет, какчикели, против которых сражались не только сами испанцы, но и все покоренные ими племена, были вынуждены сложить оружие. Этим событием (январь 1528 г.) завершилось завоевание Гватемалы испанцами. Но для индейского населения страны окончание завоевания было началом новых мучений. Громадные подати, всяческие насилия, сожжение непокорных на кострах, работа на строительстве церквей и дорог, на золотых россыпях, дань детьми — все эти ужасы, сразу обрушившиеся на покоренных, вызывали неоднократные восстания, жестоко подавлявшиеся. Памятники древней культуры беспощадно уничтожались завоевателями как «козни дьявола»; сперва этим занимались невежественные испанские солдаты, а затем явившиеся им на смену «проповедники слова Божьего» — католические монахи. На площадях вновь основанных городов, возникших на месте бывших индейских центров, по приказу епископов сжигались древние рукописи, сообщавшие о мифах и истории

данных народов. Изображения божеств раскалывались на мелкие куски; изделия из драгоценных металлов переплавлялись в слитки, чтобы наполнить казну короля Испании и католического духовенства. Словом, делалось все, чтобы индейские народы Гватемалы забыли свое прошлое и безропотно сносили гнет белых пришельцев. Такую же точно картину современник мог бы увидеть в любой другой завоеванной испанцами американской стране.

Следует ли после этого удивляться, что до нашего времени дошли только лишь ничтожные обрывки фольклорных и литературных произведений народов доиспанской Америки? А судя по сообщениям тех же самых монахов, число древнеамериканских литературных памятников было весьма значительным, среди них были и поэтические, и прозаические произведения, комедии, повести, хроники, поэмы, дидактические сочинения. От всего этого богатства у народов Центральной Мексики сохранились лишь атекские мифы о создании мира и божествах, о чудесном городе Толлане и боге Кецалькоатле (в записи испанского монаха Бернардино де Саагуна), несколько стихотворений тескокандца Несажуалкойотля и других авторов; у обитателей Перу — мифы, несколько гимнов богам и драма «Ольянтай». От литературы народов майя до нас дошли «Летопись какчикелей», пророческие книги «Чилам Балам» юкатанских майя, драма «Рабиналь-Ачи» и эпос «Пополь-Вух» киче. И это все...

Сохранность этих произведений или сведений о них, как, впрочем, и других сведений о культуре народов древней Америки в испанских источниках, была обусловлена тремя причинами, и соответственно этому они находятся в трех видах источников.

Важнейшей причиной было, несомненно, стремление новых властителей извлечь из завоеванных областей максимум прибыли. Но это могло стать для них возможным лишь при тщательном изучении как природных ресурсов страны, так и прежней системы ее управления. С другой стороны, представители старой индейской знати старались всеми силами возвеличить заслуги своих предков, чтобы тем самым как-то возвысить себя и укрепить при новой политической ситуации свое положение. Наконец, третьей причиной было желание сообщить другим свои впечатления, свойственное всякому человеку, видевшему что-либо новое и необычайное, — т. е. то, что обуславливает вообще появление мемуарной литературы.

Первый вид источников — это записки непосредственных участников завоевания, обычно простых солдат, излагавших в конце жизни свои впечатления о виденном и пережитом. Такова «Истинная история завоевания

Новой Испании» Бернала Диаса дель Кастильо и «Записки неизвестного завоевателя», повествующие о завоевании атекского государства, «Хроника Перу» Педро Сиеса де Леона, «Заметки о Перу» Мигуэля де Эстете, отчеты о завоевании Перу Педро Санчо де ла Оса, Франсиско де Хереса и других авторов, относящиеся к древним государствам Анд. Хотя в этих произведениях встречается немало ошибок и недоразумений, они интересны прежде всего меньшей предвзятостью, острым, свежим взглядом на окружавшую их необычную обстановку и правдивостью изложения событий.

Ко второму виду источников можно отнести официальные донесения и памятные записки испанских должностных лиц своим начальникам, а также различные работы католических монахов. Этот вид источников наиболее многочислен. И в служебных записках, и в монашеских работах встречается немало ценных сведений по древней истории и культуре индейских народов Америки. Возникающее здесь на первый взгляд противоречие с изложенными выше фактами уничтожения испанцами культурных памятников прошлого является в действительности лишь кажущимся. Солдаты записывали исторические факты или поразившие их мифы как любопытные раритеты. Второй же вид источников, — вернее, то интересное и полезное, что содержится в них, — обязан своим возникновением более серьезным обстоятельствам. Уничтожая одной рукой памятники индейской культуры, испанские правители и католические монахи тщательно собирали другой рукой все сведения по истории и культуре покоренных народов, которые могли оказаться им полезными. Это делалось с целью более тонкой, в том числе и усиленной эксплуатации индейского населения страны. Администраторов интересовали природные богатства страны и способы их разработки, а также подати населения при прежних властителях. Монахам нужно было знать мифологию и обряды, чтобы, используя это знание, бороться со старыми религиозными представлениями. Для того чтобы проповедь была убедительной, проповеднику необходимо было знать историю народа и его язык. Известно, например, что католическим священникам Америки предписывалось овладение родным языком паствы под угрозой лишения места (постановление третьего Мексиканского совета о церковных делах на Юкатане)*. Только благодаря этим обстоятельствам было

* *Tozzer A. M. A Maya Grammar // Papers of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology, Harvard University. Cambridge. Mass., 1921. V. 9. P. 6—7.*

возможно, чтобы такие ожесточенные враги индейских религий, как Сумаррага, Ланда или Арриага, оставили столь ценные сведения по древней культуре Мексики, Гватемалы и Перу.

Третий вид источников — наиболее интересный и ценный — сочинения, написанные на родном или испанском языке лицами индейского происхождения. Первое время после завоевания испанские правители заигрывали с туземной аристократией, чтобы укрепить свое положение в завоеванной стране; они использовали знатные индейские роды и как орудие в своих руках для эксплуатации рядового населения. Отсюда и столь частые в то время браки между испанцами и индейскими «принцессами», детям от которых полагались все права наследования имени и имущества их родителей, и практика выдачи особых удостоверений о знатности (*probanzas*) индейским правителям, и т. п. Дети от таких смешанных браков и из наиболее знатных индейских семей получали особое воспитание и образование; в городе Мехико была даже открыта специальная школа, довольно скоро, однако, закрытая, так как выяснилось, что индейские дети овладевали латынью значительно быстрее и лучше, чем воспитанники испанских католических семинарий...

Авторами третьего вида источников и являются обычно потомки прежней индейской аристократии, которые в своих произведениях описывают историю и обычаи своих предков. Фернандо де Альва Иштлильшочиль и Хуан Баутиста Помар пишут о чичимеках и правителях Тескоко, Чимальпахин — об Аколхуакане, Альварадо Тесосомок — о тепанеках и астеках, Гарсильясо де ла Вега — о своих предках, инках Перу. Конечно, все эти произведения страдают одним существенным недостатком: потомки зачастую преувеличивают значение, мощь, богатство и культурные завоевания своих предков, старательно затушевывая или смягчая все отрицательные стороны прошлого. Но, несмотря на эти недостатки, произведения индейских авторов дают очень много ценного материала, интересного и в историческом и в литературоведческом отношении. В частности, они позволяют установить существование непрерывной литературной традиции в странах Центральной и Южной Америки и показывают особенности одного из наиболее распространенных в этот период литературных жанров: повествования о судьбах какого-либо народа, которое начинают, как правило, с мифических времен. Такого рода произведения близки по форме и характеру изложения к работам древнегреческих логографов. Изучая их, исследователи получают

ключ к пониманию особенностей тех немногочисленных литературных памятников, которые остались нам в наследство от трагически погибших древнеамериканских культур.

2

В 1854 г. австрийский ученый Карл Шерцер, путешествовавший по странам Центральной Америки, занимался изучением старинных испанских рукописей в библиотеке университета Сан-Карлос города Гватемалы. Особое его внимание привлекали рукописные сочинения Франсиско Хименеса — доминиканского монаха XVI в., настоятеля церкви в маленьком гватемальском городке Санто-Томас-Чувила, или Чичикастенанго. В своих сочинениях Хименес сообщал много ценных сведений по древней истории, культуре и языкам киче, какчикелей, цутухилей и других индейских народностей Гватемалы, среди которых он прожил много лет.

В университетской библиотеке Шерцер увидел рукопись одного из произведений Хименеса, носившего название «Arte de las tres lenguas Sacchiquel, Quiche y Tzutuhil». В этой рукописи с побледневшими от времени листами содержались словари языков киче, какчикелей и цутухилей, а в конце ее находилось какое-то сочинение на языке киче, рассказывавшее о происхождении и истории этого народа. Это произведение и было то, что позже стало называться «Пополь-Вух». Хименес не только переписал в свою рукопись текст киче, но и снабдил его параллельным испанским переводом, озаглавив его «Истории о происхождении индейцев этой провинции Гватемалы». Шерцер переписал испанский перевод этой части работы Хименеса и, возвратившись из Америки, опубликовал его в 1857 г. в Вене. Эта публикация впервые обратила внимание исследователей древнеамериканской культуры на «Пополь-Вух».

В 1855 г., т. е. год спустя после открытия Шерцера, французский миссионер и одновременно страстный исследователь индейских древностей Шарль Этьен Брассер де Бурбур обнаружил в библиотеке гватемальского университета старую испанскую рукопись, также содержащую текст сказаний киче. По предположению Брассера де Бурбура, эта рукопись была частью первой книги другого сочинения Хименеса «Historia de la Provincia de Predicadores de San Vicente de Chiapa y Guatemala». Следовательно, доминиканец использовал «Пополь-Вух» и для своей работы по истории Гватемалы. Французский исследователь снял

копию с текста киче. В том же году Брассер де Бурбур, находясь в небольшом гватемальском местечке Рабиналь, приобрел у одного из представителей местной индейской знати и собирателя старинных манускриптов Игнасио Колоче рукопись «Arte de las tres lenguas» Хименеса, в которую, как мы уже знаем, входил и текст сказаний киче. Каким образом за год с небольшим рукопись Хименеса могла покинуть университетскую библиотеку и оказаться в Рабинале, остается неизвестным. На основании этого текста и перевода Хименеса французский ученый создал свой собственный перевод и опубликовал его вместе с оригинальным текстом в 1861 г. под названием «Пополь-Вух. Священная книга и мифы американской древности». С этой даты, собственно говоря, и следует начинать историю изучения «Пополь-Вух», или рукописи из Чичикастенанго, как называл ее Брассер де Бурбур. Шерцеровская публикация перевода Хименеса, конечно, не могла считаться настоящим научным изданием.

Текст киче, изданный Брассером де Бурбуrom, долгое время оставался единственным оригиналом, так как в суматохе «пронунсиаментос» — военных путчей — и бурях гражданских войн рукописи Хименеса в Гватемале вскоре затерялись. Копии текста, сделанные Брассером де Бурбуrom и входившие в его коллекцию рукописей, были распроданы после его смерти с аукциона и также исчезли из поля зрения исследователей. Только в 1928 г. немецкий американист Вальтер Леман обнаружил рукопись «Arte de las tres lenguas», принадлежавшую некогда Брассеру де Бурбуру, в библиотеке Ньюберри в Чикаго. Он начал готовить новое издание текста, так как сравнение рукописи с изданием 1861 г. показало наличие известных расхождений, но преждевременная смерть помешала ему осуществить этот замысел. Начатая Леманом работа была доведена до конца его учеником и другом Леонгардом Шульце-Иеной, известным исследователем языков и культуры народов Мексики и Центральной Америки. С издания Шульце-Иены, основанного на тексте рукописи из библиотеки Ньюберри, и сделан предлагаемый перевод.

«Пополь-Вух» неоднократно переводился на различные европейские языки: английский, немецкий, французский, испанский. К сожалению, в большинстве случаев это были лишь вторичные переводы французского перевода Брассера де Бурбура, причем так как его текст местами просто непонятен, то его «улучшали» различными способами. Но от таких абсолютно произвольных толкований текст памятника искажался еще более. К этим переводам принадлежит и единственный перевод

«Пополь-Вух» на русский язык, сделанный поэтом К. Д. Бальмонтом и опубликованный им в его дневнике путешествия по Мексике «Змеиные цветы» (Пб., 1910). Бальмонт взял в основу перевод Брассера де Бурбура, но изложил его на языке модных тогда поэтов-модернистов и произвольно изменил порядок отдельных частей произведения. Кроме того, он ввел в текст не только сомнительные этимологии личных имен, данные Брассером де Бурбуром в качестве примечаний, но и явно фантастические «переводы» иероглифических надписей Паленке, принадлежавшие перу дилетанта американиста Рошфуко. В результате от подлинного текста «Пополь-Вух» в переводе Бальмонта осталось весьма мало.

Иным путем пошли французский исследователь Жорж Рейно и гватемальский ученый Адриан Ресинос. Первый основывался на индейском тексте, данном Брассером де Бурбуром (о чикагской рукописи ему не было еще известно), но перевод свой делал самостоятельно, используя имевшиеся в его распоряжении материалы по языку киче. Наиболее уязвимым местом его перевода является лишь следование тексту киче в транскрипции Брассера де Бурбура. А. Ресинос сверил текст французского издания с рукописью в библиотеке Ньюберри и мог поэтому выправить ряд неточностей, имевшихся в первом издании текста. Кроме того, он имел возможность пользоваться неизданными рукописными словарями языков киче и какчикелей, хранящимися в различных библиотеках Американского континента. Все это позволило ему подойти по-новому к толкованию текста «Пополь-Вух» и значительно улучшить его понимание. Поэтому работы Рейно и Ресиноса стоят значительно выше перевода Брассера де Бурбура и уступают только изданию Шульце-Иены.

Подлинный текст «Пополь-Вух» не разделен на главы или части: в рукописи он идет непрерывно. Деление на части и главы было впервые предложено Брассером де Бурбуром. Тем не менее при чтении текста деление его на какие-то части ощущается совершенно явственно; на это, например, указывает наличие определенного вида концовок, подытоживающих сказанное выше, и зачинов или вступлений, информирующих читателя о том, что последует дальше. Таковы, например, фразы: «Теперь следует (повествование) о поражении и смерти Сипакны, побежденного двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке» (часть I, начало главы 8), «Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучумакик» (часть II, начало главы 3), «Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу

и Шбаланке» (часть II, начало главы 5) и т. д. Этих намеченных автором делений текста мы и пытались придерживаться в нашем переводе. Для сравнения приводим деление Шульце-Иены и названия, данные им отдельным частям.

ВОЗВЕЩЕНИЕ

I. Творение.

1. Основные точки мира. Море и небо.
2. Кукумац и Хуракан.
3. Сотворение Земли и растений.
4. Сотворение зверей и осуждение этого.
5. Сотворение людей из грязи.
6. Сотворение людей из дерева и осоки.
 - А. Бросание жребия.
 - Б. Несовершенство и уничтожение людей:
 - а) потоп;
 - б) четыре чудовища;
 - в) враждебность природы;
 - г) мятеж домашней утвари и домашних животных;
 - д) конец и остаток.

II. Время демонов и героев.

1. Вукуб-Какиш, или «Семь арара».
 - А. Самомнение отца и сыновей.
 - Б. Досада Хун-Ахпу и Шбаланке.
 - В. Ранение «Семи арара».
 - Г. Обман и смерть.
2. Сипакна и четыреста юношей.
 - А. Умысел юношей.
 - Б. Хитрость Сипакны, спасение и месть.
 - В. Смерть Сипакны от Хун-Ахпу и Шбаланке.
3. Кабракан.
 - А. Смертный приговор божества.
 - Б. Обман и смерть от Хун-Ахпу и Шбаланке.
4. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.
 - А. Родословная.

- Б. Игра в мяч.
 - В. Князя Шибальбы.
 - Г. Вызов и прощание.
 - Д. Путь в Шибальбу и прием.
 - Е. Испытания в Шибальбе. Смерть обоих героев.
5. Девушка Шкик.
- А. Чудо с головою Хун-Хун-Ахпу.
 - Б. Непорочное зачатие.
 - В. Осуждение и спасение девушки.
 - Г. Убежище у матери Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.
6. Приключения Хун-Ахпу и Шбаланке.
- А. Юность:
 - а) рождение и пренебрежение;
 - б) превращение Хун-Баца и Хун-Чоуэна в обезьян;
 - в) порча кукурузы и шествие диких зверей;
 - г)мышь и нахождение принадлежностей для игры в мяч.
 - Б. Вызов, сделанный князьями Шибальбы:
 - а) вызов и послы-животные бабки;
 - б) пророческие тростники;
 - в) путь в Шибальбу и москит как разведчик.
 - В. Испытания в Шибальбе:
 - а) дом мрака;
 - б) состязание при игре в мяч;
 - в) испытание цветами в доме ножей;
 - г) дом холода;
 - д) дом ягуаров;
 - е) дом огня;
 - ж) дом летучих мышей и смерть Хун-Ахпу.
 - Г. Победа над князьями Шибальбы:
 - а) пробуждение Хун-Ахпу;
 - б) спасительная хитрость;
 - в) смерть и воскресение Хун-Ахпу и Шбаланке;
 - г) фиглярство и уничтожение князей Шибальбы;
 - д) прощание Хун-Ахпу и Шбаланке и прославление.

III. Время праотцев.

1. Начала в темноте мира.

- А. Сотворение праотцев киче:

- а) кукуруза как материал;
 - б) четыре праотца и их жены.
 - Б. Возникновение племен и великих родов.
 - В. Молитва к богам-творцам.
 - Г. Странствование в Тулан, получение племенных богов и обратное странствование на запад.
 - Д. Приобретение огня и кровавый договор.
 - Е. Странствование к горе Чи-Пишаб.
2. Первый восход солнца.
 3. Культ богов.
 - А. Учреждение культа для племенных богов.
 - Б. Слабые племена как жертва кровавого культа богов.
 - В. Испытание юношей-богов.
 - Г. Наказание искусителей.
 4. Господство племен праотцев.
 - А. Восстание угнетенных племен.
 - Б. Борьба и победа праотцев.
 5. Удаление праотцев.

IV. Время царей.

1. Получение знаков отличия правителей на Востоке.
2. Передвижение из Хакавица в Чи-Киш.
3. Основы величия государства в Чи-Исмачи.
4. Расцвет государства со столицей Кумаркаах.
 - А. Деление на двадцать четыре великих рода.
 - Б. Первый список княжеских титулов.
 - В. Расширение государства и мирный прирост.
 - Г. Насильственное распространение власти.
 - Д. Молодая княжеская военная знать.
 - Е. Культ богов и царское величие. Молитва Хуракану.
 - Ж. Поколения царей и второй список княжеских титулов.

Эта попытка деления текста не может быть названа удачной, она слишком сложна и запутанна; уже сам Шульце-Иена был вынужден в конце книги (в словаре) отказаться от этого деления и давать ссылки просто на соответствующую страницу издания.

Остановимся, наконец, на кратком пересказе содержания произведения. «Пополь-Вух» начинается с описания сотворения мира главными

божествами киче. Далее описывается создание людей: боги творят их сперва из глины, затем из дерева, но обе попытки оказываются неудачными. На этом эпизоде повествование внезапно прерывается рассказом о приключениях божественных близнецов — Хун-Ахпу и Шбаланке. Они после упорной борьбы уничтожают страшное существо Вукуб-Какиша и двух его сыновей: Сипакну и Кабракана. Затем идет рассказ об отце и дяде близнецов, обманом завлеченных в подземное царство Шибальбу и злодейски там умерщвленных. Узнав о печальной участи своего отца, близнецы отправляются в Шибальбу, где повелители этой страны подвергают их страшным испытаниям. В конце концов, однако, Хун-Ахпу и Шбаланке побеждают и убивают владык Шибальбы, а остальные подчиняются им.

Начало третьей части возвращает читателя к прерванной истории сотворения мира. Боги-творцы, не удовлетворенные своими прежними попытками создать человека, решают на этот раз использовать в качестве материала кукурузу. Из размолотых зерен ее были созданы четыре первых человека. Затем боги создали четырех женщин, ставших подругами этих первых людей. Они-то и были предками народа киче. Позже боги создали патриархов других народов. В заключительной части «Пополь-Вух» описываются скитания киче, их прибытие на территорию южной Гватемалы и другие, уже имеющие вполне исторический характер события.

3

Как уже указывалось выше, «Пополь-Вух» является одним из самых интересных, если не наиболее важным памятником литературы народов древней Америки. И кажется тем более удивительным, что в научной литературе по этому памятнику, насчитывающей уже солидное количество названий как отдельных статей, так и целых книг, не имеется ни одной работы, посвященной анализу «Пополь-Вух» как литературного произведения. Им занимались как источником по мифологии и религиозным представлениям древних киче, как источником по их истории, наконец, как собранием материалов для сравнительной мифологии. Однако нельзя назвать ни одного исследования, в котором рассматривались бы вопросы композиции произведения, его идеологической направленности, давалась бы характеристика поэтического стиля и т. д. Более

того, ни в одной работе не ставится даже вопрос: написан ли «Пополь-Вух» прозой или каким-либо стихотворным размером, к какому жанру это произведение относится и т. д. Следовательно, ни один из наиболее важных вопросов литературоведения не был даже поставлен или сформулирован.

Такое, на первый взгляд, необычайное обстоятельство объясняется, однако, достаточно просто. Не только вопросы литературоведения, но даже и чисто лингвистические проблемы на материалах народов майя разработаны крайне плохо. Можно без преувеличения сказать, что изучение всех этих вопросов только лишь начинается. Проблема исследования отдельного памятника, таким образом, упирается в неисследованность всего вопроса вообще. Не следует при этом, конечно, забывать, что американистика является еще очень молодой отраслью исторической науки и насчитывает пока лишь всего около ста лет развития. Если мы вспомним, что филологическое изучение литературных произведений классической древности началось еще в эллинистический период и имеет, следовательно, уже более чем двухтысячелетний опыт, то неразработанность подобных вопросов в американистике получает какое-то, пусть слабое оправдание. К этому следует добавить, что для первого этапа развития этой дисциплины (оканчивающегося в настоящее время) была характерна чисто историческая направленность исследований и все остальные аспекты оставались почти в полном забвении.

Итак, что же представляет собой «Пополь-Вух» как литературное произведение? Вряд ли имеется необходимость приводить подробные доказательства в пользу предположения, что перед нами эпический памятник. Об этом прежде всего достаточно ясно говорит сама тематика произведения. Если мы обратимся за аналогиями к литературным памятникам Старого Света, то наиболее близкими к «Пополь-Вух» окажутся для первой его части «Теогония» Гесиода, а для второй — «Каталог» того же автора. И в том и в другом случае мы имеем эпический рассказ о происхождении мира в первой части и генеалогический эпос во второй. Таковую же параллель к «Пополь-Вух», в сущности, представляют собой и первые книги Библии, «Калевала» и другие эпические произведения народов Европы и Азии.

В связи с эпическим характером рассматриваемого памятника выясняются и некоторые вопросы его композиции, казавшиеся прежним исследователям неразрешимой загадкой. До начала текущего столетия

господствовала точка зрения, существовавшая еще со времен Макса Мюллера, но сформулированная только Льюисом Спенсом: «Пополь-Вух» представляет собой анонимную запись устных преданий киче, составленную после испанского завоевания*. Однако, отмечал Спенс, сами предания являются памятниками весьма значительной древности. Таким образом, согласно этим взглядам, «Пополь-Вух» как литературный памятник был создан только в XVI в., — правда, на материале древних сказаний.

Даже при беглом чтении текста «Пополь-Вух» обращает на себя внимание отмеченный нами выше разрыв в повествовании о сотворении первых людей. Единого мнения о причине такого разрыва у исследователей не существовало; в большинстве случаев они ограничивались лишь простой констатацией факта. Новая точка зрения на происхождение «Пополь-Вух» была высказана в 1913 г. немецким исследователем Вольфгангом Шульцем. Основываясь на этом разрыве текста, он считал, что в основе разбираемого памятника лежала иероглифическая рукопись, которая в силу несовершенства иероглифического письма уже в древнее время толковалась различными чтецами по-разному. В дальнейшем, после испанского завоевания, эти различные толкования, отрывочные и бессвязные, были соединены вместе каким-то компилятором. Получившаяся бесформенная «куча обломков», по выражению Шульца, и есть дошедший до нас текст**.

Следуя этим взглядам, немецкий переводчик «Пополь-Вух» Н. Э. Похориллес попытался восстановить первоначальный текст (архетип) памятника. Он разделил существующий текст на небольшие отрывки и соединял их в новом порядке, основываясь на близости тем или общности предметов, упоминаемых в том и другом отрывке. В результате работы Похориллеса, однако, получился в целом совершенно бессвязный текст, где отдельные части резко отличались друг от друга по стилю. Установить же какую-то общую повествовательную связь ему не удалось. В связи с этим нельзя не вспомнить подобной же, в сущности, попытки, произведенной в начале XX в. исследователями древнегреческого эпоса (К. Роберт, Э. Петерсен, В. Берар и др.). Они утверждали, что первоначальный текст гомеровских

* Spence L. The Popol Vuh. The Mythic and Heroic Sagas of Kiches of Central America. London, 1908. P. 31.

** Schultz W. Einleitung in das Popol Wuh // Mythologische Bibliothek. Leipzig, 1913. Bd. VI. № 2. S. 7.

поэм был впоследствии безнадежно испорчен позднейшими вставками и переработками, и пытались восстановить первоначальные формы и содержание поэм. Как известно, позднейшие исследования показали полную несостоятельность подобных реконструкций*. Подобную же картину мы имеем и с гиперкритической теорией Шульца — Похориллеса. Кажущееся противоречие между отдельными частями текста «Пополь-Вух» в действительности объяснялось лишь неправильным переводом того или иного места, нередко к тому же и тенденциозно истолкованным.

В качестве наиболее решающего аргумента в пользу своей гипотезы В. Шульц выдвигал слова самого автора** «Пополь-Вух»: «Мы излагаем это потому, что у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света, пришедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга, написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает» («Вступление»). Близкое по содержанию высказывание содержится и в заключении «Пополь-Вух»: «Больше о существовании народа киче сказать нечего, потому что нельзя уже больше видеть светильника [книгу “Пополь-Вух”], которую повелители имели в древние времена, она совершенно исчезла».

Эти слова, однако, говорят не больше того, что в них заключено, а именно: автор признает, что в древности у правителей киче существовала некая книга под названием «Пополь-Вух». В ней излагалась история сотворения мира (см. слова «Вступления»: «Величественными было ее [книги] появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли...»). Ныне эта книга исчезла, и автор считает нужным передать ее содержание. Но не говоря уже о том, что подобная ссылка на существование какой-то старинной книги может быть лишь литературной фикцией (неоднократные примеры чего мы встречаем в древнеегипетской литературе), даже признание факта действительного существования древнейшей версии «Пополь-Вух» еще ничего не доказывает. Только если будет обнаружена какая-либо иероглифическая рукопись с текстом исследуемого нами памятника или отрывки (цитаты) из него, высеченные на каменных

* История греческой литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. С. 100—102, 124—125.

** Под словом «автор» мы подразумеваем составителя последней редакции текста «Пополь-Вух», дошедшей до нас в переписанном Хименессом экземпляре.

стелах, — а этого пока нет* — можно будет всерьез обсуждать гипотезу Шульца.

Все сказанное выше вовсе не означает, что мы полностью отрицаем возможность существования какой-то иероглифической рукописи, близкой по содержанию к рассматриваемому нами памятнику. Более того, мы считаем, что указаниям автора «Пополь-Вух» о наличии подобного манускрипта можно вполне доверять, — при условии, однако, правильного понимания их. Содержание первой части этого первоисточника ясно из приведенной выше цитаты из «Вступления». Вторая же часть, по нашему мнению, содержала список владык киче (начиная с их мифических предков) и указания на важнейшие события, происшедшие в их правление, перемешанные со всякого рода предсказаниями грядущих происшествий. Аналогичные образцы подобного рода произведений содержатся в так называемых книгах «Чилам-Балам» юкатанских майя**, в «Летописи какчикелей», в древне-египетской «Демотической хронике» и многих других памятниках Старого

* Обращает на себя внимание интересный факт, что на всей громадной территории Юкатана, Гватемалы и Гондураса, занимаемой племенами и народностями майя, не обнаружено ни одного археологического памятника, изображения на котором позволили бы толковать их как связанные с темами «Пополь-Вух». Причины этого явления неизвестны; может быть, конечно, дальнейшие археологические раскопки и прольют свет на этот загадочный вопрос. Несколько лет тому назад Франсом Бломом было опубликовано майяское расписное блюдо с изображением, по его мнению, сцены из «Пополь-Вух» (*Blom Fr. A polychrome Maya plate from Quintana Roo // Notes on Middle American Archaeology and Ethnology. Carnegie Institution of Washington, Division of Historical Research. Washington, 1950. № 98*). В центре сцены находится изображение мифологической птицы Моан, сидящей на голове чудовища — олицетворения земли. По обеим сторонам ее помещены двое сидящих мужчин с выдувными трубками у рта; верхние концы трубок нацелены на голову птицы. Блом указывает, что, несмотря на многочисленные упоминания этого оружия, содержащиеся в «Пополь-Вух», до настоящего времени не было известно ни одного памятника майя с изображениями стрелков из выдувной трубки или хотя бы самого оружия. Это обстоятельство и заставило предполагать, что в изображении на блюде мы имеем иллюстрацию к одному из эпизодов «Пополь-Вух». Однако, по собственному признанию Блома, его поиски такого эпизода в тексте произведения оказались безуспешными. Таким образом, его предположение о связи рисунка на блюде и «Пополь-Вух» осталось недоказанным.

** В настоящее время все исследователи хроник майя пришли к убеждению, что большая часть их текста представляет собой дословные транскрипции латиницей с иероглифических подлинников: *Barrera Vásquez A. and Morley S. C. The Maya Chronicles // Carnegie Institution of Washington Publication, № 585, Contributions to American Anthropology and History. V. X. № 48. Washington, 1949. P. 9—10; Barrera Vásquez A. y Rendon S. El Libro de los Libros de Chilam Balam. Mexico; Buenos Aires, 1948. P. 13—14; Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. со ст.-исп., предисл. и примеч. Ю. В. Кнорозова. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1955. С. 251—252.*

и Нового Света. Подтверждением высказанного предположения служат слова автора: «Они [Кикаб и Кависимах] знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры. Они поистине хорошо знали, где можно все это было увидеть, где была книга, которую они называли Пополь-Вух» (часть IV, глава 11). Таким образом, автор утверждает за древним образцом «Пополь-Вух» как раз те пророческие функции, которые характерны для определенной группы литературных произведений юкатанских майя.

У нас нет никаких данных, которые могли бы подтвердить, что составитель дошедшей до нас версии «Пополь-Вух» имел в своих руках эту древнейшую, вероятно, иероглифическую версию. Его слова о том, что «нельзя уже больше видеть светильника, который повелители имели в древние времена, она [книга] совершенно исчезла», говорят об обратном. Поэтому, думается, возможно предположить, что, зная по рассказам своих старших родственников, может быть жрецов, содержание этой книги (вероятнее всего, уничтоженной, как и все другие иероглифические рукописи, после испанского завоевания монахами), он вознамерился записать его для будущих поколений.

Но когда этот автор, или составитель последней версии (как правильнее надлежит именовать его), начал осуществлять свое намерение, перед ним возникли затруднения. Одним из наиболее существенных затруднений был вопрос: куда, в какое место повествования ему следует включить рассказ о деяниях божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбалаanke, который был известен ему, но не входил в древнейший образец *. Вероятнее всего, этот рассказ был некогда отдельным самостоятельным мифологическим циклом **. Составитель нашей версии по тем

* Допустима, конечно, и другая возможность: рассказ о Хун-Ахпу и Шбалаanke входил в древнейшую версию «Пополь-Вух», но составитель последней редакции не знал его точного места. Этому противоречит, однако, та строгая внутренняя связь всех повествовательных элементов между собою, которую мы наблюдаем в остальных частях повествования. Следовательно, во всех других случаях редактор точно помнил последовательность частей. Думается, что в таком «втискивании» рассказа о подвигах божественных близнецов в ткань повествования сказались те же специфические черты, присущие древнему эпосу, которые в памятниках античной литературы именуется исследователями «законом хронологической несовместимости». См.: *Тронский И. М.* История античной литературы. Л., 1951. С. 60.

** Мы не затрагиваем в настоящий момент вопроса о том, что этот цикл, в сущности, явственно делится на две части: 1) рождение Хун-Ахпу и Шбалаanke и их борьба с владыками Шибальбы и 2) борьба близнецов с Вукуб-Какишем и его сыновьями. По всей вероятности, эти два раздела некогда были совершенно самостоятельными мифами, объединенными лишь общими именами действующих в них героев. Не случайно поэтому борьба близнецов с Вукуб-Какишем предшествует в «Пополь-Вух» рассказу об их рождении.

или иным причинам (для нас неясным) решил включить его в свое повествование. Наиболее подходящим местом для этого ему казался конец третьей главы первой части, повествующей об уничтожении деревянных людей, так как во всем эпизоде с Вукуб-Какишем и его сыновьями ни о существовании людей, ни о сотворении солнца не упоминается (вспомним начало рассказа о Вукуб-Какише: «Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало»). Поместить его дальше, т. е. после первой главы III части, было уже невозможно, так как в ней речь идет о сотворении человека, а немного далее (часть III, глава 9) — о восходе солнца. Вот почему именно это место казалось составителю последней версии наиболее подходящим для вставки. На то, что она разрывает рассказ о происхождении человека, он не обратил внимания или по каким-то причинам не считал это существенным.

Мотивировать более подробно и детально нашу точку зрения о таком возникновении дошедшей до нас версии «Пополь-Вух», думается, смысла не имеет. Аналогичные вставки можно найти почти в каждом древнем эпосе любого народа. Личность составителя последней версии остается для нас неизвестной. Несколько лет тому назад гватемальским историком Хосе Антонио Вильякортой была выдвинута гипотеза *, согласно которой автором рукописи из Чичикастенанго являлся потомок знатного индейского рода Диэго Рейносо, получивший образование у монахов (о нем упоминает кратко Хименес, ср. также «Родословную владык Тотоникапана», начало главы 4). Точка зрения Вильякорты была поддержана с незначительными изменениями и австрийским исследователем «Пополь-Вух» Рудольфом Шуллером **. Но результаты тщательного изучения всех относящихся к этому вопросу источников, проведенного гватемальским ученым Адрианом Ресиносом, полностью опровергли все данные в пользу авторства Рейносо ***. Составитель последней версии по-прежнему остается для нас неизвестным, но благодаря разысканиям того же Ресиноса мы теперь в состоянии сказать, что рукопись, попавшая в руки Хименеса, создавалась в 1554 — конце ноября 1558 г. ****.

* Villacorta C. J. A. y Flavio Rodas N. Manuscrito de Chichicastenango. El Popol Buj. Guatemala, 1927. P. 157—160; Villacorta C. J. A. Prehistoria e Historia Antigua de Guatemala. Guatemala, 1938. P. 170.

** Schuller R. Der Verfasser des Popol Vuh // Anthropos. Bd. 26. 1931. № 5—6. S. 932.

*** Recinos A. Popol Vuh. Norman, 1950. P. 24—29.

**** Там же. С. 23.

«Пополь-Вух» (мы имеем в виду дошедшую до нас версию), несомненно, предназначался, как и все другие эпические произведения, для публичной рецитации, т. е. для исполнения вслух. Он написан ритмической прозой, для которой характерно определенное одинаковое количество ударных слогов в каждом отрезке или периоде (подобная же особенность характерна, например, и для памятников древнеегипетской или древнеавилонской поэзии). Одним из наиболее широко применяемых в «Пополь-Вух» средств художественной выразительности являются всевозможные аллитерации, в частности подбор нескольких аллитерирующих глаголов или существительных, поставленных в ряд, друг за другом. Не менее распространенной особенностью литературного языка исследуемого памятника можно назвать и параллелизм членов — явление, также свойственное всем древневосточным литературам. Охотнее всего автор «Пополь-Вух» применяет это в конце периода (например: «...канабашик румаль винак цак, винак бит, винак пой, винак аном» — часть I, глава 2; «...чипок тах чивинакир тах, цукуль аве, кооль аве» — часть IV, глава 11, и др.). Нередко встречаются и хиастически построенные параллелизмы. Характерным для эпических произведений приемом являются и так называемые типические места, т. е. постоянно повторяемые при определенном описании фразы и отдельные выражения. Следует, впрочем, отметить, что по сравнению, например, с древнегреческим эпосом количество таких повторений в «Пополь-Вух» кажется ничтожным.

Автор охотно прибегает к игре слов, широко используя для этого омонимы, которыми так богат язык киче (см., например, описание «дома мрака» в Шибальбе — часть II, глава 2, или сцену игры в мяч — часть II, глава 9). Ряд мест, в особенности содержащих описания религиозных действий или человеческих жертвоприношений, выдержан в нарочито туманном стиле; автор часто ограничивается лишь многозначительными намеками. Причины этого понятны: автор не хотел раскрывать смысл священных, по его представлениям, вещей.

Большой и интересный вопрос об использовании в словарном составе «Пополь-Вух» архаизмов, к сожалению, должен остаться для нас открытым; мы еще не представляем достаточно ясно разговорного языка того времени. В силу этих же причин ничего нельзя сказать и о соотношении разговорного языка киче начала XVI в. с литературным языком памятника. Все эти вопросы еще ожидают своих исследователей.

Нельзя не обратить внимания на полное отсутствие в «Пополь-Вух» развернутых сравнений, столь характерных для греческого эпоса. У Гомера они разрастаются в целые отступления, в «Пополь-Вух» их совершенно нет. Причины этого, очевидно, следует искать в разнице исторических условий, в которых создавался тот и другой эпос. Очень скромную роль играют в «Пополь-Вух» и эпитеты; зачины сводятся к немногословным выражениям типа «здесь мы откроем», «здесь мы расскажем», «вот рассказ о...», «теперь мы сообщим о...» и т. д.

Но, несмотря на эту скупость в использовании художественных приемов, древний эпос киче производит большое впечатление даже и на современного читателя, далекого от героев этого памятника и пространственно и исторически. Причина этого прежде всего в том, что основные идеи произведения — любовь к своей родине (понимаемой автором, конечно, в силу определенных исторических условий узко территориально) и любовь к своему народу — не могут не найти сочувственного отклика у нашего читателя. Понятны и близки будут ему и то презрение и ненависть, которую составитель последней версии питает к пришельцам, поработившим его страну. Прямых антииспанских высказываний в тексте «Пополь-Вух» не имеется, но общая его направленность, упорное умолчание о завоевателях, о христианстве* уже достаточно характерны. Автор не желает признавать ничего нового, появившегося с испанцами, они для него не существуют. И как параллель к этому невольно возникает в памяти поведение героического предводителя астеков Куаухтемока, который во время жестоких пыток не проронил ни одного стона. Испанцы с их пытками также не существовали для него, он не замечал их...

Поэтому-то и невозможны гипотезы, высказывавшиеся некоторыми исследователями (Брассер де Бурбур, М. Мюллер, А. Банделье, А. Ресинос), согласно которым первая часть «Пополь-Вух» представляет

* Единственное упоминание о христианстве во «Вступлении» может быть истолковано как иронический намек. Ср., например, такое упоминание о христианстве в книге «Чилам-Балам» из Чумайеля: «Это было в то время, когда началось обучение христианству, которое должно было стать всеобщим в нашей стране. Тогда началась постройка церкви здесь, в центре города Ти-Хоо [совр. Мерида]: большая работа была уделом [людсй] в течение двадцати лет. Тогда начались казни подвешиванием и огнем на концах наших рук. Тогда также в мир пришли веревки и оковы. Тогда дети младших братьев [индейцы] попали под тяжесть законных сборов и налогов. Тогда широко были введены налоги, и тогда широко было введено христианство. Так были установлены семь таинств слова божия...»

собой не что иное, как пересказ начальных глав Библии. Трудно придумать что-либо более неправдоподобное и оскорбительное для автора дошедшей до нас версии. Кроме того, известно, что в случае использования текстов из Библии индейские авторы (см., например, сочинения Иштлилшочитля), как правило, дают указания на источник, а не замалчивают его.

В скупости художественных приемов таится определенный творческий замысел автора; его, например, почти не интересует душевная жизнь изображаемых им героев. Лишь в редких случаях он находит нужным рассказать о переживаниях девушки Шкик, несправедливо осужденной ее отцом на смерть, или о тревоге бабушки за судьбу своих внучат. Любовный элемент в «Пополь-Вух» полностью отсутствует. И это объясняется, конечно, не отсутствием подобного рода переживаний у окружавших автора современников, как полагают некоторые исследователи. Можно совершенно уверенно утверждать, что автор имел достаточно материала для развертывания подобных тем. Но он их сознательно удаляет. Это соответствует его художественному замыслу: не затемнять основной идеи произведения отвлекающими деталями, побочными сюжетными линиями и чисто внешним блеском. Ярким примером может служить роман между Кокавибом и его невесткой, а также последующая история с ребенком Кокаиба, о которых рассказывается в третьей главе «Родословной владык Тотоникапана». Автор последней версии «Пополь-Вух», несомненно, знал об этих событиях. Но он, рассказывая о путешествии предводителей киче на восток, не нашел даже нужным упомянуть об этом эпизоде. Такое умолчание, однако, становится понятным, если мы разберемся, что же являлось основной идеологической программой при создании последней версии.

Эта основная идейная установка выражена как в первых словах, открывающих «Пополь-Вух», так и в заключительной фразе произведения: «Больше о существовании народа киче сказать нечего...» Автор желал создать книгу о славном прошлом своего народа. Конечно, эту славу он понимает своеобразно, исходя из точки зрения представителя раннерабовладельческого общества: успешные войны, захват пленных и подчинение поселений враждебных племен, обычай человеческих жертвоприношений, существовавших у киче. Исходя из этих же установок, он сознательно устраняет все то, что, по его мнению, может каким-либо образом опорочить его родной народ в глазах читателя (или слушателя). Автор последней версии всячески подчеркивает положительные стороны

киче: непоколебимость в тяжелых испытаниях, храбрость и смелость в битвах, трудолюбие, душевную стойкость, привязанность и послушание по отношению к родителям, верность интересам своего народа. И не случайно поэтому он обрывает свой рассказ, не доведя его до двух наиболее трагических событий в истории киче: внутренних раздоров, которыми воспользовались какчики, чтобы ослабить своих старинных врагов, и испанского завоевания.

Героем «Пополь-Вух» является народ. Даже в последней части произведения, где речь идет уже о сложении у киче раннеклассового общества, автор последней версии, вопреки всем фактам, пытается видеть в правителях киче лучших представителей народа. Но глубокая внутренняя связь автора «Пополь-Вух» с народом сказывается и в другом: вставленные им части имеют более гуманистический характер, чем те, в которых он следовал иероглифическому прообразу своего произведения. И это не случайно: предания о добрых братьях, очищающих мир от носителей зла, освобождающих угнетенных от угнетателей (пусть это выражено в мифологических образах), восстанавливающих на земле принципы добра, конечно, значительно ближе к народным истокам, нежели генеалогии знатных родов киче. Отсюда же вытекает, по нашему мнению, и то реалистическое отношение к действительности (назвать это явление реализмом в полном смысле этого слова, конечно, еще нельзя), которое можно наблюдать в повествовании. Автор охотнее останавливается на повседневных картинах трудовой жизни, на обстановке обычного жилища земледельца, чем на описаниях дворцов знати и пиров, происходящих в них. Его не смущает, например, что послом старой Шмукане является вошь. Жизнь простого земледельца с ее огорчениями и маленькими радостями рисуется им без всяких прикрас, просто и правдиво.

Выше уже отмечалось, что автор скупно использует художественные средства. Тем не менее он создает впечатляющие глубокие образы. Достаточно, например, вспомнить описание лишений, которые терпели киче во время своих странствований (часть III, глава 7), смерть Хун-Ахпу и Шбаланке в подземной печи, восход утренней звезды и др. Своеобразие жанра «Пополь-Вух», в отличие от произведений Иштлишочитля, Гарсильясо де ла Веги и др., заключается в том, что, поставив перед собой ту же, что и упомянутые писатели, задачу — рассказ о древней истории своего народа, — автор памятника киче разрешил ее совершенно иным способом, чем они. Он создал не хроникальное, а эпическое произведение.

Неудивительно, что созданное для народа произведение получило среди народа самое широкое распространение, признание и любовь. Хименес писал об обстоятельствах, при которых он обнаружил рукопись «Пополь-Вух»: «Эта рукопись хранилась у них (индейцев Чичикастенанго) с такой секретностью, что никто из прежних священников и не знал о ней... Я обнаружил, что это сочинение они впитывали чуть ли не с молоком матери и что все они знали его почти что наизусть...»*

4

Имеется довольно большое количество научных работ, посвященных древней истории народов Гватемалы. И тем не менее о древнейшей истории южной, нагорной части Гватемалы, той территории, на которой жили и живут посейчас киче, какчикели и цутухили, нам практически пока еще ничего не известно.

Такое необычное на первый взгляд положение вещей объясняется прежде всего тем, что у историков отсутствуют самые важные и верные данные — археологические. Больших, серьезных раскопок на этой территории почти не производилось; обычно исследование ограничивалось лишь небольшими разведками. Поэтому имеющийся археологический материал скуден и разновременен, создать при помощи его какую-то общую картину пока невозможно.

Второй затрудняющей причиной является почти полное отсутствие эпиграфических данных; известные иероглифические надписи майя, которыми буквально наполнены развалины древних городов в северной Гватемале и Юкатане, здесь отсутствуют, если не считать нескольких отрывочных иероглифов на обломках керамики (да и эта керамика могла быть привозной).

Поэтому единственным доступным пока для исследователя материалом остаются клочки индейских преданий, рассыпанные в сочинениях ранних испанских миссионеров, и два древних литературных памятника — «Летопись какчикелей» и «Пополь-Вух».

Использование литературного памятника как источника по истории того или другого народа — явление далеко не новое. Гомеровские поэмы многократно служили источником по истории Древней Греции;

* *Ximenez Fr. Historia de la Provincia de San Vicente de Chiapa y Guatemala. Guatemala, 1929. V. 1. P. 5.*

пламенная вера Генриха Шлимана в достоверность их сообщений привела к открытию им развалин Трои. Только благодаря литературному произведению «Речения Ипусера» мы знаем о грандиозном социальном перевороте, происшедшем в Древнем Египте в середине XVIII в. до н. э.

Пехлевийский роман «Карнамак» рисует обстановку, при которой в Иране произошло свержение парфянской и воцарение новой, сасанидской династии.

Нельзя забывать, наконец, о том, что такие, с нашей точки зрения, работы по истории, как «История» Геродота или «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, мыслились их авторами только как литературные произведения*.

Само собою разумеется, что в любом литературном памятнике исторические факты даются в переосмысленном виде, зачастую с большими искажениями и всегда в плане идеологической направленности автора. Но эти обстоятельства не могут и не должны удерживать исследователя от привлечения литературных памятников в качестве исторических источников. Его задачей является критическое осмысление сообщаемых в произведении исторических сведений, сопоставление их со всеми другими известными ему данными и, наконец, построение на основе обработанного материала картины исторического процесса.

Итак, что же полезного и ценного для восстановления древней истории народов Гватемалы может извлечь историк из текста «Пополь-Вух»?

Прежде всего, мы узнаем, что киче и другие родственные им народности не считали себя исконными жителями этих областей. Судя по материалам третьей и четвертой части «Пополь-Вух», а также по совпадающим с ними сообщениям «Летописи какчикелей», все эти народности первоначально обитали где-то на Центральном Мексиканском плоскогорье, по всей вероятности в непосредственном соседстве с тольтеками Толлана (Тулан в «Пополь-Вух»). Затем в силу каких-то обстоятельств они были вынуждены пуститься в странствования и проникли до лагуны Де Терминос на территории современного штата Кампече. Здесь после кровопролитных сражений с жителями прибрежных областей киче и какчикели были принуждены прекратить свое движение на восток и повернуть в глубь страны. Постепенно, с жестокими лишениями, они продвигались в юго-восточном направлении, блуждая среди горных массивов

* Мы говорим здесь о значении литературных памятников исключительно как источников по политической истории. Значение любого литературного произведения как памятника культуры той или иной эпохи не требует, думается, никаких пояснений.

этой части страны. После долгих странствий киче достигли наконец центральных областей южной Гватемалы и осели в них. Так излагается древнейшая история киче в «Пополь-Вух».

Если мы обратимся к истории племен и народностей Центрального Мексиканского плоскогорья, известной нам несравненно лучше и по археологическим материалам, и по данным письменных источников, то нас поразит совпадение со сведениями, сообщаемыми в «Пополь-Вух». Действительно, в преданиях астеков, аколхуа, чичимеков и других народностей Центральной Мексики неоднократно упоминается их общая прародина — Чикомосток («Семь пещер»), откуда они пришли на Мексиканское плато. Но прародина киче и какчикелей, Тулан, постоянно имеет в «Пополь-Вух» эпитеты «Вукуб-сиван», «Вукуб-пек» («Семь ущелий», «Семь пещер»). И в свете этих отрывочных указаний становится яснее туманное сообщение лучшего знатока древней истории Мексики, францисканского монаха XVI в. Бернардино де Саагуна, говорившего, что древнейшие обитатели этой страны (Мексики) странствовали по морскому побережью, глядя на покрытые снегом далекие вершины гор и вулканов, пока не пришли в Гватемалу. Во время этого путешествия ими предводительствовал жрец, постоянно советовавшийся с их богом, что надлежит им делать...* Разве при чтении этого отрывка из Саагуна не вспоминаются сразу же скитания киче, описываемые в «Пополь-Вух»? Или те места из него, где рассказывается, как Балам-Киче, Балам-Акаб, Махукатах и Ики-Балам советовались с Тохилем, Авилишем и Хакавицем?

Проведенные на территории Мексиканского плато археологические раскопки вскрыли развалины древнего города тольтеков Толлана. Установлено, что в X в. н. э. жители этого города, обладавшие высокой культурой, были вытеснены со своего места нахлынувшими с севера варварскими племенами нахуа. Тольтеки стали продвигаться под давлением этих новых пришельцев на юг. Очевидно (здесь помогают указания, имеющиеся в «Пополь-Вух»), они обосновались после упорных боев с местным населением в районе лагуны Де Терминос. Затем часть тольтеков проникла на полуостров Юкатан, где они объединили под своей властью ряд городов-государств майя. Главным городом завоевателей стало поселение Чичен-Ица; не случайно многие постройки его являются чуть ли не копиями основных зданий Толлана.

* Sahagun Fray Bernardino de / Ed. Ed. Seler. Stuttgart, s. a. P. 433.

Другая часть тольтеков после долгих блужданий в мощных горных цепях Чиапаса вышла на плоскогорье южной Гватемалы. Эта территория также была заселена племенами майя: киче, какчикелями, мам и другими, жившими здесь уже долгое время. Пришедшие подчинили их себе. Первоначально обосновавшиеся здесь тольтеки поддерживали связь со своими соплеменниками (а возможно, и считали себя подчиненными им), находившимися около лагуны Де Терминос. Один из наиболее точных индейских информаторов, Гаспар Антонио Чи, пишет в «Сообщении из Текауто и Тепакана»: «В некие времена вся эта страна [полуостров Юкатан] была под властью одного владыки, который жил в древнем городе Чичен-Ица; его данниками были все владыки этой провинции, и даже извне, из Мексики, Гватемалы и Чиапаса и других провинций, ему посылали дары в знак мира и дружбы». Об этом же свидетельствует и рассказ «Пополь-Вух» о путешествии преемников Балам-Киче и его братьев на восток к повелителю Накшиту (часть IV, глава 6). В дальнейшем эта связь угасла; завоеватели растворились среди побежденных, а сказания об их путешествии из Толлана в Гватемалу вошли составной частью в мифы киче и какчикелей о рождении этих народов.

Так, комбинируя археологические данные и сообщения письменных источников, исследователи в настоящий момент восстанавливают (правда, пока еще достаточно гипотетично) древнюю историю этой части Гватемалы. Значение и важность сообщений, имеющих в «Пополь-Вух», для подобной работы легко установить из предшествующих строк. Конечно, в «Пополь-Вух», как и в любом другом эпическом произведении, имеются сдвиги исторических событий, перемещение их по сравнению с истинно хронологическим порядком, сближение фактов, в действительности разобщенных целыми историческими периодами. Но задача исследователя и состоит в том, чтобы вскрыть эти напластования и критически разобрать все извлеченные данные, — иначе он и не может именоваться исследователем. К сожалению, однако, и с этой стороны эпос киче изучен очень недостаточно. Возможности, которые он открывает как исторический памятник, еще не нашли пытливого и вдумчивого исследователя.

Очень ярко и точно рисуются в «Пополь-Вух» общественные отношения у киче. В тексте части IV мы видим, как постепенно растет различие между отдельными группами некогда единого общества, как образовавшаяся военная знать стремится к новым войнам, которые укрепляют социальное положение этой прослойки и умножают награбленные ею богатства.

Автор, перечисляя войны, показывает, как шаг за шагом растет у киче социальное расслоение, заканчиваясь образованием раннеклассового общества. Характерен в этом отношении рассказ в главе 7 последней части о войне людей илока против правителя Котуха; это первое восстание угнетенных против своих угнетателей.

Все сказанное выше, конечно, не следует понимать так, что создателю последней версии «Пополь-Вух» были известны законы исторического развития общества. Но он обладал достаточно зорким глазом, чтобы заметить явления, в которых эти закономерности сказались, и отразить их в своем произведении. В этом его неоспоримая заслуга.

Исключительно богатый материал дает «Пополь-Вух» и по этнографии древних народов Центральной Америки. Это могло бы явиться темой для специального исследования. Пока таких работ, однако, нет. Попытку изучить памятник киче с этой точки зрения сделал гондурасский ученый Рафаэль Жирар в своей книге «Пополь-Вух. История культуры майя-киче»*. В основу ее он положил правильный тезис, что данные по современной этнографии того или иного народа помогают понять его прошлое. В качестве отправного момента для исследования «Пополь-Вух» Жирар взял ритуальную драму индейцев чорти «История», представляющую, по его мнению, драматизованный синтез основных эпизодов эпического памятника киче. Однако, следуя положениям Люсьена Леви-Брюля об алогичности мышления первобытного человека, гондурасский исследователь пытается найти глубокий сакральный смысл в самых простых и ясных образах «Пополь-Вух». Поэтому результаты, к которым он приходит, невольно напоминают «открытие» американского ученого прошлого века А. Ле-Плонджина, утверждавшего, что греческий алфавит в действительности представляет собой древнейшую космогоническую поэму майя.

В заключение несколько слов о характере предлагаемого читателю перевода. В нем посильно передаются особенности художественного стиля памятника; это позволялось, однако, только в тех случаях, когда ради них не приходилось жертвовать точностью смысловой передачи. Именно с этой целью было решено отказаться от воспроизведения аллитерирующих рядов и ритма подлинника, почти невозможных на русском. Краткость, афористичность высказываний, игра столь распространенными в языке

* Girard R. Le Popol-Vuh. Histoire culturelle des Maya-Quichés. Paris, 1954.

киче омонимами, естественно, усложняли стоявшую перед переводчиком задачу. В тех случаях, когда автор «Пополь-Вух» сознательно делал содержание текста темным, давая по упомянутым выше причинам лишь намеки, переводчик не считал себя вправе их раскрывать, а комментировал их в примечаниях. Особенности синтаксической конструкции «Книги народа» (многократные повторения подряд личных местоимений, частое употребление страдательного залога), конечно, произвели бы неприятное впечатление на русского читателя, а в некоторых случаях просто затруднили бы восприятие текста*. Поэтому иногда переводчик был вынужден раскрывать местоименное подлежащее или дополнение и вместо бесконечных повторений слов «он», «они», «их» писать в скобках: «(братья)», «(владыки Шибальбы)», «(Шбаланке)» и т. д.

* См., например, часть I, главу 2: Ta xquibih cut v tzuculiquil utz are chuxic ri i poy aham che chighaic chitzihon bala chu vach vleu, ta chux-oc xegha cut, ta xquibih... — буквально: «Они, однако, сообщили тем их истину: „Это будет хорошо, они должны появиться, ваши фигуры, сделанные из дерева; они должны говорить, они будут разговаривать на земле!” — „Да будет это так!” — ответили они, и пока они говорили...»

I

Издания текста

Brasseur de Bourbourg Charles Etienne. Popol Vuh, Le Livre Sacré et les mythes de l'antiquité américaine, avec les livres héroïques et historiques des Quichés. Texte quiché et traduction française. Paris, 1861.

Schultze Jena L. Popol Vuh. Das heiliges Buch der Quiché Indianer von Guatemala. (Quellenwerke zu alten Geschichte Amerikas aufgezeichnet in den Sprachen der Eingeborenen. Bd. II. Ibero-Amerikanisches Institut). Berlin, 1944.

Villacorta C. J. Antonio y Flavio N. Rodas. Manuscrito de Chichicastenango. El Popol Buj. Estudio sobre las antiguas tradiciones del Pueblo Quiche (Guatemala). Texto indígena fonetizado y traducido al castellano... Guatemala, 1927.

II

Словари, грамматики и работы по языку киче, какчикель и цутухиль. Лингвистические связи киче с другими языками группы майя

Barrera Vásquez A. Idioma Quiche // Anales del Instituto nacional de Antropología e Historia. Mexico, 1945. Т. 1. P. 179—190. (Упомянуты названия местностей и действующие лица в «Пополь-Вух», «Рабиналь-Ачи», «Алит» и т. д.)

- Brasseur de Bourbourg Ch. Et.* Gramática de la lengua Quiche. Grammaire de la langue quiché espagnole-française, mise en parallèle avec ses deux dialectes, Cakchiquel et Tzutuhil, tirée des manuscrits des meilleurs auteurs guatémaliens... Part. 1—2. Paris, 1862.
- Brinton D. G.* A Grammar of the Cakchiquel Language of Guatemala. With an Introduction and additions. Philadelphia, 1884.
- Brinton Daniel G.* Catalogue of the Berendt linguistic collection // Bulletin of the Free Museum of Science and Art, Department of Archaeology University of Pennsylvania. 1900. V. 2.
- Calop Fernando.* Vocabulario del Idioma Kakchiquel traducido al español. Quetzaltenango, 1927.
- Charencey H., de.* De la conjugaison dans les langues de la famille Maya — Quiché. Louvain, 1885.
- Fernández Ferraz Juan.* Lengua Quiche (sinopsis de constituciyn gramatical). San José de Costa Rica, 1892.
- Flores Ildefonso Joseph.* Arte de la lengua metropolitana del reyno cakchiquel o guatemálico, con un paralelo de las lenguas metropolitanas de los reynos Kiche, Cakchiquel, y Tzutuhil etc. Guatemala, 1753.
- Friedrich Johannes.* Kurze Grammatik der alten Quiché — Sprache im Popol-Vuh. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1955. № 4. Wiesbaden, 1955. S. 307—499.
- Gouband Carrera Antonio.* Problemas etnológicos del Popol Vuh: 1. Proce-dencia y lenguaje de los Quichés // Antropología e Historia de Guatemala. 1949. № 1 (Guatemala).
- Lewy E.* Die Sprache der Quiché (Kice) von Guatemala // Sondabderab-druck aus «Anthropos». Bd. XXXII.
- Recinos Adrián.* Lenguas indígenas de Guatemala // Revista de etnología, arqueología y lingüística. T. I. № 5. P. 265—279 (San Salvador).
- Sáenz de Santa Maria Carmelo.* Diccionario Cakchiquel-Español. Guatemala, 1940.
- Schuller Rudolph.* Zur sprachlichen Verwandtschaft der Maya-Quitzé mit den Carib-Arauc // Anthropos. Bd. XIV, XV. Wien, 1919—1920.
- Schuller Rudolph.* Breve Contribución a la Bibliografía del Idioma K'ak'ciq'el, Dialecto Maya K'icé de Guatemala // International Journal of American Linguistics. 1930. V. 6. P. 37—40 (New York).

- Seler Ed.* Das Konjugationssystem der Maya-Sprachen. Inaug. Dissertation. Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach- und Altertumskunde. Bd. 1. Berlin, 1902. S. 65—126.
- Stoll Otto.* Supplementary Remarks to the Grammar of the Cakchiquel Language // Proceedings of the American Philosophical Society. V. 22. Philadelphia, 1885. P. 255—268.
- Teletor Celso Narciso.* Epitome quiché. Guatemala, 1951.
- Arte de las tres lenguas, Cacchiquel, Quiché y Tzutuhil. (Рукописный словарь Франсиско Хименеса языков какчикель, киче и цутухиль (93 листа). Хранится в библиотеке Ньюберри, Чикаго.)
- Compendio de nombres en lengua cakchiquel. (Рукописный словарь языка какчикель, составленный в 1704 г. Панталеоном де Гусманом. Хранится в частном собрании E. G. Squier'a.)
- Confessionario en la lengua de San Miguel Chichah, dialecto de la lengua quiché de Rabinal. (Рукопись XVIII в. на 11 листах. Хранится в Парижской национальной библиотеке.)
- Diccionario de Motul, Maya-Español. Atribuido a Fray Antonio de Ciudad Real / Edición hecha por Juan Martínez Hernández. Mérida, 1929.
- Primera Parte del Tesoro de las lenguas Cakchiquel, Quiché y Tzutuhil en que las dichas lenguas se traducen en la nuestra española. (Рукописный словарь какчикель, киче и цутухиль (204 листа), составленный Франсиско Хименесом в 1701—1720 гг. Хранится в библиотеке Бэнкрофта, Беркли, Калифорния.)
- Vocabulario Maya-Quiché — Cakchiquel, que se habla en la Laguna de Atitlán, Distrito de Sololá. (Рукописный словарь языков киче и какчикель, составленный в 1875—1893 гг. Педро Сильвой (206 листов). Хранится в Национальном музее г. Мехико.)
- Vocabulario de la lengua quiché compuesto por el apostólico celo de los M. R. P. Franciscanos de esta santa provincia del dulcissimo nombre de Jesús del arzobispado de Guatemala. (Рукописный словарь языка киче, составленный в 1787 г. францисканскими монахами, вероятно, в Сакапуласе. Хранится в Музее Пибоди, Кембридж, Массачусетс.)
- Vocabulario de la lengua Cakchiquel vel Guatemalteca. (Рукописный словарь языка какчикель, составленный Томасом Кото. Хранится в Американском философском обществе, Филадельфия.)
- Vocabulario Cakchiquel. (Рукописный словарь языка какчикель, составленный Фр. Барела (267 с.). Хранится в Национальном музее г. Мехико.)

Vocabulario quiché. (Рукописный словарь языка киче, составленный около 1698 г. Доминго де Бассета. Хранится в Национальной библиотеке, Париж.)

Vocabulario de las Lenguas Quiché y Kakchiquel. (Рукописный словарь языков киче и какчикель из коллекции Ш. Э. Брассера де Бурбура. Хранится в Парижской национальной библиотеке.)

III

Основные переводы «Пополь-Вух»

Asturias M. A. y Mendoza J. M. G. Los dioses, los héroes y los hombres de Guatemala antigua o el libro del consejo Popol-Vuh de los indios Quiches. Paris, 1927. (Испанский перевод с французского перевода Ж. Рейно.)

Asturias M. Angel y J. Manuel Gonzalez de Mendoza. El Libro del Consejo. Mexico: Biblioteca del estudiante universitario, 1939. (Испанский перевод с французского перевода Ж. Рейно.)

Бальмонт К. Д. Змеиные цветы. Пб., 1910. (Перевод с французского перевода Брассера де Бурбура основных частей «Пополь-Вух».)

Barberena S. J. El Popol Vuh o libro de los antiguos votánides // Documento de capital importancia para el estudio de la historia precolombina de estos países. V. I—III. San Salvador: Biblioteca centroamericana, 1905. (Испанский перевод Х. Гаваррете с французского перевода Ш. Э. Брассера де Бурбура.)

Cardevilla Arturo. El Popol Vuh para todos. Guatemala, 1938.

Cardevilla Arturo. El Popol Vuh o la Biblia de los mayas. Buenos Aires. 114 p. (Emesé Editores).

Claasen Oswald. Die Ahnen des Mondes. Eine indianische Edda. Krefeld, 1933. (Литературная переработка нескольких частей из «Пополь-Вух».)

Gavarrete Juan. El Popol Buj / Versión española de la traducción de Brasseur de Bourbourg comparada con la de Ximénez, con notas tomadas de ambos comentadores y concordancias con las Santas Escrituras // Colección de documentos históricos reunidos en la parte etnográfica del Museo Nacional. Sociedad Económica de Guatemala. Guatemala, 1872—1873. V. III. № 1—27.

González de Mendoza J. M. Traducciones del Popol Vuh (Noticia bibliográfica) // El Libro y el Pueblo. 1932. № 8 (México).

- Hartman G. V.* The Story of the Calabash-tree in the Popol Vuh // Journal of American Folklore. 1907. V. XX. № 77. P. 148—150.
- Krickeberg Walter.* Märchen der Azteken und Inkaperuaner, Maya und Muisca. Jena, 1928. (Французский перевод Брассера де Бурбура, переведенный на немецкий и сверенный с текстом киче в том же издании.)
- Linné S.* Popol Vuh. A New Translation of the Sacred Book // Ethnos. V. 10. 1945. № 4. P. 165—181 (Stockholm). (Критический разбор перевода Шульце-Иены.)
- El Popol Vuh / Versión española de la traducción de Brasseur de Bourbourg comparada con la de Ximenez, con notas tomadas de ambos comentadores y concordancias con las Santas Escrituras, por. D. Juan Gavarrete // El Educacionista, Revista de Instrucción Pública. 1894—1896. № 3—24 (Guatemala).
- The Popol Vuh or Book of the Holy Assembly / Translated by Kenneth S. Guthrie // Word. 1905. № 12. (New York). (Плохой английский перевод с французского перевода Брассера де Бурбура.)
- El Popol Vuh (o libro sagrado de los antiguos votánides) // Revista del Archivo y Biblioteca Nacional de Honduras. 1906—1907 (Tegucigalpa). (Испанский перевод с французского перевода Брассера де Бурбура.)
- Das Popol Wuh / Die mythische Geschichte des Kiče — Volkes von Guatemala nach dem Original-Texte übersetzt und bearbeitet von Noah Elisier Pohorilles (Mythologische Bibliothek. Bd. VI. Lief. 1). Leipzig, 1913. (Немецкий перевод с французского перевода Брассера де Бурбура, сверенный с текстом киче в том же издании.)
- El Popol Vuh / Versión española de la traducción de Brasseur de Bourbourg... por D. Juan Gavarrete // Revista Centro-América. V. XI—XIII. Guatemala, 1919—1921.
- El Popol Vuh o Libro Sagrado de los antiguos votánides. Documento de capital importancia para el estudio de la historia precolombina de estos países. Tomado de la edición centroamericana de 1905. Mérida, 1923.
- Popol Vuh, Libro sagrado del Quiché, versión española del texto francés del abate Carlos Esteban Brasseur de Bourbourg. Ediciones de la biblioteca nacional. San Salvador, 1926.
- El Popol Vuh. Advertencia y Selección de Ermilo Abreu Gómez. Biblioteca Enciclopédica Popular. № 34. México, 1944.

- Popol Vuh o el Libro del Consejo / Notas por Luis M. Baudizzone. Buenos Aires, 1944. (Испанский перевод с французского перевода Ж. Рейно.)
- Popol Vuh. Yikal Maya Than // Revista de Literatura Maya. V. V—VIII. Mérida, 1944—1946. (Перепечатка издания Сантьяго Барберены, 1905 г.)
- Popol Vuh. Las Antiguas Historias del Quiché / Traducidas del texto original con una introducción y notas por Adrián Recinos. Mexico, 1947 (2-е изд. 1953).
- Popol Vuh. The sacred book of the ancient Quiche Maya / English version by Delia Goetz and S. G. Morley from the Spanish translation by Adrián Recinos. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1950.
- Raynaud Georges. Les dieux, les héros et les hommes de l'ancien Guatemala d'après le Livre du Conseil (Popol Vuh) // Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sciences religieuses. V. 41. Paris, 1925.

IV

Литература о «Пополь-Вух».

Памятники древней литературы народов Мексики и Центральной Америки и работы о них

- A. G. J. Popol Vuh / Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. XI. 1935. № 4. P. 459—464 (Guatemala).
- Anales de los Xahil de los indios cakchiqueles. Guatemala, 1937. (Испанский перевод М. Анхеля Астуриаса и Х. Мануэля Гонсалеса де Мендосы с французского перевода Ж. Рейно.)
- The Annals of the Cakchiquels / Translated from the Cakchiquel Maya by Adrián Recinos and Delia Goetz; Title of the Lords of Totonicapan / Translated from the Quiché text into Spanish by Dionisio José Chonay; English version by Delia Goetz. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1953.
- Asturias M. Angel y J. Manuel González de Mendoza. Anales de los Xahil. Biblioteca del estudiante universitario. México, 1947. (Испанский перевод с французского перевода Ж. Рейно.)
- Barrera Vásquez A. and Morley S. G. The Maya Chronicles // Contributions to the American Anthropology and History. № 48. Carnegie Institution Publication. № 585. Washington, 1949.
- Batres Jáuregui Ant. El Popol Buj // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. IV. 1929. № 1. P. 25—29 (Guatemala).

- Berlin Heinrich.* La Historia de los Xpantzay // Antropología e Historia de Guatemala. V. II. 1950. № 2. P. 40—53 (Guatemala).
- Brinton D.* The Maya Chronicles // Library of American Aboriginal Literature. V. I. Philadelphia, 1882.
- Brinton D. G.* The Names of the Gods in the Kiché Myths, Central America // Proceedings of the American Philosophical Society held at Philadelphia for promoting useful knowledge. V. XIX. 1880/81. Philadelphia, 1882. P. 613—647.
- Brinton D. G.* Aboriginal American Authors and Their Productions. Philadelphia, 1883.
- Brinton D. G.* Annals of the Cakchiquels / The original text with a translation, notes, and introduction. Philadelphia, 1885.
- Brinton D. G.* Ancient Nahuatl Poetry. Philadelphia, 1887.
- Brinton D. G.* Rig Veda Americanus. Philadelphia, 1890.
- Brinton D. G.* Nagualism. A Study in Native American Folklore and History. Philadelphia. 1894.
- Charencey H., de.* Título de los Señores de Totonicapán. Titre Généalogique des Seigneurs de Totonicapán. Alençon, 1885. (Составлен на киче в XVI в., переведен на испанский в 1834 г., подлинник утерян. В этом издании дается испанский текст и французский перевод.)
- Charencey H. de.* Le Popol Vuh et l'État de Xibalba // Journal de la Société des Américanistes de Paris. V. XI. 1914. № 1. P. 366—368.
- Cressonière L., de la.* Popol Vuh, Le Livre Sacré et les mythes de l'antiquité américaine // Nouvelles Annales des Voyages, de la Géographie, de l'Histoire et de l'Archéologie. 6 sér. Lausanne, 1862. P. 87—116.
- Caribay A. M. K.* Historia de la literatura nahuatl. Parte I—II. Mexico, 1953—1954.
- Girard Rafael.* Una obra maestra del teatro maya // Cuadernos Americanos. V. VI. 1947. № 6. P. 157—188 (México).
- Girard Rafael.* Esoterismo del Popol Vuh. Mexico, 1948.
- Girard Rafael.* El Popol-Vuh // Fuente histórica. V. 1. Guatemala, 1952.
- Girard Raphael.* Le Popol-Vuh. Histoire culturelle des Maya-Quichés. Paris, 1954.
- Imbelloni Jose.* El Génesis de los pueblos protohistóricos de América. I. La Narración Guatemalteca // Boletín de la Academia Argentina de Letras. V. VIII. № 32. Buenos Aires, 1940. P. 539—628. (Выпущена отдельной книгой в 1943 г. в Буэнос-Айресе.)

- Imbelloni Jose.* Qué significa «Popol Vuh»? Intitulación y función del manuscrito de Chichicastenango // Actes du XXVIII-e Congrès International des Américanistes. Paris, 1948. P. 393—405.
- Lardé Jorge.* El Popol Vuh. El monumento literario de los pueblos maya-quiché. El Salvadoreño, 12.07.1926 (San Salvador).
- Martínez Hernández Juan.* Crónica de Yaxkukul. Mérida, 1926.
- Memorial de Tecpán Atitlan, escrito por Don Francisco Hernández Arana Xahilá y continuado por Don Francisco Díaz Xebutá Queh. Guatemala, 1873—1874. (Перевод «Летописи какчикелей» на испанский Х. Гаваррете с неопубликованного французского перевода Брассера де Бурбура.)
- Merida Carlos.* Estampas del Popol Vuh. México, 1943.
- Mimenza Castillo Ricardo.* El Popol Vuh, su importancia y trascendencia // Tierra. 1923. № 9, 11, 13 (México).
- Mimenza Castillo Ricardo.* El «Popol Vuh», su importancia y su trascendencia. Yikal Maya Than // Revista de Literatura Maya. V. XV (1954). № 180. P. 138—141 (Mérida).
- Monroy Rafael E.* Antigua tradición del pueblo Quiché. De como al descender el aliento divino se creó un mundo, idea contenida en las dos palabras popol vuh. Yikal Maya Than // Revista de Literatura Maya. V. XIV (1953). № 164. P. 54—59; № 165. P. 78—83; № 166. P. 114—118; № 167. P. 132—136; № 169. P. 167—168, 179; V. XV (1954). № 173—174. P. 17—23; № 175. P. 34, 36—39 (Mérida).
- Monroy Rafael E.* Popol Vuh // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. XVII. 1941. № 1. P. 26—29; V. XIX. 1944. № 2. P. 418—426 (Guatemala).
- Monterde Francisco.* El Centenario de la primera edición de una obra indígena mesoamericana // Cuadernos Americanos. 1959. № 1. P. 161—168.
- Müller M.* Popol Vuh. Essays. Bd. 1. Leipzig, 1869. S. 272—296.
- Ponce de Elizundia N.* Estudio e importancia literaria de las leyendas mayas. México, 1951. (Краткий анализ содержания, литературного стиля и значения легенд майя, включая материалы из «Пополь-Вух» и книг баламов.)
- The Popol Vuh or Book of the Holy Assembly. The Significance of the Popol Vuh // The Word. New York, 1905. № 10—11.
- A Short Work on the Popol Vuh and the Traditional History of the Ancient Americans by Ixtlilxochitl. Kansas City, 1918.

- Porras Troconis Gabriel*. La Creación del mundo según el Popol Vuh // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. X. 1933. № 1. P. 21—31 (Guatemala).
- Raynaud Georges*. Les créations et les guerres des dieux, d'après une Bible centro-américaine. École pratique des Hautes Études. Paris, 1918.
- Recinos Adrián*. Memorial de Sololá. Anales de los Cakchiqueles. Título de los Señores de Totonicapan. México, 1950.
- Rodríguez Macal Virgilio*. Ensayos de interpretación sobre el Popol-Vuh y los orígenes de la civilización maya // Anales de la Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. 25. Guatemala, 1951. P. 330—353.
- Roys Ralph L.* The Book of Ghilam Balam of Chumayel // Carnegie Institution of Washington Publication. № 438. Washington, 1933.
- Schmidt Wilhelm*. Die Weltzeitalter des Popol Vuh als Schichtung der Maya-Kultur // Anthropos. Bd. 47. 1952. № 3—4. S. 561—586 (Freiburg).
- Schuller Rudolph*. El Huracán, dios de la tormenta, y el Popol Vuh // Archivos del folklore cubano. V. IV. 1929. № 2. P. 113—118 (Cuba).
- Schuller Rudolph*. Der Verfasser des Popol Vuh // Anthropos. 1931. Bd. XXVI. № 5/6. S. 929—935.
- Schuller Rudolph*. Das Popol Vuh und das Ballspiel der K'iché Indianer von Guatemala, Mittelamerika // Internat. Archiv für Ethnographie. Bd. XXXIII. Leiden, 1935. S. 105—116.
- Schullz Wolfgang*. Einleitung in das Popol Wuh // Mythologische Bibliothek. Bd. VI, 2. Leipzig, 1913.
- Seler Ed.* Über die Herkunft einiger Gestalten der Qu'iché- und Cakchiquelmythen // Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach- und Altertumskunde. Bd. III. Berlin, 1903. S. 573—577.
- Seler Ed.* Der Bedeutungswandel in der Mythen des Popol Vuh. Eine Kritik // Anthropos. 1913. Bd. VIII. P. 382—388. (Рецензия на перевод Похориллеса.)
- Spence Lewis*. The Popol Vuh. The Mythic and Heroic Sagas of the Kichés of Central America. London, 1908.
- Spence Lewis*. The Popol Vuh: America's oldest book // The Open Court. V. 42, Chicago, 1928. P. 641—658.
- Spence Lewis*. Folklore of the Popol-Vuh // Thirtieth International Congress of Americanists. London, 1952. P. 50—53.
- Тítulos de Ixcuin Nehaib. Títulos de los antiguos nuestros antepasados, los que ganaron estas tierras de Otoyoyá antes que viniera la fe de Jesucristo,

- entre ellos, en el año de mil y trescientos. La Sociedad Económica de Guatemala. Guatemala, 1876.
- Über die vorcolumbische Geschichte von Guatemala // Das Ausland. 1855. № 7 (Berlin). (Первое печатное упоминание о «Пополь-Вух».)
- Valle Rafael Heliodoro. Sobre el Popol Vuh // Investigaciones Lingüísticas. V. II. México, 1934. P. 331—332.
- Vela David. Leyendo el Popol Vuh. El Imparcial. Guatemala, 1934.
- Villacorta C. J. Antonio. Memorial de Tecpán-Atitlan. Anales de los Cakchiqueles. Guatemala, 1936.

V

**Основные работы испанских хронистов,
в которых находятся материалы,
связанные с содержанием «Пополь-Вух»**

- Casas, Bartolomé de Las. Historia de las Indias. V. II—III. Madrid, 1926—1927.
- Cogolludo Diego Lopez de. Historia de Yucatán. Mérida, 1867.
- Diaz del Castillo Bernal. Historia Verdadera de la conquista de la Nueva España. México, 1939.
- Fuentes y Guzmán Francisco Antonio de. Recordación Flórida, Discurso historial y demostración natural, material, militar y political del Reyno de Guatemala // Biblioteca Goathemala. V. VI—VIII. 1932—1933.
- Ixtlilxochitl Fernando de Alva. Obras Históricas. Tomo I. Relaciones. Tomo II. Historia Chichimeca. México, 1891—1892.
- Ланда Диэго де. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. со ст.-исп., предисл. и примеч. Ю. В. Кнорозова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Lehmann Walter. Der Kalender der Quiché-Indianer Guatemalas // Anthropos. 1911. Bd. 6. S. 403—410. (Издание неопубликованного отрывка из произведения Ф. Хименеса Historia del Origen de los Indios. Было затем переиздано в 1926 г. в Revista de etnología, arqueología y lingüística. Т. 1. San Salvador. P. 251—257.)
- Remesal Antonio de. Historia de la Provincia de San Vicente de Chiapa y Guatemala. Т. I—II. Guatemala, 1932.
- Rodríguez Cabal Juan. Apuntes para la vida del M. R. Padre presentado y predicador general Fr. Francisco Ximénez. Guatemala, 1935.

- Sahagun Bernardino de.* Historia general de las cosas de Nueva España. México, 1938.
- Scherzer Karl.* Mitteilungen über die Handschriftlichen Werke des Padre Francisco Ximénez in der Universitäts-Bibliothek zu Guatemala. Vienna, 1856.
- Солис А.* История о покорении Мексики: В 2-х ч. СПб., 1765 (2-е изд. 1789).
- Vázquez Francisco.* Crónica de la Provincia del Santissimo Nombre de Jesús de Guatemala // Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. I—IV. Guatemala, 1937—1944.
- Ximénez Francisco.* Las Historias del Origen de los Indios da esta Provincia de Guatemala, traducidas de la lengua Quiche al castellano... por el R. P. F. Francisco Ximénez... Publicado por la primera vez y aumentado con una introducción y anotaciones por el Dr. C. Scherzer. Vienna, 1875.
- Ximénez Francisco.* Las Historias del Origen de los Indios de esta Provincia de Guatemala. San Salvador, 1926.
- Ximénez Francisco.* Historia de la Provincia de San Vicente de Chiapa y Guatemala // Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. I—III. Guatemala, 1929—1931.
- Ximénez Francisco.* Historia Natural del Reino de Guatemala. (Рукопись; хранится в «Гватемальском обществе географии и истории» в г. Гватемала.)
- Zorita A.* Breve y Sumaria Relación de los Señores de la Nueva España // J. García Icazbalceta. Nueva Collección de Documentos para la Historia de México. T. III. Mexico, 1891. P. 71—227.

VI

Основные археологические, исторические и этнографические работы, связанные с изучением «Пополь-Вух»

- Acosta J.* Las ruinas de Zaculeu // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. VI. Guatemala, 1930. P. 454—465.
- Barra y Valenzuela P.* Los Nahoas. Historia, vida y lengua. México, 1953.
- Blom Fr.* A polychrome Maya plate from Quintana Roo // Notes on Middle American Archaeology and Ethnology. № 98. Carnegie Institution of Washington, Division of Historical Research. Washington, 1950.

- Brasseur de Bourbourg Ch. Et.* Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique Centrale durant les siècles antérieurs à Christophe Colomb. Paris, 1858.
- Brasseur de Bourbourg Ch. Et.* Bibliothèque Mexico-Guatémaliennne. Paris, 1871.
- Brasseur de Bourbourg Ch. Et.* De Guatemala a Rabinal // Anales Sociedad Geografía e Historia de Guatemala. V. XX. 1945. P. 113—118, 231—234, 296—299; V. XXI. 1946. P. 67—73, 157—170 (Guatemala).
- Burkitt R.* Explorations in the Highlands of Western Guatemala // Museum Journal. V. 21. Philadelphia, 1930. P. 41—72.
- Caso A.* El complejo arqueológico de Tula y las grandes culturas indígenas de México // Revista Mexicana de Estudios Antropológicos. T. 5. México, 1941. P. 85—95.
- Charencey H., de.* Le Mythe de Totán, étude sur les origines asiatiques de la civilisation américaine. Alençon, 1871.
- Dieseldorf E. P.* Kunst und Religion der Mayavölker im alten und heutigen Mittelamerika. 3 Bde. Berlin; Hamburg, 1926—1933.
- Dutton Bertha P.* Tula of the Toltecs // El Palacio. V. 62. 1955. № 7/8 (Santa Fe).
- García Peláez Francisco de Paula.* Memories para la historia del antiguo reyno de Guatemala. 3 v. Guatemala, 1851—1852.
- Girard Rafael.* Los Chortís ante el problema Maya. T. I—V. México, 1949.
- Gordon George Byron.* Guatemalan Myths // Museum Journal. V. IV. № 3 (September). P. 103—144. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 1915.
- Jiménez Moreno Wigberto.* Tula y los Toltecas según las fuentes históricas // Revista Mexicana de Estudios Antropológicos. T. V. 1941. № 2—3 (México).
- Kidder A. V.* Archaeological problems of the highland Maya. The Maya and their Neighbors. New York, 1940. P. 117—125.
- Kidder A. V., Jennings J. D. and Shook E. M.* Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala. Carnegie Institution of Washington Publication. № 561. Washington, 1946.
- Lehmann W.* Ein Toltekenklagegesang / Festschrift Eduard Seler. Stuttgart, 1922.
- Lehmann W.* Die Geschichte der Königreiche von Colhuacan und Mexiko. Quellenwerke zur alten Geschichte Amerikas, aufgezeichnet in den Sprachen der Eingeborenen, herausg. von Ibero-Amerikanischen Institut. Bd I. Stuttgart; Berlin, 1938.

- Lehmann-Nitsche Robert.* Mitología Centroamericana // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. II. 1926—1927. № 4. P. 408—414 (Guatemala).
- León Juan de.* Mundo quiché. Guatemala: Talleres tipográficos San Antonio, 1945.
- Long Richard C. E.* The Dates in the Annals of the Cakchiquels and a Note on the 260-Day Period of the Maya // Journal the Royal Anthropological Institute. V. 54. London, 1934. P. 57—68.
- Lothrop S. K.* A Quiché altar // Man. 1926. № 55 (London).
- Lothrop S. K.* Santiago Atitlan, Guatemala // Indian Notes und Monographs, Museum of Heye Foundation. V. 5. New York, 1929. P. 370—395.
- Lothrop S. K.* Atitlan. An Archaeological Study of Ancient Remains on the Borders of Lake Atitlan, Guatemala // Carnegie Institution of Washington Publication. № 444. Washington, 1933.
- Lothrop S. K.* Zacualpa. A Study of Ancient Quiche Artifacts // Carnegie Institution of Washington Publication. № 472. Washington, 1936.
- Mackenzie Donald A.* Myths of Pre-Columbian America. London, 1941.
- Me Dougall Elsie.* Observations on Altar Sites in the Quiché Region, Guatemala // Carnegie Institution of Washington. Notes on Middle American Archaeology and Ethnology. № 62. Washington, 1946.
- Мелетинский Е. М.* Мифологический и сказочный эпос меланезийцев. (По материалам фольклора гуантуна) // Океанийский этнографический сборник. Тр. института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер. Т. XXXVIII. М., 1957. С. 175—212.
- Mencos F. Agustín.* Literatura guatemalteca en el período de la Colonia. Guatemala, 1937.
- Morley S. G.* The Historical Value of the Books of Chilan Balam // American Journal of Archaeology. V. 15. 1911. № 2. P. 195—214 (Norwood).
- Nottebohm K. H.* A Second Tlaloc Gold Plaque from Guatemala // Carnegie Institution of Washington. Notes on Middle American Archaeology and Ethnology. № 51. Washington, 1945.
- Prowe Herman.* Vestigios de ciencias en los documentos antiguos de los indios de Guatemala // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. V. V. № 10. P. 419.
- Recinos A. y Cruz F.* Monumentos indígenas de la República de Guatemala // Centro América. T. V. 1913. № 2, 3 (Guatemala).

- Robelo Cecilio A.* Diccionario de la Mitología Nahuatl. México, 1911.
- Rodas N. Flavio y Ovidio Rodas Corzo.* Simbolismos de Guatemala. Guatemala, 1938.
- Rodas N. Flavio, Ovidio Rodas Corzo and R. Lawrence F. Hawkins.* Chichicastenango. The Kiche Indians. Their History and Culture, Sacred Symbols of Their Dress and Textiles. Guatemala, 1940.
- Rois R. L.* The Ethno-Botany of the Maya // Middle American Research, Series, Publication № 2, Department of Middle American Research, Tulane University. New Orleans, 1931.
- Sapper Carl.* Beiträge zur Ethnographie der Republik Guatemala // Petermanns Mitteilungen. Bd. 39. Gotha, 1893.
- Saville M. H.* Toltec or Teotihuacan types of artifacts in Guatemala // Indian Notes and Monographs, Museum of Heye Foundation. V. VII. 1930. № 2 (New York).
- Schultze Jena L.* Indiana I. Leben, Glaube und Sprache der Quiché von Guatemala. Jena, 1933.
- Seler Eduard.* Die Chronologie der Cakchiquel-Annalen // Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach- und Altertumskunde. Bd. I. Berlin, 1902. S. 504—506.
- Shook Ed. M. and Kidder A. V.* Mound E-III-3, Kaminaljuyú, Guatemala // Contributions to American Anthropology and History. V. XI. № 53; Carnegie Institution of Washington Publication. № 596. Washington, 1952. P. 33—127.
- Spence Lewis.* The Gods of Mexico. London, 1923.
- Spence Lewis.* The Magic and Mysteries of Mexico. Philadelphia, 1930.
- Standley Paul C.* Flora of Yucatán // Field Museum of Natural History Publication. № 279. Botanical Series. V. III. 1930. № 3 (Chicago).
- Standley Paul C. and Julian A. Steyermark.* Flora of Guatemala // Field Museum of Natural History. Botanical Series. V. 24. 1946. № 4 (Chicago).
- Stephens J. L.* Incidents of travel in Central America, Chiapas and Yucatan. 2 v. New York, 1841.
- Stoll Otto.* Zur Ethnographie der Republik Guatemala. Zürich, 1884.
- Stoll Otto.* Die Ethnologie der Indianerstämme von Guatemala. (Internat. Archiv für Ethnographie, Suppl. zu Band I). Leiden, 1889.
- Teletor Celso Narciso.* Toponimia de Rabinal // Anales Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. 1943. № 4.

- Teletor C. N.* Apuntes para una monografía de Rabinal (B. V.) y algo de nuestro folklore. Guatemala, 1955.
- Termer F.* Die Bedeutung der Pipiles für die Kulturgestaltung in Guatemala // *Bässler Archiv*. Bd. 19. Berlin, 1936. S. 108—113.
- Thompson J. E. S.* A Coordination of the History of Chichen Itza with Ceramic Sequences in Central Mexico // *Revista Mexicana de Estudios Antropológicos*. T. 5. México, 1941. P. 97—111.
- Thompson J. E. S.* A trial survey of the southern Maya area // *American Antiquity*. V. IX. 1943. № 1. P. 106—134 (Menasha).
- Thompson J. E. S.* Stone Sculptures from Southeastern Quezaltenango, Guatemala // *Carnegie Institution of Washington. Notes on Middle American Archaeology and Ethnology*. № 17. Washington, 1943.
- Thompson J. E. S.* An Archaeological Reconnaissance in the Cotzumalhuapa Region, Escuintla, Guatemala // *Carnegie Institution of Washington Publication*. № 574. Contributions to American Anthropology and History. V. IX. № 44. Washington, 1948.
- Thompson J. E. S.* The rise and fall of Maya civilization. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1955.
- Trik A. S. and Woodbury R. B.* Zaculeu: a highland Maya study and restoration. New York, 1951.
- Trübner Nicolaus.* The New Discoveries in Guatemala // *The London Athenaeum*. 1856. № 1472. P. 42—43.
- Вайян Дж.* История ацтеков. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1949.
- Valentini Ph. J. J.* Das geschichtliche in den mythischen Städten von «Tulan» // *Zeitschrift für Ethnologie*. Bd. 28. 1896. S. 44—55.
- Vela D.* Ensayo sobre geneonomía maya-quiché. Guatemala.
- Villacorta J. A. y Villacorta C. A.* Arqueología Guatemalteca. Guatemala, 1927.
- Villacorta C. J. Antonio.* Los Quichés. Guatemala. 1927.
- Villacorta C. J. Antonio.* Prehistoria e Historia Antigua de Guatemala. Guatemala, 1938.
- Waterman T. T.* On Certain Antiquities in Western Guatemala // *Bulletin of the American Union*. № 58. Washington, April 1924. P. 341—361.
- Wauchope Robert.* Zacualpa // *Yearbook of Carnegie Institution*. № 35. 1936. P. 128—130.
- Wauchope R.* Effigy Head Vessel Supports from Zacualpa, Guatemala. Los Mayas Antiguos, México, 1941. P. 211—232.

- Wauchope Robert*. Gremations at Zacualpa, Guatemala // Actas de la primera sesión del XXVII congreso internacional de Americanistas. T. 1. México, 1942. P. 564—573.
- Wauchope R.* An approach to the Maya correlation problem through Guatemala highland archaeology and native annals // *American Antiquity*. V. XIII. 1947. № 1. P. 59—66 (Menasha).
- Wauchope Robert*. Excavations at Zacualpa, Guatemala // Middle American Institute, Tulane University. Publication № 14. New Orleans, 1948.
- Wauchope Robert*. Las edades de Utatlan e Iximché // *Antropología e Historia de Guatemala*. V. I. 1949. № 1. P. 10—21 (Guatemala).
- Woodbury R. B., Trik A. S., Dimick J. M.* and others. The Ruins of Zaculeu. Guatemala. V. I—II. Richmond, Virginia, 1953.
- Williams García Robert*. Trueno viejo Huracán-Chac-Mool // *Tlatoani*, 2ª Época. 1954. № 8—9. P. 77.
- Weitzel R. B.* The books of Chilam Balam as tradition // *American Journal of Archaeology*. V. 35. 1931. № 3. P. 319—323 (Norwood).

- Авилиш, бог 95, 99—101, 103, 105—106, 109—113, 135, 137, 151, 153—154, 156, 165
 «Авилиш», храм 135
 Авилиш (звание) 93, 127, 135, 140
 Авраам 149
 Акалель (звание) 171
 Акутек, предводитель киче 159
 Алаи-туи (звание) 167
 Альварado, Педро де, конкистадор, завоеватель Гватемалы 172
 Ах-Алькана, владыка Шибальбы 38, 42, 65—66
 Ах-Альмес, владыка Шибальбы 38, 42
 Ах-Альпух, владыка Шибальбы 38, 41, 65—66
 Ах-Альтокоб, владыка Шибальбы 38, 42
 Ахау-ах-поп-калель-нихайиб (звание) 172
 Ахау-ах-поп-кикабиль-винак-нимайа (звание) 172
 Ахау-ах-цик-винак (звание) 127
- Ахау-ах-цик-винак-ахау-киче (звание) 172
 Ахау-калель (звание) 127, 132
 Ахау-Киче (имя рода) 90, 92, 122, 125—128, 132, 135, 140—141, 144, 170
 Ахау-лольмет (звание) 128
 Ахау-ним-чокох-ахау (звание) 128
 Ахау-хакавиц (звание) 128
 Ах-йиккаль-нимайак-йашом-балам-кавек-кикавиц (звание) 172
 Ахкан, сын Цикина 160
 Ахкан (имя рода) 160
 Ах-кукумац (звание) 127—128, 139
 Ах-кукумац, Диэго Перес 174
 Ах-поп (звание верховного правителя киче) 46, 123—124, 127—129, 132—133, 135, 137—139, 142, 157, 159, 161, 164, 167, 170—172, 174
 Ах-поп-ачих (звание) 41, 46, 133
 Ах-поп-камха (звание) 123—124, 127—129, 132—133, 135, 137, 139, 159, 161, 164, 167—168, 170

* Материалы указателей охватывают текст «Пополь-Вух» и «Родословной владык Тотоникапапа», а также примечаний и комментария.

В именной указатель включены имена собственные, эпитеты божеств, а также названия литературных произведений и почетные звания киче. В случаях, когда написание собственных имен в «Пополь-Вух» и «Родословной...» различается, в указатель включается и тот и другой вариант: например, «Кикаб» и «Кика-Кависимах» и т. д.

- Ах-поп-камхайль (звание) 158
 Ах-поп-кикабель-винак (звание) 170
 Ах-поп-цах (звание) 170
 Ах-порамонер (звание?) 171
 Ах-Посоциль (звание) 98, 171
 Ах-Поцоциль (имя рода) 104
 Ах-Поша[хиль] (имя рода) 104, 171
 Ах-Тибильшат, предводитель одного из враждебных киче племен 163
 Ах-тохиле (звание) 159
 Ах-тохиль (звание) 127—128, 139, 174
 Ах-Тохиль, Хуан Лукас 174
 Ах-Цалакан, предводитель одного из враждебных киче племен 163
 Ах-цалам (звание) 135, 157, 164, 170
 Ах-цалам-ачих (звание) 133
 Ах-ци-винак (звание) 164
 Ах-цивинак-нихайиб (звание) 172
 Ах-цик-винак (звание) 128, 131—133, 137, 140
 Ах-цик-винак-ахау (звание) 140
 Ацивинак (звание) 161
 Ацивинакиль-тем (звание) 159
 Ачак-Ибой, владыка людей Ахау-Киче 132, 144
- Баках, вождь народа вук-амак 155
 Балам-Акаб, прародитель киче 87—90, 92—103, 105—106, 109—111, 114—123, 138—139, 148—149, 153—155, 160—161, 164
 Балами-Ха («Дом ягуаров»), место испытаний в Шибальбе 44
 Балам-Киче, прародитель киче 87—90, 92—103, 105—107, 109—111, 114—123, 138, 148—149, 153—157, 160—162, 164, 168, 174
 Балам-Коначе, правитель киче, сын Кокавиба 138, 158, 160
 Баца, правитель Нихайба 139
 Белехеб-Кех, правитель Нихайба 124, 139
 Белехеб-Ци, правитель Кавека 138
- Вак, мифологическая птица-сокол 62
 Вахшаки-Каам, правитель Кавека 138
- «Великая мать» 7, 8, 10, 14—15, 86—89, 91
 «Великий отец» 7, 8, 10, 14—15, 86—89, 91
 «Великое здание Тохия» (имя храма Тохия) 135
 Винак-Бам, повелитель Ахау-Киче 140
 «Владыка зеленого блюда» 7, 9
 «Владыка зеленой чаши» 7, 9
 «Владыка оленей» 120
 Вок, мифологическая птица, сокол, посланник Хуракана 38, 40, 91
 Вукуб-Ах, повелитель Ахау-Киче 140
 Вукуб-Какиш, отец Кабракана и Сипакны 21—26, 29, 31—32, 34
 Вукуб-Камс, владыка Шибальбы 38, 40—45, 47—48, 61, 63, 65—66, 68, 70—71, 73, 77—78, 80—81
 Вукуб-Нох, правитель Кавека 138
 Вукуб-Хун-Ахпу, брат Хун-Хун-Ахпу 37—39, 41—45, 47, 50, 59, 61, 82, 84
- Дважды почтенный Прародитель 7
 Дважды почтенная Прародительница 7
 «Дом летучих мышей», место испытаний в Шибальбе 44, 72, 74
 «Дом мрака», место испытаний в Шибальбе 44, 67
 «Дом ножей», место испытаний в Шибальбе 44, 69
 «Дом пламени», место испытаний в Шибальбе 72
 «Дом холода», место испытаний в Шибальбе 71
 «Дом ягуаров», место испытаний в Шибальбе 44, 72
 «Донадиу» (имя, данное астеками Педро де Альварадо) 138, 143
- «Зеленые тростники» 83
- Иаков 149
 Израиль 148

- Ики-Балам, прародитель киче 87—
90, 92—93, 95—98, 100—103,
105—106, 109—111, 114—121,
138, 148—149, 153
- Икоких (планета Венера) 97, 101
- Искет, сын Кикаба 172
- Истайуль, повелитель киче 124—
126, 130, 167
- Истайуль, сын Копаче 164
- Истайуль (имя рода) 158
- Истайуль-Винак (имя рода?) 168
- Йаколатам (звание) 140
- Йаколатам-уцам-поп-саклатоль (зва-
ние) 127
- Йакольха (звание) 159, 164
- Йаму, сын Кикаба 172
- Йолчирамак, вождь илока 148, 153
- Йолчитум, вождь илока 148, 153
- Йолькуат Кицалькуат, бог йаки 104
- Кабракан, сын Вукуб-Какиша 22—
23, 32—34
- Кавек (имя рода) 90, 92, 112, 120—
122, 125—127, 132, 135, 138—
139, 141, 144, 148, 164, 173—174
- Кавик (имя рода) 166
- Кавикиб (имя рода) 174
- Кавикиб-кикабиль-винак (звание)
170
- Кависимах, правитель киче 130, 132,
135, 137—138, 144, 170
- Какишаха, жена Ики-Балама 90,
100
- Какишаха, жена Махукутаха 148
- Какиш-Тукур, посол Шибальбы 41
- Как-Кикаб, повелитель киче 130
- Каклакан, повелитель Ахау-Киче 140
- Какох (звание) 148, 151
- Какулха-Хуракан, божество 11
- Кала-Сиха (имя рода) 148
- Кале-йамхаиль-тем (звание) 159
- Кале-камха (звание) 127
- Калель (звание) 131—133, 137, 140,
161, 172
- Калель-ахау (звание) 124, 133
- Калель-ачих (звание) 133
- Калель-камха (звание) 140
- Калель-кап (звание) 164
- Калель-нихайиб-ах-цвицак (зва-
ние) 172
- Калель-рошче (звание) 169
- Калель-сакик (звание) 128, 133
- Калель-тем (звание) 159, 164
- Кале-нихайиб (звание) 172
- Кам, сын Кикаба 172
- «Камаку» (название древней песни
киче) 120
- Камалоц, мифологическое существо
19
- Камасоц, мифологическое чудовище
20, 72—73
- Каниль-Шитапуль, сын Кикаба 172
- Каха-Палуна, жена Балам-Киче 90,
99
- Кебацунуха, вождь народа вук-амак
155
- Кесм, правитель Нихаиба 132, 144
- Кекума-ха («Дом мрака»), место ис-
пытаний в Шибальбе 44
- Кема, правитель Нихаиба 139
- Кехавай (Кехнай?) 174
- Кехнай, сын Кокаиба 142, 160
- Кибача, вождь народа вук-амак 155
- Кибацинах, девушка 156
- Кикаб, правитель киче 130—132,
135, 137—138, 144, 151, 170,
172—173
- Кикаб-Кависимах, правитель киче
170, 173
- Кикаб-нимайас (звание) 172
- Кикаб-Нимайаш 174
- Кикабиль-винак (звание) 170, 172
- Кикавиль-Винак (имя рода) 168
- Кика-Кависимах (имя рода) 168—
169
- Кикре, владыка Шибальбы 66—67
- Кикришкак, владыка Шибальбы
66—67
- Кикшик, владыка Шибальбы 66—
67
- «Кирон-Какаль», священный символ
киче, дар Накшита 149, 152
- Коакуль 120, 139, 159
- Коакутек 120, 122—123, 139

- Коахау 120, 122—123, 140
 Койабакох, повелитель Ахау-Киче 140
 Койой, сын Кокаиба 160
 Кокавиб 120—121, 138, 153, 157, 159—160
 Кокаиб 120—123, 142, 153, 157—160, 164, 170
 Кокамаль, сын Кокаиба 160
 Кокамель, повелитель Ахау-Киче 140
 Коканавиль, вождь тама 148, 151
 Кокосом, повелитель Ахау-Киче 140
 Комахкун, повелитель Ахау-Киче 140
 Коначе, правитель киче 143, 164
 Коначе (имя рода) 158
 Копичоч, вождь тама 148, 151, 153
 Корашонамак, сын Балам-Киче 160
 Кордес, Кикаб Хосе 174
 Кортес, Хулио 139
 Котуха, правитель киче 124—126, 129—130, 135, 137—139, 162—164, 166—170
 Котуха-Кукумацель, правитель киче 166
 Коцаха, сын Балам-Киче 160
 Коцбалам, мифологическое существо 19
 Коцибаха, правитель Нихаиба 139
 Кочахух, правитель Нихаиба 139
 Кочохлам, Кочохлан, вождь тама 148, 151
 Крестобаль 174
 Крестоваль 140
 Кукумац, божество 7, 8, 10—12, 16—17, 86—89, 91, 128
 Кукумац, правитель Кавека 126, 129—130, 135, 137—138, 174
 Кууатепеч, правитель Кавска 138
 Куха (имя рода) 139
 Кучумакик, владыка Шибальбы 38, 42, 46—48, 65—66
 Лахун-Хо 170
 Лахух-Нох 159
 Лольмет-ахау (звание) 140
 Лольмет-кехнай (звание) 127, 139
 «Мастер из Тольтската» 16
 «Мать жизни» 8
 Махкиналон, вождь тама 148, 151
 Махукутах, прародитель киче 87—90, 92—93, 95—103, 105—106, 110—111, 114—123, 138, 140, 148—149, 153—155, 160—161, 164, 170
 Молай, мифологические птицы 64
 Моц («Семь звезд», Плеяды) 29
 Накшит, легендарный правитель тольтеков на «Востоке» 122—124, 143, 149, 153, 157, 159, 161—164, 166
 Накель-туй (звание) 164
 Нахуаль 148, 151, 153—154, 160, 163—164
 Никакахтаках, бог Ики-Балама 93
 «Никах» 83
 Нима-йамохаль-тем (звание) 159
 Ним-Ак, божество 9, 16
 Нима-камохиль-тем (звание) 164
 Нима-камха (звание) 127, 140
 Нима-лольмет-йеолтуш (звание) 127, 140
 Нима-рах-поп-ачих (звание) 170
 Ним-Цинис, божество 16
 Ним-чокох (звание) 133, 141
 Ним-чокох-ахау (звание) 140
 Ним-чокохиль-тем (звание) 159, 164
 Ним-чокох-кавек (звание) 127, 139, 159
 Ним-Чокох Кавек Крестобаль Веласко 174
 Ним-чокох-нихаиб (звание) 140
 Ним-Шоб-Карчах (название здания для игры в мяч) 41
 Нимхаиб (род) 90
 Нихаиб (род) 92, 120, 122, 125—127, 132, 135, 139—141, 144
 Нихайа (род) 148
 Нихайиб (род) 164, 170, 172, 174
 Нихайиб, Крестобаль Фернандес 174
 Нихайиб, Хорхе 174

- «Отец жизни» 8
 Ошиб-Кех, правитель Кавека 138
- Пакам, прорицатель 76—78
 Патан, владыка Шибальбы 39, 42, 66
 Перес, Хосе 174
 Писом-Какаль, священный символ киче 121, 137
 «Повелитель мужей Востока» (эпитет Накшита) 122
 Поп-камха (звание) 159, 164
 Пополь-винак (звание) 159
 Пополь-винак-па-хом-цалац-шкушеба (звание) 139
 Пополь-винак-читуй (звание) 127, 139
 «Пополь-Вух» 7—9, 12—13, 18, 20, 41, 64, 67, 92, 94, 107, 110, 115, 120, 124, 130, 134—135, 145, 152, 156, 165, 170
 «Праматерь» 16—17, 88
 «Праматерь зари» 91
 «Праматерь света» 91
 «Праматерь солнца» 91
 «Праотец» 16, 88
 «Прародитель» 7, 9, 16
 «Прародительница» 7, 9, 16
 Пугуйю, почная ласточка, страж садов Шибальбы 70
 Пукбаль-Чак (название места погребения в Шибальбе) 45—46, 48, 82, 84—85
 Пуч, девушка 156
- Рах-поп-ах-цалам (звание) 170
 Раша-Какулха, божество 11, 13—14, 32, 38, 47, 89, 91
 Раша-Напауак, божество 91
 Рейносо, Диего (автор «Родословной владык Тотоникапана»?) 159
 Роблес, Педро де, правитель Нихаиба 140
 Рокчак, жена Лахун-Хо 170
 Роса, Кикаб Хуан де 174
 Рохас, Хулио де, правитель Кавека 139
- Роцхаиб, вождь вук-амак 155
- Сака-Палума, жена Балам-Киче 148
 Сакикас, змея 62
 Сакик (имя рода) 127—128
 Саки-Ним-Ак, божество 24
 Саки-Нима-Цинис, божество 7, 9, 24
 Сакиток (имя сосны в Шибальбе) 44
 «Сердце земли» 12, 14, 89, 91, 137
 «Сердце моря» 7, 9
 «Сердце неба и земли» 136
 «Сердце небес» 10—14, 17—19, 22, 26, 32, 74, 89, 91, 137
 «Сердце озера» 7, 9
 Сипакна, сын Вукуб-Какиша 22—23, 26—31, 34, 84
 «Создательница» 7—8, 10, 14—17, 19—20, 22, 86—89, 91, 95
 Создатель прекрасных блюд 16
 Создатель прекрасных сосудов 16
 Стайуб, правитель Кавека 138
 Стайуль 138—139
 Старица дня 35
 Старица зари 35
 Старцы дня 16
 Старцы зари 16
- Тамасул (имя жабы) 62
 Тас, девушка 156
 «Творец» 7—8, 10, 14—17, 19—20, 22, 86—89, 91, 95, 141
 «Творец благовонных смол» 16
 Текум, правитель Кавека 138—139
 Текум (родовое имя?) 168
 Текум-Тепуль, правитель киче 169
 Текпан, предводитель ах-цикинаха 167
 Тепуль, правитель Кавека 130, 138—139, 169
 Тепуль-кикабиль-винак (звание) 172
 Тепулька-Виамак (родовое имя?) 168
 Тепеу, божество 7—8, 10—11, 16—17, 86—89, 91
 Тепеу-йаки (звание) 139

- Тохиль, божество 93—101, 103—107, 109—113, 115—117, 128, 135—137, 151, 153—154, 156, 160, 163, 165
- Тукумбалам, мифологическое чудовище 19
- «Узел величия» 121
- У-калечих-рах-поп-ачих (звание) 171
- У-мамае 148, 151
- Уцам-поп (звание) 159, 164
- Уцам-чинамиталь (звание) 170
- Учуч-камха (звание) 127, 140
- Ушаб, вождь народа вук-амак 155
- Хаитуй (звание) 164
- Хакавиц, божество 93, 95, 99—101, 103, 105—106, 109—113, 137, 151, 153—154, 156, 165
- «Хакавиц» (название храма) 135
- Хакавиц (звание) 140
- Хамаи-Улеу, девушка 167
- «Хозяин изумрудов» 18
- Холом-Тукур, посол Шибальбы 41
- Хун-Ахпу 20, 22, 26, 29—34, 37, 47, 50, 52—61, 63—64, 66—69, 71—84, 91, 109
- Хун-Ахпу-Вуч, божество 7, 9, 16
- Хун-Ахпу-Кой (название песни) 54, 56
- Хун-Ахпу-Утиу, божество 7, 9, 16
- Хун-Бац (сын Хун-Хун-Ахпу) 37, 39, 42, 50—56
- Хун-Каме, владыка Шибальбы 38, 40—45, 47—49, 61, 63, 65—68, 70—71, 73, 77—78, 80—81
- Хун-Тох, божество 104
- Хун-Хун-Ахпу 24, 37—39, 41—45, 47—48, 50, 59, 82, 84
- Хун-Чоуэн, сын Хун-Хун-Ахпу 37—39, 42, 50—56
- Хуракан, божество 9, 11, 13—14, 16, 19, 32, 38, 47, 74, 89, 91, 136
- Хуракан-Тукур, посланник Шибальбы 41
- Цалам-коштум 171—172
- Цам-ачих (звание) 133
- Цамчинимиталь (звание) 157
- «Центр дома» (название священного места в хижине Шмукане) 83
- Цикинаха (род) 92, 123, 137, 139
- Ципитабан, жена Балам-Коначе 160
- Цоциль (род) 97
- Цоци-Ха («Дом лстучих мышей»), место испытаний в Шибальбе 44
- Цоциха-Чималькан, божество какчикелей 104
- Цунуниха (род) 148
- Цунуниха, жена Балам-Акаба 148
- Цунуниха, жена Махукутаха 90, 99
- Цутуха (звание) 128
- «Цутуха» (название храма в Кахбаха) 135
- Чаби-Тукур, посланник Шибальбы 41
- Чайим-Ха («Дом пожней»), место испытаний в Шибальбе 44
- Чакицам, мифологическое чудовище 72—73
- Чамалькан, божество какчикелей 97
- Чамиабак, владыка Шибальбы 38, 41—42, 65—66
- Чамиахолом, владыка Шибальбы 38, 41—42, 66
- Чахаль, божество 51
- Чийа-Цикин, вождь илока 148, 153
- Чийатох, вождь илока 148
- «Чилам-Балам», хроники майя 124
- Чимальмат, жена Вукуб-Какиша 22, 24, 26
- Чипель-Камукель, вождь илока 148
- Чипи-Какулха, божество 11, 13—14, 32, 38, 47, 89, 91
- Чиракан Шмукане, божество 17
- Читуй, Диэго Гарсия 174
- Чокой, сын Кокаиба 160
- Чокох (звание) 141
- Чокохиб (звание) 159
- Чокохиль-тем (звание) 159
- Чомиха, жена Балам-Акаба 90, 99
- Чути-рах-поп-ачих (звание) 170

- Шан (имя москита) 65
 Шбакийало, жена Хун-Хун-Ахпу 37, 40
 Шбаланке 22, 26, 29—34, 37, 39, 47, 50, 52—60, 63—64, 66—69, 71—84
 Шекотковач, мифологическое чудовище 19
 Шепек, Педро Шикицаль 174
 Шибальба, «подземное царство» 20, 38—46, 49—50, 52, 59, 61—72, 75—78, 80—84, 95, 129
 Шик, владыка Шибальбы 39, 42
 Шикирипат, владыка Шибальбы 38, 42, 65—66
 Шитапуль, сын Кикаба 172
 Шкакау, богиня 51
 Шканиль, богиня 51
 Шкик, мать Хун-Ахпу и Шбаланке 46, 49—50, 52
 Шмаикех, сын Кокаиба 160
 Шмукане 7, 9, 16, 35, 37, 42, 61, 83, 87, 89, 91
 Шмукур, горлинка 57
 Шпийакок, божество 7, 9, 16—17, 35, 37, 89, 91
 Шпурпувек, ночная ласточка страж садов Шибальбы 70
 Шпуч, девушка 113—115, 156
 Штах, девушка 113—115, 156
 Штох, богиня 51
 Шулу, прорицатель 76—78
 Шуди, предводитель ах-цикинаха 167
 Шушулим-Ха («Дом холода»), место испытаний в Шибальбе 44
 Эгоме (звание) 148

Указатель географических и этнических названий *

- Авилиш, г. 160
Айутар, мест. 173
Акааб, этн. 164, 173
Акашокакут, пос. 173
Акуль, этн. 90
Амак-Дап, лес 104
Амак-Тан, мест. 101
Амак-Тан, г. 153
Амак-Укинкат, мест. 101
Аптохиль, этн. 173
Ах-актукуль, этн. 167
Ахау, этн. 90
Ах-бакахоль, этн. 169
Ах-каб-баламиха, этн. 169
Ах-кабовиль, этн. 169
Ах-кибаха, этн. 169
Ах-кула-киче, этн. 169
Ах-оанем, этн. 167
Ах-по-булаша, этн. 169
Ах-пова, этн. 169
Ах-покон, этн. 169
Ах-поп-каль, этн. 169
Ах-по-коче, этн. 169
Ах-по-рунум, этн. 169
Ах-по-саккучак, этн. 169
Ах-потем, этн. 169
Ах-по-туктум, этн. 169
Ах-по-тулаха, этн. 169
Ах-по-хум, этн. 169
Ах-по-цолола, этн. 169
Ах-поцоциль, этн. 169
Ах-пошахиль, этн. 169
Ах-пуале, этн. 169
Ах-самайакс, этн. 172
Ах-тунала, этн. 169
Ах-цаколькех, этн. 167
Ах-цикинаха, этн. 167
Ах-цукс, этн. 167
Баламиха, этн. 90, 92
Балам-коль, этн. 90
Балам-утиу, этн. 169
Барабик-Чум, мест. 162
Батена, гор. 103
Батенаб, этн. 90
Вавилония 173
Вахшалахух, пос. 132
Ванкох, этн. 167
Всйатио, пос. 173
«Восток» 164
Вук-амак, этн. 110—111, 149, 152—
154, 156, 163, 169
Вук-амак-текпан, этн. 149, 152
Вукуб-Пек, гор. 93
Вукуб-Сиван, гор. 93, 94

* В указателе приняты сокращения: г. — гора; гор. — город; мест. — местность; оз. — озеро; пос. — поселение; р. — река; этн. — этническое (племя, народ).

- «Гора дыма», г. 163
- Далматин, этн. 169
- Закаха, этн. 90
- Икийак, мест. 171
- Илок, этн. 90, 92—93, 99, 101, 103—104, 123, 125, 132—133, 137, 152, 166, 169, 172
- Илокаб, этн. 135, 149, 153
- Исмачи, мест. 124—126, 164, 166—170
- Исмачи-Киче, мест. 169
- Ибакох, этн. 167
- Иаки, этн. 93—94, 104, 173
- Иаки-тенеу, этн. 103
- Иамримба, мест. 162
- Иамукуруашох, мест. 163
- Йохоут балкин сабаче, этн. 172
- Кабалцам-Киче, пос. 173
- Кабалькаль, этн. 169
- Кабикак-Чи-Хун-Ахпу, пос. 132
- Кабракан, пос. 132, 134
- Кавиналь, часть города Чи-Киш 124
- Кайала, мифическая страна 86—87
- Какакуч, этн. 169
- Какалиш, пос. 173
- Какиш-Канше, мест. 173
- Каксай, этн. 172
- Какулебаль, этн. 173
- Какчиксли, этн. 40—41, 90, 94, 97—99, 101, 103—104, 107, 120, 123—124, 130, 137
- «Какчксли», этн. 99, 100
- Калах, этн. 171
- Калеминьаль-Кукурабах, мест. 163
- Кале-тем, этн. 169
- Кале-цакох, этн. 169
- Канапек, пос. 171
- Канчახель, этн. 90
- Канчивиес, пос. 173
- Каоке, этн. 130
- Кахакалькат-Нахуаль, мест. 173
- Кахбаха, пос. 135, 138, 164
- Канон, мест. 172
- Кенбанаб, мест. 172
- Кенеч, этн. 90
- Кибаха, пос. 90, 103
- Киче, этн. 7—9, 12—13, 20, 23, 34, 40, 46, 61, 71, 85, 89—90, 92—93, 99, 102, 104, 107—112, 117, 121, 124—126, 128—135, 138—139, 141, 143—144, 148, 150—151, 156, 158—160, 164—169, 172, 174
- Киче, гор. 7—8, 137
- Киче-Исмачи, мест. 172—173
- Киче-Чи-Исмачи, мест. 171
- Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, мест. 173
- Койахиль, этн. 169
- Колче, пос. 131, 134
- Котуха, пос. 162—163
- Кохах, этн. 90
- Кошомшак, пос. 173
- Кукурабах, мест. 163
- Кулаха, этн. 171, 173
- Кульба, часть города Чи-Киш 123
- Кульба-Кавиналь, мест. 164
- Кулькульпек, мест. 172
- Кумаркаах, гор. 126—127
- Кумац, этн. 90, 169
- «Купальное место Тохилья», название реки 111
- Кусиван, ущелье 42
- Кушликель, мест. 172
- Лаканабах, пос. 173
- Ламак, этн. 90
- Лемоа, оз. 173
- Лольмет, этн. 169
- Лольмет-куминья, этн. 169
- Мака, пос. 132
- Макамоб, г. 22—23
- Маколабах-Табаламин, мест. 173
- Малах, этн. 166—167
- Манакот, этн. 167
- Манасакепет, этн. 167
- Масатски, этн. 173
- Меауан, г. 30—31
- Мехико, оз. 157

- Микина, пос. 132
 Микина-Цикиче-Па-Буааль-Сахок, мест. 172
 Мукуликрикат, мест. 173
 Мучулик-бак, мест. 172

 Навала, мест. 172
 Налитиха, этн. 169
 Нашка-Нуль, г. 22
 Нима-сабаче, этн. 172
 Нусиван-куль, ущелье 42

 Омуч-Кахолаб, мест. 172

 Па-Авилиш, мест. 102
 Пабаль-Абах, мест. 173
 Павилиш, ущелье 100
 Пайаки, пос. 173
 Пакаха-Шехойен, мест. 162
 Памака, пос. 130, 133
 Памбилиль-Пандокан, мест. 162
 Панкиш, мест. 172
 Па-Сиван, мест. 148—149
 Па-Тохиль, г. 101, 160—161
 Па-Тулан, мест. 148—149
 Па-Хакавиц, мест. 102
 Пацам-Каккик, мест. 171
 Паче-Чикохон, мест. 163
 Пашаш-Тумпек, мест. 172
 Пашиль, мифическая страна 86, 87
 Пекбалам-Абах, мест. 173
 Пекуль, г. 22
 Пстатайуб, мест. 131, 134

 Рабиналь, этн. 90, 92, 94, 99, 101, 103—104, 123, 130, 134, 137, 141, 152, 169
 Рашчи, мест. 172
 Реве, р. 173

 Савальшукукаб, мест. 172
 Сакабаха (Саккабаха), пос. 130, 132
 Сакийя, пос. 132
 Сакирибаль-Авилиш, г. 161
 Сакирибаль-Тохиль, г. 161
 Сакирибаль-Хакавиц, г. 161

 Сакирибаль-Па-Авилиш, мест. 102
 Сакирибаль-Па-Тохиль, мест. 102
 Сакирибаль-Па-Хакавиц, мест. 102
 Сакмала, мест. 172
 Сакулеу, пос. 130, 133
 Самала, р. 173
 Санта-Крус, мест. 145
 Сейба Инуп, мест. 173
 Сиван, мест. 173
 Сиван-Тулан, мест. 164, 173
 Сийаха, 132, 134
 Сиха, этн. 172
 Сиха, гор. 169
 Субит, мест. 172
 Суйва, гор. 104

 Там, этн. 90, 92—93, 101, 103—104, 123, 132—133, 137, 166, 169, 172
 Тамуб, этн. 135, 149
 Тенсу-олиман, этн. 92, 104
 Тенсу-оломан, этн. 90, 92
 Татеаха, мест. 169
 Текпан, этн. 90, 92
 Тибаци, мест. 162
 Тиках-Чалиб, мест. 162
 Тотоникапан, пос. 92, 97, 100, 174
 Тулан-Сиван, мест. 161
 Тулан-Суйва, Тулан, гор. 93—94, 97—98, 102, 104, 110, 123, 151
 Тухалаха, этн. 137
 Тухальха, пос. 103

 Увила, пос. 132
 Уканай, этн. 169
 Укин, г. 153
 Улахаиль, этн. 169
 Ухубаха, этн. 169
 Учабаха, пос. 90, 103, 137
 «Ущелье сокрытия» 100

 Хакавиц, г. 101, 116, 118—119, 121, 160
 Хакавиц, пос. 104, 123, 149, 156
 Хакавиц-Чипаль, г. 149, 152—154, 157, 159—160
 Хобалам-Кана-Улеу, мест. 162

- Хойам, мест. 172
 Хойамканак, мест. 171
 Хокоб-Канапек, г. 171
 Хукбайках, мест. 173
 Хулиснаб, г. 22
 Хуметаха, часть города Чи-Киш 123
 Хун-Ахпу, г. 22
- Цамцола, мест. 173
 Цанкана-Улеу, мест. 173
 Цапотеки, см. сапотеки
 Цикинаха, пос. 90, 94, 99, 101, 103, 169
 Цихбачах, пос. 171
 Цихбачах, этн. 171, 173
 Цихбачах-Цактинамит, г. 172
 Цолохче, пос. 130, 134
 Цутуха, пос. 162
- Чайбальмет-Какикиль, мест. 171
 Чакашах, мест. 173
 Чиваих, мест. 162
 Чи-Исмачи, гор. 124, 164
 Чи-Кабавиланик, мест. 163
 Чикак, г. 22
 Чи-Капох, мест. 173
 Чи-Кибакиха, мест. 161
 Чики-Туха, мест. 162
 Чикичаких-Чо, мест. 172
 Чи-Киш, гор. 123
 Чикохон, мест. 163
 Чикпач, мест. 149
 Чикуа, мест. 172
- Чи-Кумаркаах-Исмачи, мест. 170
 Чильцарреб, мест. 163
 Чималаха, этн. 169
 Чинкаца, мест. 171
 Чи-Пишаб, г. 99, 100
 Чи-Темах, пос. 132
 Чи-Хумет, мест. 163—164
 Чи-Чак, часть города Чи-Киш 123
 Чнчиль, мест. 172
 Чонхуйуб, вулкан 173
 Чопикиам, мест. 172
 Чуа-Наранхос, мест. 173
 Чува-Цак, пос. 130, 134
 Чуви-Кабаль, мест. 162—163
 Чувила, пос. 130, 133
 Чуви-Микина, пос. 130, 133
 Чувисток, пос. 172
 Чуиацикин, мест. 172
 Чулималь, пос. 132—134
 Чумилаха, пос. 90
 Чути-сабаче, этн. 172
 Чутун-Абаль, г. 172
- Шайабаха, пос. 132
 Шакох-иколь, этн. 169
 Шахбакиех, пос. 132
 Шибалаш, г. 133—134
 Шекамаш, г. 133
 Шелахух, пос. 130, 132
 Шолтаканабах, мест. 172
- Эсухулакан, мест. 172

Карта древних городов Гватемалы и Юкатана.

ПОПОЛЬ-ВУХ	5
<i>Вступление</i>	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	22
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	32
Часть II	37
Глава 1	37
Глава 2	41
Глава 3	46
Глава 4	50
Глава 5	52
Глава 6	56
Глава 7	61
Глава 8	64
Глава 9	67
Глава 10	71
Глава 11	73
Глава 12	76
Глава 13	78
Глава 14	82

Часть III	86
Глава 1	86
Глава 2	87
Глава 3	89
Глава 4	92
Глава 5	94
Глава 6	97
Глава 7	99
Глава 8	100
Глава 9	102
Глава 10	105
Часть IV	109
Глава 1	109
Глава 2	110
Глава 3	116
Глава 4	118
Глава 5	120
Глава 6	122
Глава 7	124
Глава 8	126
Глава 9	128
Глава 10	130
Глава 11	135
Глава 12	138
<i>Заключение</i>	145
РОДОСЛОВНАЯ ВЛАДЫК ТОТОНИКАПАНА	147
Глава 1 Путешествие народов киче и других родственных племен	148
Глава 2 Разделение народов	153
Глава 3 Об общественных должностях, достоинствах и почестях	157
Глава 4 Другое странствование на восток	159
Глава 5 О генеалогии Балам-Кице. Страх нахуалей и странствования народа киче	160
Глава 6 Женидьба Котуха и другие события	166
Глава 7 Последствия смерти Котуха. Встреча многих народов	169
Глава 8 Экспедиция вновь выбранных вождей, назначенных акалелем и ах-попом. А их было тринадцать из Кулаха, двенадцать из Цихбачах и восемь из тех, кто назывался цалам-коштум	171
Послесловие. Книга народа киче	175
Библиография	203
Указатель имен	219
Указатель географических и этнических названий	226